

Балтийский экономический журнал

№3(47) сентябрь 2024 г. 16+

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-62617 от 31.07.2015 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-3364. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Редакционная коллегия:

Главный редактор: докт. техн. наук, профессор А. М. Карлов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Заместитель главного редактора: докт. экон. наук, профессор Л. И. Сергеев, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Члены редакционной коллегии:

- докт. экон. наук, профессор Н. Г. Багаутдинова, Институт управления, экономики и финансов Казанского федерального университета;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Бильчак, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Л. И. Геращенко, Санкт-Петербургский государственный университет им. М. А. Бонч-Буревича;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Губенко, Санкт-Петербургский государственный технический университет гражданской авиации;
- докт. экон. наук, профессор В. В. Дорофеева, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Н. В. Живенок, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор С. В. Зенченко, Северо-Кавказский федеральный университет;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Иванов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, доцент К. В. Колончин, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- канд. экон. наук, доцент В. И. Кузин, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук С. А. Левков, Камчатский государственный технический университет;
- докт. экон. наук, профессор И. А. Максимцев, Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
- докт. экон. наук, профессор А. Г. Мнацаканян, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор С. Е. Прокофьев, Финансовый университет при Правительстве РФ;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Осипов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
- канд. экон. наук, доцент М. Ю. Плюхин, Западный филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
- докт. экон. наук, профессор Т. Е. Степанова, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;

- докт. экон. наук, профессор А. С. Труба, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- докт. экон. наук, профессор В. Г. Шубаева, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Журнал реферируется в ВИНТИ РАН. Статьи рецензируются. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Перепечатка материалов, опубликованных в "Балтийском экономическом журнале", допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции журнала: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1
Тел. (4012) 69-01-52, факс (4012) 69-01-01
Адрес в Интернете: <http://www.klgtu.ru> E-mail: anatolij.karlov@klgtu.ru;
elina.kruglova@klgtu.ru Адрес издателя журнала: 236022, г. Калининград, Советский пр., 1

ОТ РЕДАКЦИИ УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Балтийский экономический журнал (БЭЖ) издается с 2009 года. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-62617 от 31 июля 2015 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-336. Учредитель и издатель журнала – ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет". Журнал включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science.

В Балтийский экономический журнал принимаются для публикации научные статьи по научным специальностям 5.2.1 Экономическая теория, 5.2.2 Математические, статистические и инструментальные методы в экономике, 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика, 5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика, 5.2.6 Менеджмент и 5.2.7 Государственное и муниципальное управление. 27.05.24 г. Балтийский экономический журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки) и 5.2.4. Финансы (экономические науки). Журнал находится в открытом доступе, т. е. весь контент доступен пользователям бесплатно. С научными работами, опубликованными в "Балтийском экономическом журнале", можно ознакомиться на сайте Калининградского государственного технического университета – <http://www.klgtu.ru>. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

С 2017 года журнал выходит 4 раза в год: в марте, июне, сентябре и декабре. Сроки подачи материалов: 10 февраля, 10 мая, 10 августа, 10 ноября. Требования к оформлению рукописей научных статей приведены на с. 188. Редакционная коллегия заинтересована в повышении научного уровня представляемых к публикации материалов, расширении спектра публикуемых научных работ по научным направлениям и по региональной принадлежности авторов. Приглашаем активно работающих ученых, аспирантов, докторантов к сотрудничеству и представлению результатов проводимых научных исследований в "Балтийском экономическом журнале".

Авторы могут получить авторские экземпляры журнала по электронной почте или по подписке. Подписной индекс журнала 00711 в каталоге Калининградской области ООО "Пресса-подписка" областные и центральные издания – журналы и газеты". Подписаться на "Балтийский экономический журнал" можно по адресам электронной почты:

podpiska@pressa.gazinter.net
zakaz@pressa.gazinter.net
marketing@pressa.gazinter.net

С уважением

**Главный редактор журнала
доктор техн. наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации
А. М. Карлов**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИНАНСЫ

Гудименко Г. В. Краткий обзор банковского сектора экономики Китайской Народной Республики	6
Купцова Т. А. Ретроспективный анализ ключевых тенденций банковского сектора на примере Калининградского полуэксклава за период январь 2014 г. – январь 2023 г.	15
Мнацаканян А. Г., Томкович А. В. Корпоративные облигации как источник финансирования проектов обновления российского рыбопромыслового флота	26

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Бильчак В. С., Оглоблин Н. С. Становление рыбохозяйственного комплекса: результаты и неиспользованные резервы	39
Ильина О. Б. Вызовы и факторы, влияющие на развитие мясоперерабатывающего производства Калининградской области	53
Кузин В. И., Харин А. Г. Управление экономической доступностью рыбопродуктов как элемент политики социально-экономического развития	68
Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1991 – 2000 годы	86
Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л. Обобщение взаимосвязи численности населения и добычи водных биоресурсов приморских регионов страны	101
Харин А. Г. Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море	116

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Дорофеева В. В. Инновационное развитие стран Африки в контексте сотрудничества с Россией	135
Енина Е. С., Нето Э. Э. К. Обоснование стратегии развития сельского хозяйства Анголы: маркетинговый подход	152
Сберегаев Н. А. Сравнительные оценки экономического развития стран ЕС 14	169
Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"	188

CONTENT

FINANCE

Gudimenko G. V. A brief overview of the banking sector of the economy of the people's Republic of China	6
Kuptcova T. A. Retrospective analysis of key trends in the banking sector using the example of the Kaliningrad semi-exclave for the period January 2014 – January 2023	15
Mnatsakanyan A. G., Tomkovich A. V. Corporate bonds as a source of financing the Russian fishing fleet renovation	26

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Bilchak V. S., Ogloblin N S. Formation of the fishery complex: results and untapped reserves	39
Irina O. B. Analysis of the influence of various factors on the development of the meat processing industry of the Kaliningrad regi	53
Kuzin V. I., Kharin A. G. Management of economic accessibility of fish products as an element of social and economic development policy	68
Liubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 1991 – 2000	86
Sergeev L. I., Sergeev D. L. Generalization of the relationship between the population and the production of UBR in the coastal regions of the country	101
Kharin A. G. Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic sea	116

WORLD ECONOMY

Dorofeeva V. V. Innovative development of African countries in the context of cooperation with Russia	135
Enina E. S., Neto E. E. C. Justification of the agricultural development strategy in Angola: marketing approach	152
Sberegayev N. A. Comparative assessments of the EU 14 countries economic development	169
Requirements for the preparation of articles in the Baltic Economic Journal	188

ФИНАНСЫ

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 6-14.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3(47). P. 6-14.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 336.71

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-6-14

Краткий обзор банковского сектора экономики Китайской Народной Республики

Галина Валерьевна Гудименко

ФГБОУ ВО "Калининградский государственный
технический университет", Калининград, Россия
galina.gudimenko@klgtu.ru

Аннотация. Китайская Народная Республика является одним из главных партнёров России, товарооборот между странами постоянно увеличивается, при этом Китай стал одним из крупнейших рынков финансовых технологий. В представленной статье охарактеризована сложившаяся на сегодняшний день структура банковской сферы Китайской Народной Республики, проанализированы показатели деятельности крупнейших китайских банков, контролирующих 70 % отрасли и банковской сферы в целом: активы, выручка, чистая прибыль, статистика трансакций и платёжного баланса, инновационная (патентная) активность и др. Автором определены некоторые тенденции развития банковского сектора китайской экономики, среди которых институциональные изменения, активное внедрение цифровых технологий, появление новых моделей ведения банковского бизнеса, выход на финансовый рынок крупных маркетплейсов, а также предпринята попытка определить причины данных явлений.

Ключевые слова: финансы, банковское дело, государственные финансы, банковские технологии, финтех

Для цитирования: Гудименко Г. В. Краткий обзор банковского сектора экономики Китайской Народной Республики // Балтийский экономический журнал. 2024, № 3(47). С. 6-14 . <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-6-14>

Original article

A brief overview of the banking sector of the economy of the people's Republic of China

Galina V. Gudimenko

FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

galina.gudimenko@klgtu.ru

Abstract. The People's Republic of China is one of Russia's main partners, trade turnover between the countries is constantly increasing, while China has become one of the largest financial technology markets. The article describes the current structure of the banking sector of the People's Republic of China, analyzes the performance indicators of the largest Chinese banks controlling 70% of the industry and the banking sector as a whole: assets, revenue, net profit, transaction and balance of payments statistics, innovative (patent) activity etc. The author identifies some trends in the development of the banking sector of the Chinese economy, including institutional changes, the active introduction of digital technologies, the emergence of new models of banking business, the entry into the financial market of large marketplaces, and attempts to substantiate the causes of these phenomena.

Keywords: finance, banking, public finance, banking technology, fintech

For citation: Gudimenko G. V. A brief overview of the banking sector of the economy of the people's Republic of China // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):6-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-6-14>

Китай является одним из важнейших государств не только в сфере внешней политики России, но и главным торговым партнером РФ. По результатам 2023 года товарооборот России с Китайской Народной Республикой (далее КНР) увеличился до \$240,11 млрд., годовой прирост составил более 26 %. Объем экспортных операций Китая в Россию достиг по итогам 2023 года \$110,97 млрд., а импортных операций – \$129,13 млрд., значительно увеличившись по сравнению с 2022 годом. В частности, возросли поставки автомобилей, различных видов оборудования, телефонов, компьютеров и других товаров. Российско-китайское партнерство во многом определяет успешное преодоление российской экономикой санкций западных стран, при этом не выявлено случаев обхода антироссийских санкций или оказания помощи в обходе санкций со стороны китайских банков и компаний.

Несмотря на то, что некоторые банки КНР в последнее время отменяют транзакции с банками и компаниями из России, опасаясь применения к ним ограничительных мер, следует признать, что Китай остается надёжным партнёром России в мировой экономике.

Статья имеет целью обобщение и представление данных о структуре банковского сектора экономики КНР и отдельных показателях банковской деятельности. Решению задач способствовал глубокий анализ статистических данных о результатах деятельности отдельных банков и банковской системы в

целом, при этом были использованы абстрактно-логический метод, метод сравнительного анализа, математического анализа, обобщения и др.

Центральное место в банковском секторе экономики КНР занимает Народный Банк Китая, созданный 1 декабря 1948 года, после прихода к власти Коммунистической партии Китая. Изначально, в условиях отсутствия чёткой иерархии, Народный банк Китая, помимо функций Центрального банка, осуществлял депозитные и кредитные операции для предприятий и частных лиц. В феврале 1978 года Народный банк Китая и Министерство финансов были разделены, и Народный банк Китая стал независимым учреждением под прямой юрисдикцией Государственного совета, взяв на себя роль Центрального банка [4]. В настоящее время Народный банк Китая реализует монетарную политику, проводит эмиссию денег, выполняет контрольные функции и т. д.

Первый акционерный коммерческий банк – Банк коммуникаций был создан, точнее, восстановлен в 1986 году (несмотря на то, что основан в 1908 году для инвестирования в транспортную инфраструктуру, но в результате прихода к власти коммунистической партии банковские активы частично были утрачены, а частично поглощены Народным банком Китая). Банк сегодня продолжает деятельность и входит в число системно значимых банков КНР.

Созданная в 2003 году Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая была наделена функциями стандартизации банковской деятельности и надзора за финансовыми организациями Китая, а также раскрытия данных и информации.

По состоянию на середину 2023 г., в материковом Китае существуют единственное финансовое учреждение развития – Банк развития Китая, 3 политических банка, 4 крупных государственных коммерческих банка, 12 акционерных коммерческих банков, 125 городских коммерческих банков, 19 частных банков, 1609 сельских коммерческих банков, 23 сельских кооперативных банка, а также кредитные кооперативы, займовые, лизинговые, финансовые и трастовые компании¹.

Политические банки имеют статус некоммерческих профессиональных финансовых организаций, подчинены непосредственно Государственному совету КНР, учреждены правительством Китая для реализации финансовых операций в отдельных, строго определённых областях.

В результате либерализации экономической политики и развития частного капитала, после принятия в 2015 году "Уведомления о руководящих заключениях по содействию развития частных банков", в котором разъяснились руководящая идеология, принципы формирования, условия доступа, процедуры лицензирования, механизмы для развития частных банков, возникли частные

¹ Список банковских финансовых организаций в КНР 2023/06/30 银行业金融机构法人名单 (截至2023年6月末)
<http://www.cbirc.gov.cn/branch//view/pages/common/ItemDetail.html?docId=1125015&itemId=863>

коммерческие банки, и к концу 2023 года в Китайской Народной Республике насчитывалось уже 19 таких банков.

В 2001 году Китай официально вступил в ВТО. В течение пяти лет, с 2001 по 2006 год были постепенно сняты ограничения на бизнес в иностранной валюте, бизнес в юанях и бизнес-лицензии банков с иностранным финансированием. Китай открыл свои финансовые рынки, за счёт чего ускорил интернационализацию своей банковской системы.

Сегодня на территории КНР функционируют 41 иностранный банк, 117 филиалов иностранных банков, а также банки в Гонконге, Макао и Тайване и 132 представительства. Общее количество действующих иностранных финансовых учреждений достигло 888, а общая стоимость активов достигла 3,86 трлн. юаней.

С 2015 года в финансовой системе КНР функционирует система обязательного страхования вкладов.

В целом, количество финансовых организаций увеличилось с 3857 единиц в 2009 году до 4561 единицы в 2023 году¹ (рисунок).

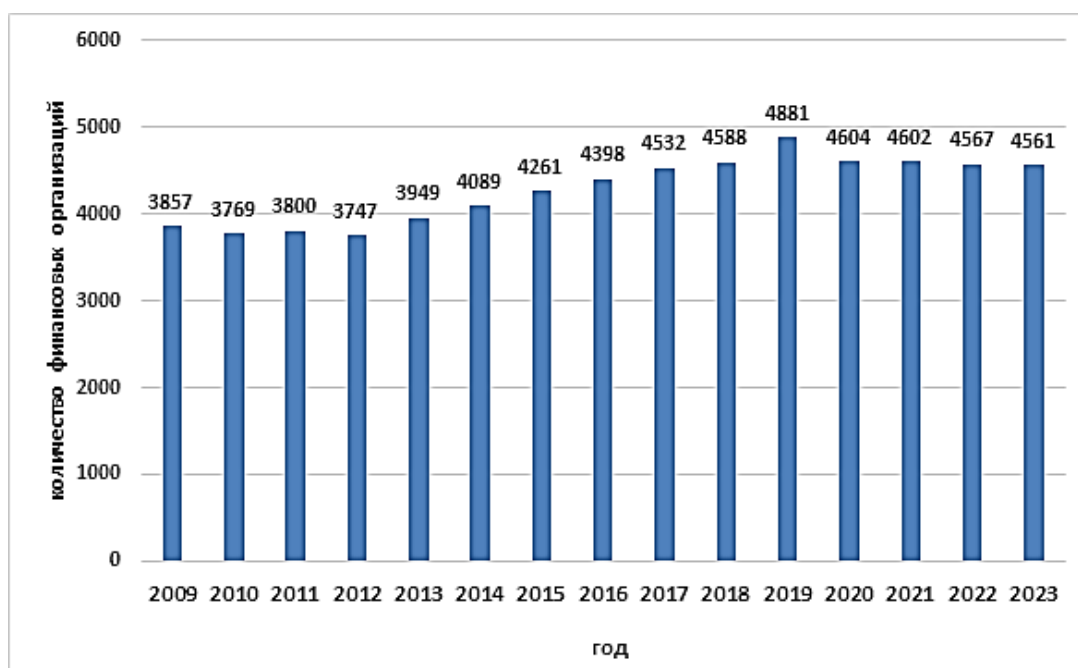

Рисунок – Динамика количества финансовых учреждений в КНР в период 2009-2023 гг., единиц

Figure – Dynamics of the number of financial institutions in China in the period 2009-2023, units

В число крупнейших коммерческих банков с государственным участием входят Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк

¹ Государственное бюро финансового надзора и управления 国家金融监督管理总局 публикует соответствующие данные каждые шесть месяцев и размещает на официальном сайте бюро <http://www.cbirc.gov.cn/branch//view/pages/common/ItemList.html?itemPid=924&itemId=863&itemUrl=ItemListRightList.html&itemName=%E7%BB%BC%E5%90%88&itemsubPid=862>

Китая, Индустриальный и коммерческий банк Китая. Эти четыре банка в 2004-2008 годах были преобразованы из коммерческих банков, полностью принадлежащих государству, в коммерческие банки, контролируемые государством. Сегодня указанные банки с государственным участием совокупно контролируют почти 70 % финансового рынка Китая.

Банк Китая – это китайская финансовая группа, основанная на базе одного из старейших китайских банков, реализует казначейские операции, внешнеторговые операции и операции в иностранной валюте.

Сельскохозяйственный Банк Китая управляет сельскохозяйственными фондами, выделенными государством, и обеспечивает кредитную поддержку сельскохозяйственной кооперации. Это крупнейший банк по размеру активов не только в КНР, но и в мире.

Китайский строительный банк – один из крупнейших банков Китая и мира, распоряжается строительными фондами, выделенными государством, и собственными строительными фондами.

Индустриально-коммерческий (в отдельных источниках переводится как Промышленно-торговый) банк Китая оказывает услуги крупным корпорациям, среднему и малому бизнесу, финансовым институтам, работает с ценными бумагами и иностранной валютой.

Отдельные показатели деятельности указанных крупнейших банков Китая за 2023 год представлены в таблице [6, 7, 8, 9].

Показатели деятельности крупнейших китайских банков по итогам 2023 года

Performance indicators of the largest Chinese banks by the end of 2023

Показатель	Индустриально-коммерческий банк Китая (ICBC)	Китайский строительный банк (CCB)	Банк Китая (BOC)	Сельскохозяйственный банк Китая (ABC)	Итого по четырём банкам
Выручка, млрд. юаней	806,5	746,1	624,0	695,5	2872,1
Чистая прибыль, млрд. юаней	365,1	332,2	246,1	269,8	1213,2
Активы, трлн. юаней	44,7	38,32	32,43	39,87	155,32
Собственный капитал, млрд. юаней	3757,0	3150,0	2630,0	2889,0	12426

Для сравнения приведём показатели деятельности крупнейшего российского банка – банка Сбер. На начало 2023 года в Сбере насчитывалось 111,3 млн. клиентов – физических и юридических лиц, а, например, только в Сельскохозяйственном банке Китая обслуживается более 320 млн. клиентов. Пересчёт показателей приведём по курсу Центробанка РФ, сложившегося на

31.12.2023 г., 1 рубль равен 0,08 юаня¹. По итогам 2023 г. выручка Сбера составила 203,2 млрд. юаней, чистая прибыль равна 120,8 млрд. юаней, объём активов достиг 4,26 трлн. юаней, собственный капитал 526,4 млрд. юаней. Как видим, показатели деятельности любого из указанных китайских банков кратно превышают показатели деятельности крупнейшего российского банка.

По данным отчётности Народного банка Китая, сложились следующие показатели деятельности организаций банковского сектора КНР² (полные данные по результатам 2023 года на момент исследования не опубликованы, поэтому анализ проводится по данным 2022 года) [5].

Объём валового внутреннего продукта по результатам периода составил 1210,207 трлн. юаней, доля третичной промышленности (первичная промышленность представлена сельским хозяйством, вторичная – отраслями промышленности, третичная – так называемая потребительская промышленность, куда отнесена и финансовая сфера) достигла 52 %. Добавленная стоимость финансовой отрасли в структуре совокупной добавленной стоимости страны по итогам 2022 года равна 8 %.

По состоянию на конец 2022 года общий объём активов банковского сектора Китая в юанях и иностранной валюте составил почти 380 трлн. юаней, показав прирост 10 %. В течение года сохранялась общая тенденция роста прибыли, и совокупная чистая прибыль финансовых организаций была зафиксирована в размере 2,3 трлн. юаней, или плюс 5,4 % по отношению к предыдущему периоду.

Статистика платёжного банковского бизнеса за 2022 год показывает, что работа национальной платёжной системы Китая является стабильной, сохранился общий рост количества банковских счетов, объёма бизнеса безналичных платежей, объёма бизнеса платёжных систем и т. д. На банковских счетах насчитывается 14,167 млрд. долларов, что на 3,68 % больше, по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Объём бизнеса безналичных платежей (счета, банковские карты и другие расчётные операции) составил 4805,77 трлн. юаней.

В течение года было выпущено 9,478 млрд. карт, что на 2,5 % больше, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в том числе 8,68 млрд. дебетовых карт, обеспеченность банковскими картами составляет 0,28 % на душу населения.

В соответствии с требованиями работы Народного банка Китая по "отключенному прямому подключению", все сторонние платёжные учреждения и коммерческие банки подключены к системе UnionPay или интернет-подключению Netlink. К началу 2023 года к межбанковской платёжной системе

¹ <https://www.cbr.ru>

² <http://jr.jl.gov.cn/jrsj/202304/P020230411390571559917.pdf> Общее функционирование платёжной системы в 2022 году. Отчёт Народного банка Китая

UnionPay подключено 27,2285 млн. специальных продавцов¹. Объем бизнеса крупных платежных систем в режиме реального времени продолжает расти. Платежная система обработала в общей сложности 247,490 млрд. транзакций на сумму 251,95 трлн. юаней.

Платежно-клиринговая система Xinyin Сельскохозяйственного банка Китая обработала в общей сложности 4,057 млрд. транзакций, сумма составила 3,24 трлн. юаней

Объем переводного бизнеса составил 189,554 млрд. транзакций на сумму 81,533 трлн. юаней, потребительский бизнес совершил 251,344 млрд. транзакций, сумма составила 130,15 трлн. юаней.

Расширились масштабы кредитования банковскими картами. По состоянию на конец 2022 года, просроченные на полгода и непогашенные кредиты составили 1086,58 млрд. юаней, или 1,00 % от суммы кредитов, подлежащих оплате по кредитным картам.

Система международных валютных платежей обработала 4,4004 млн. транзакций на сумму 96,70 трлн. юаней, рост в годовом исчислении составил 31,68 и 21,48 % соответственно. Средний ежедневный объем операций по обработке данных составляет 17 700 транзакций.

Активы иностранных банков в КНР оценены на конец 2022 года в размере 49,364 трлн. юаней.

Общая сумма банковских электронных платежей увеличивается из года в год. Объем бизнес-операций составил 278,965 млрд. на сумму 311,013 трлн. юаней, в том числе 102,126 млрд. онлайн-платежных сервисов на сумму 2527,95 трлн. юаней (увеличение на 7,39 % в годовом исчислении). В сфере мобильных платежей совершено 158,507 млрд. транзакций на сумму 499,62 трлн. юаней.

Огромное внимание китайскими банками уделяется информатизации и цифровизации финансовых услуг. Все крупные банки сформировали дочерние финтех-компании, уставный капитал которых находится на высоком уровне [2]. Продолжается увеличение числа дочерних компаний, занимающихся финансовыми информационными технологиями. Инвестиции в науку и технологии показывают, насколько китайские банки придают большое значение информационным технологиям.

12 из 19 дочерних банковских финтех-компаний имеют патенты, которые можно считать показателем инновационного развития организаций. Первое место по количеству патентов занимает One Connect Financial Technology с 5570 патентами, за ним следует CCB Finance с 1464 патентами. На третьем месте по количеству патентов находится ICBC Technology с 315 патентами, а финтех Сельскохозяйственного банка Китая Fintech ABC China имеет лишь 1 патент на программное обеспечение финансовых услуг.

¹ China UnionPay Co., Ltd.

Количество патентов частично отражает большой разрыв в возможностях НИОКР дочерних финтех-компаний китайских банков. С другой стороны, оно связано с силой материнского банка и продолжительностью времени, в течение которого была создана компания.

Отметим, что финтех-компания One Connect Financial Technology была создана в 2015 году при непосредственном участии и поддержке Правительства и Народного банка Китая. Компания обслуживает все крупнейшие банки Китая, 99 % городских коммерческих банков и 53 % страховых компаний, в 2020 году она была включена в серию глобальных фондовых индексов FTSE. Данный облачный сервис помог небольшим банкам Китая перейти на цифровые технологии.

Проведённый анализ позволил сделать выводы и определить некоторые тенденции развития банковского сектора китайской экономики. Последнее десятилетие банковский сектор экономики КНР подвержен структурным и институциональным изменениям, что вызвано внешнеполитическими событиями и активным внедрением цифровых технологий. В результате появляются новые модели ведения банковского бизнеса, крупные банки преобразовываются в конгломераты, включая в свои структуры различные финансовые институты и небанковские организации. Крупнейшие маркетплейсы, такие как Alibaba и его дочерние платформы (Taobao, Tmall Global и др.), используют как китайские, так и внешние банковские площадки, обостряя конкуренцию на рынке финансовых услуг.

Развитие банковского рынка КНР сегодня обусловлено используемыми информационными технологиями, которые определяют вектор инновационного развития банковской сферы. Финтех значительно расширил диапазон выбора для клиентов по всем видам банковских операций [3]. Китайская Народная Республика становится крупнейшим рынком финансовых технологий в глобальном масштабе, что позволяет повысить маржу банков и уменьшить жёсткость государственного регулирования банковской деятельности.

Список источников

1. Вдовин А. Банковская система КНР: ключевые проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 9. С. 75-83.
2. Гудименко Г. В., Дорофеева В. В. Цифровизация как форма инновационного развития рынка недвижимости // *Научные исследования и разработки. Экономика*. 2023. Т. 11, № 5. С. 51-56.
3. Дубинин С. К. Конкуренция современных финансовых конгломератов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 8. С. 14-21.
4. He Z, Wei W. China's Financial System and Economy: A Review. *Ann. Rev. Econ.* 15; 2022: Submitted.
5. Народный банк Китая: официальный сайт. Пекин. URL: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения 25.06.24).

6. Индустриально-коммерческий банк Китая: официальный сайт. Пекин. URL: <http://v.icbc.com.cn> (дата обращения 20.08.24).

7. Китайский строительный банк: официальный сайт. Пекин. URL: <http://www.ccb.com/cn> (дата обращения 23.08.24).

8. Банк Китая: официальный сайт. Пекин. URL: <http://pic.bankofchina.com> (дата обращения 22.08.24).

9. Сельскохозяйственный банк Китая: официальный сайт. Пекин. URL: <http://www.abchina.com/cn> (дата обращения 14.08.24).

References

1. Vdovin, A. The banking system of the People's Republic of China: key problems // World Economy and International Relations, 2014; 9:75-83. (In Russ.).

2. Gudimenko, G. Digitalization as a form of innovative development of the real estate market // Scientific research and development. Economy. 2023;11.5:51-56. (In Russ.).

3. Dubinin, S. K. The competition of modern financial conglomerates // World Economy and International Relations/ 2021;65,8:14-21 (In Russ.).

4. Zhiguo He & Wei Wei/ 2023. China's Financial System and Economy: A Review, Annual Review of Economics. 2023;15(1).

5. People's Bank of China: official website. Beijing. – URL: <http://www.pbc.gov.cn> (date of application 25.06.24)

6. Industrial and Commercial Bank of China: official website. Beijing. – URL: <http://v.icbc.com.cn> (date of application 20.08.24)

7. Chinese Construction Bank: official website. Beijing. – URL: <http://www.ccb.com/cn> (date of application 23.08.24)

8. Bank of China: official website. Beijing – URL: <http://pic.bankofchina.com> (date of application 22.08.24)

9. Agricultural Bank of China: official website. Beijing. – URL: <http://www.abchina.com/cn> (date of application 14.08.24)

Информация об авторе

Г. В. Гудименко – доктор экон. наук, профессор ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

G. V. Gudimenko – Doctor of Economic Sciences, Professor FGBOU VO "KSTU".

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 15.08.2024.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 336.711

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-14-25

Ретроспективный анализ ключевых тенденций банковского сектора на примере Калининградского полуэксклава за период январь 2014 г. – январь 2023 г.

Татьяна Александровна Купцова

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

tatyana.kuptsova@klgtu.ru

Аннотация. В настоящее время процессы укрепления и совершенствования финансовой системы в контексте денежно-кредитной политики в значительной степени подвержены влиянию различного рода неблагоприятных факторов, в связи с чем Банк России вынужден своевременно применять меры в целях стабилизации и контроля банковского сектора. Трансформация национальной экономики в постпандемийный период, характеризующийся набирающим обороты финансовым кризисом, не обошла стороной банковскую отрасль. Тем не менее, с учетом возникающих ежедневных трудностей, банковская сфера оказалась устойчивой к вызовам современных реалий.

В статье анализируется динамика основных показателей банковского сектора на примере Калининградской области в разрезе активов и пассивов Центрального банка Российской Федерации. Информационную основу исследования сформировали информационно-аналитические материалы Банка России за период 2014-2023 гг. Проведенный анализ позволил сделать выводы об уровне и динамике экономического развития в контексте банковского сектора на территории Калининградской области. Полученные результаты могут быть использованы как коммерческими банками для краткосрочного планирования своей деятельности, так и при разработке Банком России мероприятий в целях обеспечения экономической устойчивости и финансовой стабильности банковского сектора, нацеленных на улучшение национального благосостояния и обеспечение стабильного инклюзивного роста.

Ключевые слова: банковский сектор, сальдированные активы, сальдированные пассивы, кредиты, депозиты, кредитование

Для цитирования: Купцова Т. А. Ретроспективный анализ ключевых тенденций банковского сектора на примере Калининградского полуэксклава за период январь 2014 г. – январь 2023 г. // Балтийский экономический журнал. 2024. Вып. 3(47). С. 15-25. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-14-25>

Original article

Retrospective analysis of key trends in the banking sector using the example of the Kaliningrad semi-exclave for the period January 2014 – January 2023

Tatyana A. Kuptcova

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

tatyana.kuptsova@klgtu.ru

Abstract. At present, the processes of strengthening and improving the financial system in the context of monetary policy are significantly affected by various kinds of adverse factors, in connection with which the Bank of Russia is forced to apply timely measures to stabilize and control the banking sector. The transformation of the national economy in the post-pandemic period, characterized by the financial crisis gaining momentum, has not bypassed the banking sector. Nevertheless, taking into account the emerging daily difficulties, the banking sector has proved to be resistant to the challenges of modern realities.

The article analyzes the dynamics of fundamental indicators of the banking sector on the example of Kaliningrad region in the context of assets and liabilities of the Central Bank of the Russian Federation. The information and analytical materials of the Bank of Russia for the period of 2014-2023 formed the information basis for the analysis. The analysis made it possible to form conclusions about the level and dynamics of economic development in the context of the banking sector in the Kaliningrad region. The obtained results can be used by commercial banks for short-term planning of their activities, as well as when the Bank of Russia develops measures to ensure economic sustainability and financial stability of the banking sector aimed at improving national welfare and ensuring stable inclusive growth.

Keywords: banking sector, balanced assets, balanced liabilities, loans, deposits, lending

For citation: Kuptcova T. A. Retrospective analysis of key trends in the banking sector using the example of the Kaliningrad semi-exclave for the period January 2014 – January 2023 // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):15-25. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-14-25>

События, характеризующие последние 10 лет мировой экономики, доказали тесную взаимозависимость алгоритмов финансовой системы с современными реалиями. По этой причине анализ ключевых тенденций банковского сектора Российской Федерации на примере Калининградской области и уровня ее обеспеченности банковскими услугами как неотъемлемой части финансовой системы является важным аспектом совершенствования деятельности как коммерческих банков и государства, так и физических лиц [1].

Динамика основных показателей, представленных в таблице 1 за период январь 2014 г. – январь 2023 г., характеризуется как стабильно растущая: особенно это заметно за 01.01.2014 г. – 01.01.2019 г. и за 01.01.2020 г. – 01.01.2023 г.

Такая тенденция обусловлена повышением спроса на получение кредитов со стороны как юридических (нефинансовых), так и физических лиц.

Наибольший интерес в вопросе объекта кредитования вызывают розничные кредиты, представленные в виде ипотечного и потребительского кредитования.

Таблица 1 – Структура сальдированных активов за период январь 2014 – январь 2023 гг., млрд. руб.

Table 1 – Structure of balanced assets for the period January 2014 – January 2023, billion rubles

Наименование показателей	Всего сальдированных активов	Денежные ср-ва, драг. металлы и камни	В том числе		Корреспондентские счета в кредитных организациях
			счета в Банке России	обязательные резервы кредит. орг., перечисл. в Банк России	
На 01.01.2014 г.	57 423,00	1 609,00	2 265,00	402,00	1 497,00
На 01.01.2015 г.	77 853,00	2 754,00	3 298,00	470,00	2 675,00
На 01.01.2016 г.	83 000,00	1 898,00	2 464,00	365,00	2 536,00
На 01.01.2017 г.	80 063,00	1 592,00	3 046,00	482,00	1 734,00
На 01.01.2018 г.	85 192,00	1 904,00	4 735,00	503,00	1 281,00
На 01.01.2019 г.,	94 084,00	1 998,00	4 329,00	574,00	1 744,00
На 01.01.2020 г.	88 796,20	6 054,00	2 586,00	617,00	1 623,00
На 01.01.2021 г.	103 842,00	6 608,00	1 221,00	713,00	2 458,00
на 01.01.2022 г.	120 537,00	6 752,00	2 804,00	815,00	2 818,00
На 01.01.2023 г.	134 818,00	9 289,00	4 949,00	146,00	3 165,00
Наименование показателей	в том числе			Прочее участие в уставных капиталах	Производные финансовые инструменты
	ценные бумаги, приобретенные кредит. организац.	долговые обязательства	долевые цен. бумаги		
На 01.01.2014 г.	7 822,00	6 163,00	790,00	354,00	176,00
На 01.01.2015 г.	9 724,00	7 651,00	489,00	428,00	2 299,00
На 01.01.2016 г.,	11 777,00	9 616,00	295,00	568,00	1 261,00
На 01.01.2017 г.,	11 450,00	9 366,00	357,00	878,00	704,00
На 01.01.2018 г.	12 311,00	9 948,00	480,00	1 180,00	505,00
На 01.01.2019 г.	13 098,00	10 857,00	494,00	1 351,00	729,00
На 01.01.2020 г.	11 685,00	11 500,00	455,00	1 152,00	584,00
На 01.01.2021 г.	15 692,00	15 531,00	414,00	1 303,00	952,00
На 01.01.2022 г.	11 685,00	11 500,00	455,00	1 152,00	584,00
На 01.01.2023 г.	15 692,00	15 531,00	414,00	1 303,00	952,00

1	2			
	в том числе			
Наименование показателей	кредиты и прочие ссуды предоставленные	нефинансовым организац. и индивид. предпринимателям	физ. лицам	кредитным организациям
На 01.01.2014 г.	40 535,00	22 499,00	9 957,00	5 131,00
На 01.01.2015 г.	52 116,00	29 536,00	11 330,00	6 895,00
На 01.01.2016 г.	57 511,00	33 301,00	10 684,00	8 610,00
На 01.01.2017 г.	55 622,00	30 135,00	10 804,00	9 091,00
На 01.01.2018 г.	58 122,00	30 193,00	12 174,00	9 805,00
На 01.01.2019 г.	65 124,00	33 372,00	14 901,00	9 336,00
На 01.01.2020 г.	53 418,00	33 250,00	17 651,00	5 227,00
На 01.01.2021 г.	61 117,00	36 613,00	20 044,00	6 990,00
На 01.01.2022 г.	72 441,00	44 175,00	25 068,00	7 771,00
На 01.01.2023 г.	80 609,00	51 186,00	27 438,00	7 490,00
Наименование показателей	Основные средства, немат. активы и матер. запасы	Использование прибыли	Прочие размещенные средства	в том числе
				средства в расчетах
На 01.01.2014 г.	1 148,00	192,00	1 826,00	790,00
На 01.01.2015 г.	1 222,00	177,00	2 960,00	1 611,00
На 01.01.2016 г.	1 278,00	125,00	3 580,00	1 826,00
На 01.01.2017 г.	1 487,00	385,00	3 166,00	1 382,00
На 01.01.2018 г.	1 513,00	328,00	3 313,00	1 238,00
На 01.01.2019 г.	1 626,00	330,00	3 755,00	1 678,00
На 01.01.2020 г.	1 020,00	382,00	2 344,00	782,00
На 01.01.2021 г.	1 318,00	384,00	2 779,00	1 228,00
На 01.01.2022 г.	1 373,00	490,00	2 490,00	1 069,00
На 01.01.2023 г.	1 408,00	861,00	2 716,00	796,00

В рамках исследуемого периода активы банковского сектора выросли, по данным на 01.01.2023 г., в сравнении с данными на 01.01.2014 г., на 234,78 % и достигли отметки на начало 2023 г. 134 818 млрд. руб., в основном за счет стабильного роста кредитного портфеля [3]. Более того, с момента плавного восстановления отечественной экономики, начиная с 2021 г., положительная динамика активов банковского сектора в начале 2023 г., в сравнении с началом

2020 г., составила 150,83 %, что позволяет говорить об эффективности проводимых мероприятий в банковской сфере¹ [4].

Корпоративный портфель в рамках банковского сектора в разрезе исследуемых 10 лет также стабильно растет с начала 2020 г.: рост по данным на 01.01.2023 г., в сравнении с 01.01.2020 г., составил 17 936 млрд. руб., или +53,94 %, что говорит об увеличении деловой активности.

Годовой темп снижения портфеля кредитов кредитным организациям по данным на 01.01.2023 г., в сравнении с аналогичными данными на 01.01.2022 г., составил -3,62 %, а в сравнении с аналогичными данными на начало 2017 г., 2018 г. и 2019 г. - -17,61 %, -23,61 % и -19,77 % соответственно [5, 6, 7, 8]. Данная аналитика говорит о наличии в 2017-2019 гг. большого количества кредитных организаций с нестабильным финансовым положением [2].

В рамках исследуемого периода в разрезе объема вложений в ценные бумаги с начала 2020 г. наблюдается стабильный рост (с учетом резкого падения показателя с отметки в 13 098 млрд. руб. в начале 2019 г. до уровня в 11 685 млрд. руб. по данным на начало 2020 г.) в целом, и в долговые бумаги, в частности (после падения в начале 2016 г. с отметки в 9 616 млрд. руб. до отметки в 9 366 млрд. руб. в начале 2017 г.) [10, 11].

В свою очередь, показатель "долевые ценные бумаги" по данным на 01.01.2023 г., в сравнении с началом исследуемого периода (01.01.2014 г.), сократился в 2,2 раза. Это говорит о снижении привлекательности долевых ценных бумаг в сравнении с долговыми обязательствами, которые, в свою очередь, в ретроспективе исследуемого 10-летнего периода выросли с 01.01.2014 г. с отметки в 7 822 млрд. руб. в 2,4 раза.

С позиции пассивов Центрального банка Российской Федерации продолжается тенденция к росту в разрезе привлеченных средств: начиная с 01.01.2017 г. удельный вес привлеченных средств в составе общего объема сальдированных пассивов вырос с отметки в 66,03 % до уровня 91,05 %, что говорит о возрастании уровня финансовой неустойчивости банковского сектора. Данные взяты из таблицы 2.

Необходимо отметить следующий факт: показатель, характеризующий кредиты, депозиты и иные привлеченные средства, полученные кредитными организациями от Банка России на начало 2014 г., в сравнении с началом 2023 г., имеет небольшое отклонение: исследуемый показатель на начало 2017 г. остановился на отметке в 4 439 млрд. руб. против 4 461 млрд. руб. по данным на начало 2023 г. [9, 12]. Такая тенденция также показывает возрастающую нестабильность в разрезе банковского сектора, обусловленную неспособностью кредитных организаций осуществлять свою деятельность, по большей части, за счет собственных средств. Для сравнения: за исследуемый 10-летний период, по данным на 01.01.2018 г., был зафиксирован самый низкий уровень исследуемого

¹ Преимущественно за счет грамотного размещения привлеченных и собственных средств. Данная тенденция позволяет говорить о развитии современной денежно-кредитной системы.

показателя, который остановился на отметке в 2016 млрд. руб., что в 2,2 раза меньше в сравнении с аналогичным показателем по данным на начало 2023 г.

Таблица 2 – Структура сальдированных пассивов за период январь 2014 – январь 2023 гг., млрд. руб.

Table 2 – Structure of balanced liabilities for the period January 2014 – January 2023, billion rubles.

Наименование показателей	Всего сальдированных пассивов	из них		Фонды и прибыль	Кредиты, депозиты и иные привлеч. ср-ва, полученные кред. орган. от Банка России	Счета кред. организаций и банков-нерезидентов	Кредиты, депозиты и проч. ср-ва, получ. от кред. орган. и банков-нерезидентов
		привлеченные средства					
На 01.01.2014 г.	53 423,00	35 277,00		6 629,00	4 439,00	584,00	4 806,00
На 01.01.2015 г.	77 653,00	42 658,00		6 922,00	9 287,00	965,00	6 594,00
На 01.01.2016 г.	83 000,00	51 590,00		7 552,00	5 363,00	801,00	7 091,00
На 01.01.2017 г.	80 063,00	50 114,00		8 611,00	2 726,00	829,00	8 559,00
На 01.01.2018 г.	85 192,00	53 117,00		8 963,00	2 016,00	775,00	9 265,00
На 01.01.2019 г.	94 084,00	60 207,00		9 306,00	2 607,00	880,00	9 190,00
На 01.01.2020 г.	88 796,00	63 624,00		8 847,00	2 451,00	565,00	8 147,00
На 01.01.2021 г.	103 842,00	73 772,00		9 906,00	3 598,00	845,00	8 327,00
На 01.01.2022 г.	120 537,00	108 558,00		12 828,00	3 071,00	989,00	12 828,00
На 01.01.2023 г.	134 818,00	122 753,00		13 063,00	4 461,00	505,00	13 063,00
Наименование показателей	в том числе						
	средства клиентов	средства бюджетов на расчетных счетах	средства организаций на расчетных и прочих счетах	средства клиентов в расчетах	депозиты и прочие привлеч. ср-ва от юридических лиц	вклады физических лиц	ср-ва клиентов по факторингу, форфейтинг. операциям
На 01.01.2014 г.	34 931,00	42,00	6 516,00	400,00	10 838,00	16 958,00	44,00
На 01.01.2015 г.	43 814,00	72,00	7 435,00	551,00	17 008,00	18 553,00	26,00
На 01.01.2016 г.	51 907,00	66,00	8 905,00	488,00	19 018,00	23 219,00	22,00
На 01.01.2017 г.	50 003,00	8,00	8 764,00	451,00	16 385,00	24 200,00	28,00
На 01.01.2018 г.	53 703,00	10,00	9 104,00	537,00	17 900,00	25 987,00	23,00
На 01.01.2019 г.	60 702,00	11,00	9 772,00	631,00	21 652,00	28 460,00	22,00
На 01.01.2020 г.	63 435,00	20,00	10 104,00	7 534,00	18 043,00	22 878,00	42,00
На 01.01.2021 г.	73 690,00	34,00	13 630,00	11 637,00	19 217,00	21 198,00	49,00
На 01.01.2022 г.	78 059,00	33,00	16 310,00	13 466,00	21 981,00	21 229,00	27,00
На 01.01.2023 г.	88 417,00	242,00	19 427,00	13 965,00	25 553,00	22 654,00	25,00

1 Наименование показателей	2 Векселя и банковские акцепты	3	
		в том числе	
		прочие пассивы	средства в расчетах
На 01.01.2014 г.	1 004,00	3 682,00	309,00
На 01.01.2015 г.	868,00	5 892,00	1 160,00
На 01.01.2016 г.	696,00	7 443,00	1 076,00
На 01.01.2017 г.	441,00	7 318,00	821,00
На 01.01.2018 г.	428,00	8 493,00	666,00
На 01.01.2019 г.	439,00	9 127,00	635,00
На 01.01.2020 г.	382,00	1 845,00	649,00
На 01.01.2021 г.	397,00	2 726,00	1 114,00
На 01.01.2022 г.	318,00	2 609,00	1 012,00
На 01.01.2023 г.	445,00	3 468,00	1 756,00

Темп прироста клиентских средств в контексте общего объема сальдированных пассивов активно наблюдается с начала 2017 г.: данный показатель вырос на 56,55 % и к началу 2023 г. достиг отметки в 88 417 млрд. руб. Эта тенденция обусловлена ростом таких показателей, как "депозиты и прочие привлеченные средства от юридических лиц" (+64,12 %) и "средства организаций на расчетных и прочих счетах" (+45,11 %).

В рамках исследуемого периода невозможно не заметить спад показателя "векселя и банковские акцепты": если на начало периода показатель закрепился на отметке в 1004 млрд. руб., то уже по данным на 01.01.2023 г. произошло его снижение на 559 млрд. руб. и составило 445 млрд. руб.

В качестве ключевых параметров оценки обеспеченности банковскими услугами региона рассматриваются следующие показатели:

1. институциональная насыщенность банковскими услугами в разрезе численности населения – с помощью этого показателя определяется состояние региона с позиции масштаба действия банковских услуг; рассчитывается отношение количества подразделений кредитных организаций к численности населения и делится на величину аналогичного показателя, рассчитанного для России в целом;

2. финансовая насыщенность банковскими услугами в разрезе объема кредитов – при помощи этого показателя формируется отношение кредитов и прочих размещенных средств, предоставленных субъектам-резидентам, к валовому региональному продукту и делится на величину аналогичного показателя в целом по стране;

3. **индекс развития сберегательного дела** – данный показатель определяет степень обеспеченности спроса населения рассматриваемого региона на банковские услуги; рассчитывается отношение объема вкладов на душу населения к денежным доходам на душу населения и делится на величину аналогичного показателя, рассчитанного для России в целом;

4. **совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами** представляет среднегеометрическое значение трех упомянутых выше индексов.

Результаты расчета показателей насыщенности (обеспеченности) банковскими услугами Калининградской области рассчитаны автором самостоятельно и представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика ключевых показателей обеспеченности Калининградской области банковскими услугами за период январь 2014 г. – январь 2022 г.

Table 3 – Dynamics of key indicators of the provision of banking services in the Kaliningrad region for the period January 2014 – January 2022

Наименование показателя Год	Институциональная насыщенность банковскими услугами	Финансовая насыщенность банковскими услугами	Индекс развития сберегательного дела	Совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами
2014	1,11	1,43	1,08	1,2
2015	1,09	1,45	1,09	1,2
2016	1,07	1,42	1,10	1,19
2017	1,04	1,24	1,12	1,13
2018	1,00	1,11	1,08	1,06
2019	0,98	1,16	1,10	1,08
2020	0,97	0,20	1,06	0,59
2021	0,86	0,27	1,02	0,62
2022 ¹	0,97	0,05	1,00	0,37

Как видно из таблицы 3, в период 2014-2022 гг. представленные показатели (насыщенности Калининградской области банковскими услугами, финансовой насыщенности банковскими услугами в разрезе объема кредитов, индекс развития сберегательного дела и совокупный индекс обеспеченности региона банковскими услугами) стремительно падают. Такое положение обусловлено устоявшейся тенденцией последних лет, которая заключается в преобразовании крупных структурных подразделений кредитных организаций во внутренние структурные подразделения банков и филиалов с меньшими полномочиями и лимитами на проведение операций и оказание услуг, что оказало влияние на объемы привлечения и размещения ресурсов.

¹ Валовой региональный продукт рассчитывается ежегодно в текущих и постоянных ценах. Информация об уровне данного показателя за 2023 г. будет представлена Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации на официальном портале [13] не позднее 10.03.2025 г.

Поскольку показатель совокупного индекса обеспеченности любого региона банковскими услугами зависит от тенденций, характеризующих индексы институциональной насыщенности, финансовой насыщенности и развития сберегательного дела, тенденция снижения вышеуказанных показателей зависит от таких факторов, как: специфика расчетов ЦБ РФ, общее снижение количества кредитных организаций в совокупности с изменением поведенческой модели экономических субъектов, обусловленной общероссийской тенденцией.

Совокупность этих факторов привела к:

1. снижению активности банков в разрезе кредитования по показателю финансовой насыщенности, который, в свою очередь, зависит от соотношения объема кредитного портфеля и валового регионального продукта и привлечения денежных средств населения;

2. снижению активности банков по индексу сберегательного дела, который определяется по отношению объема вкладов физических лиц на душу населения к денежным доходам на душу населения.

В начале исследуемого периода (2014 г.) Калининградская область относилась к 1-й группе¹ на основании годового значения совокупного индекса за счет высокого количественного уровня показателей количества банковских организаций и предоставленных средств субъектам-резидентам. Ближе к концу рассматриваемого периода регион плавно опустился до 5-й группы со значением совокупного индекса обеспеченности региона банковским сервисом менее чем 0,7.

Список источников

1. Дьяконов, Р. В. Актуальные тенденции в банковском секторе России // Банковское дело: журнал о практике и теории банковского бизнеса. 2023. № 6. С. 20-23.

2. Калининградская область в 2021 году: горизонты развития: коллективная монография / под науч. ред. д-ра экон. наук Л. И. Сергеева, канд. экон. наук С. В. Приходько. Калининград: ООО "РА Полиграфыч", 2022. 412 с.

3. О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе 2023 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43782/razv_bs_23_01.pdf;

4. О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе 2022 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39831/razv_bs_22_01.pdf;

¹ Группа 1: показатель достигает отметки 1,0 и выше.

5. О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе 2021 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32012/razv_bs_21_01.pdf;
6. О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе 2020 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27385/razv_bs_20_01.pdf;
7. О развитии банковского сектора Российской Федерации в 2018 году и в январе 2019 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15714/razv_bs_18-19_01.pdf;
8. О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе 2018 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/8559/din_razv_18_01.pdf;
9. О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в январе 2017 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/8571/din_razv_17_01.pdf;
10. О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в январе 2016 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_16_01/;
11. О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в январе 2015 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_15_01/;
12. О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в январе 2014 года: информационно-аналитический материал. Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_14_01/;
13. Официальный интернет-портал Официальной службы государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts#>

References

1. Dyakonov R. V. Current trends in the banking sector of Russia // Banking: journal of practice and theory of banking business. 2023;6:20-23. (In Russ.).
2. Kaliningrad region in 2021: horizons of development: a collective monograph / under the scientific editorship of Dr. L. I. Sergeev, Candidate of Economics S. V. Prikhodko. Kaliningrad: RA Polygraphych LLC, 2022. 412 p. (In Russ.).
3. On the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2023: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43782/razv_bs_23_01.pdf (In Russ.).
4. On the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2022: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39831/razv_bs_22_01.pdf (In Russ.).

5. On the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2021: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32012/razv_bs_21_01.pdf (In Russ.).
6. On the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2020: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27385/razv_bs_20_01.pdf (In Russ.).
7. On the development of the banking sector of the Russian Federation in 2018 and in January 2019: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15714/razv_bs_18-19_01.pdf (In Russ.).
8. On the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2018: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/8559/din_razv_18_01.pdf (In Russ.).
9. On the dynamics of the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2017: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/8571/din_razv_17_01.pdf (In Russ.).
10. On the dynamics of the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2016: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_16_01/ (In Russ.).
11. On the dynamics of the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2015: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_15_01/ (In Russ.).
12. On the dynamics of the development of the banking sector of the Russian Federation in January 2014: information and analytical material. Access mode: https://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_14_01/ (In Russ.).
13. The official Internet portal of the Official State Statistics Service [Electronic resource]. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (In Russ.).

Информация об авторе

Т. А. Купцова – канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры экономики и финансов Института отраслевой экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет", Калининград, Россия.

Information about the author

T. A. Kuptsova – Candidate of Economic Sciences, senior lecturer of the Department of Economics and Finance of the Institute of Sectoral Economics and Management of the Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 24.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 24.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 336.62

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-26-38

Корпоративные облигации как источник финансирования проектов обновления российского рыбопромыслового флота

Альберт Гургенович Мнацакян¹

Александра Валерьевна Томкович²

^{1, 2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ mag@klgtu.ru

² aleksandra.tomkovich@klgtu.ru

Аннотация. Корпоративные облигации – инструмент, позволяющий привлечь денежные средства для реализации инвестиционного проекта, рефинансировать имеющиеся у компании обязательства, увеличить размер бизнеса. С развитием биржевого рынка увеличивается использование облигационных займов, появляются их новые модификации, удовлетворяющие требованиям как эмитентов, так и инвесторов. В статье анализируются преимущества финансирования проекта за счет облигационного займа; выявлены ограничения его использования; представлены классификационные признаки корпоративных облигаций, формирующие оптимальные условия привлечения денежных средств; сформулированы текущие тенденции развития рынка облигаций. Работа содержит актуальную статистику обращения корпоративных облигаций в РФ, а также особенности финансирования модернизации и развития рыбопромыслового флота за счет привлечения облигационных займов.

Ключевые слова: корпоративные облигации, проекты развития, модернизация рыбопромыслового флота

Для цитирования: Мнацакян А. Г., Томкович А. В. Корпоративные облигации как источник финансирования проектов обновления российского рыбопромыслового флота // Балтийский экономический журнал. 2024. Вып. 3(47). С. 26-38. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-26-38>

Corporate bonds as a source of financing the Russian fishing fleet renovation

Albert G. Mnatsakanyan¹,
Alexandra V. Tomkovich².

^{1, 2} INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

¹ mag@klgtu.ru

² aleksandra.tomkovich@klgtu.ru

Abstract. Corporate bonds allows to attract funds for epy investment project, refinance the company's existing obligations, and increase the size of the business. With the development of the stock market, the use of bond loans increases, and new modifications appear that meet the requirements of both issuers and investors. The article analyzes the advantages of financing a project through a bond loan; identifies the limitations of its use; presents the classification features of corporate bonds that form optimal conditions for raising funds; and formulates current trends in the development of the bond market. The work contains current statistics on the circulation of corporate bonds in the Russian Federation, as well as the specifics of financing the modernization and development of the fishing fleet by attracting bond loans.

Keywords: *corporate bonds, development projects, modernization of the fishing fleet*

For citation: Mnatsakanyan A. G., Tomkovich A. V. Corporate bonds as a source of financing the Russian fishing fleet renovation // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):26-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-26-38>

Поиск капитала для операционных и стратегических целей развития компании – одна из основных задач, с которой сталкивается её руководство. В краткосрочном периоде средства требуются для управления кассовыми разрывами, для принятия оперативных решений при наступлении непредвиденных ситуаций, а также для быстрого наращивания оборотных активов в случае благоприятной рыночной конъюнктуры. На долгосрочной основе капитал привлекается с целью реализации инвестиционных проектов – инвестирования в основные фонды предприятия. В центре нашего исследования находятся долгосрочные инвестиции, составляющие основу большинства проектов обновления рыбопромыслового флота.

Целью данной работы является определение перспектив использования в качестве источника капитала проектов разновидности ценных бумаг – облигаций, а также систематизация опыта применения этого инструмента в отечественном рыбном хозяйстве.

Существует множество доступных источников долгосрочного финансирования инвестиций, как внутренних, так и внешних, обладающих одновременно определенными наборами достоинств и недостатков.

В соответствии с данными Росстата, за последние годы структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Российской Федерации претерпевала несущественные изменения (таблица).

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования
Investments in fixed assets by sources of financing

Показатели	2015	2018	2019	2020	2021	2022
Собственные средства, млрд. руб.	5 271,1	7 229,5	8 099,1	8 525,1	9 911,8	11 533,4
Привлеченные средства, млрд. руб.	5 225,2	6 411,2	6 626,3	6 912,5	7 796,6	10 295,8
Доля собственных источников, %	50	53	55	55	56	53
Доля привлеченных источников, %	50	47	45	45	44	47

Источник: Росстат [1].

В среднем за период 2015-2022 гг. доля вложений в основные фонды за счет внутренних источников финансирования составляла 54 %, внешних – 46 %.

По данным Центрального банка Российской Федерации, в 2023 г. предприятия финансировали свои инвестиции преимущественно за счет внутренних источников. Как указано в Отчете, 81 % компаний привлекали собственные средства на реализацию инвестиционных программ. При этом, у значительной части из них (61 %) они выступали доминирующим источником финансирования и покрывали более 90 % инвестиционных расходов [2].

Внешнее финансирование действующие предприятия рассматривают как дополнительный источник инвестиций, который, как правило, используется в сочетании с собственными средствами. Сегодня внешнее финансирование представлено большим набором инструментов: от традиционного банковского кредита до индивидуально разработанных смешанных схем. В России основным источником внешнего финансирования остается банковское кредитование. В 2022 г. его объем составил 2 235,9 млрд. руб., или 21,7 % от общего объема внешних источников финансирования капитальных вложений [1]. При этом, доля банковского кредита в структуре привлеченных источников ежегодно уменьшается, в том числе, за счет увеличивающегося вклада по статье "заемные средства других организаций". В соответствии с официальной статистикой, в этой строке также отражаются заемные средства, полученные предприятиями за счет выпуска корпоративных облигаций – относительно нового для нашей страны инструмента долгового рынка, расширяющего возможности финансирования для разных групп заемщиков, в том числе, рыбопромышленных компаний.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг", "облигация – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на получение (если иное не предусмотрено настоящим

Федеральным законом) в предусмотренный в ней срок от эмитента облигации ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента" [3]. Иными словами, облигация – это ценная бумага, выпуск в обращение которой связан с соглашением о займе. Заемщик/эмитент продает облигацию займодавцу за определенную сумму и обязуется осуществлять ему заранее оговоренные выплаты: выплатить доход по облигации и вернуть сумму займа в означенный срок. Обязательства эмитента делают принципы обращения облигации похожими на принципы кредита: возвратность, срочность и платность.

Преимуществами использования облигационных займов как инструмента привлечения капитала для осуществления инвестиционного проекта для эмитента являются:

1. Возможность привлечения большего объема денежных средств, чем по средствам кредитования, в том числе, за счет привлечения широкого круга инвесторов (частных, корпоративных и институциональных);

2. Облигации обычно являются беззалоговыми ценными бумагами, не требующими обязательного обеспечения конкретными активами предприятия, что также увеличивает объемы заимствований;

3. Ковенанты по облигациям, как правило, менее жесткие, по сравнению с банковским кредитованием, что сводит к минимуму вмешательство инвесторов в управление делами эмитента и предоставляет большую финансовую свободу;

4. Характеристики займа (объем, сроки, величина процентной ставки, условия выпуска, обращения и погашения) определяются заемщиком, а не займодавцем, в частности, это позволяет привлекать более длинные деньги, по сравнению с банковскими;

5. Процентные ставки по облигациям могут быть ниже, чем процентные ставки для той же компании по банковскому кредиту, так как инвесторы облигаций распределяют риски между собой, за счет чего готовы к более низкому доходу.

В то же время, выпуск облигаций сопряжен с рядом ограничений и трудностей, что в некоторых случаях препятствует использованию этого инструмента, в частности:

1. Выпуск облигаций занимает продолжительное время и требует значительных расходов на юридическое и финансовое консультирование, подготовку документов.

2. Условия выпуска облигаций могут существенно отличаться, в зависимости от кредитной истории компании. Ставка по облигациям может быть выше банковской при первом их размещении или при выпуске облигаций молодой компанией. Это связано с тем, что инвесторы ограничены в информации об эмитенте и готовы принять на себя риск только при условии большей доходности.

3. В случае наступления неблагоприятных ситуаций для эмитента реструктурировать облигационный заем намного сложнее, чем банковский кредит, так как потребуется согласование с большим количеством инвесторов.

Поскольку главными субъектами (инициаторами и пользователями) инвестиций в проекты обновления рыбопромыслового флота в условиях рыночной экономики выступают частные компании, нас, прежде всего, интересует специфическая форма облигационных займов, источниками финансирования которых выступают облигации, эмитируемые такими компаниями. Корпоративные облигации представляют собой гибкий инструмент с большой вариативностью [4]. Существующие виды облигаций позволяют эмитенту размещать облигации с различной конфигурацией, используя их механизм как конструктор, предоставляющий возможность выбора оптимальных условий. При этом, маневренность увеличивается как у эмитентов, так и у инвесторов. Такая вариативность является основой неограниченного количества классификационных признаков корпоративных облигаций, основные из которых представлены на рисунке 1¹.

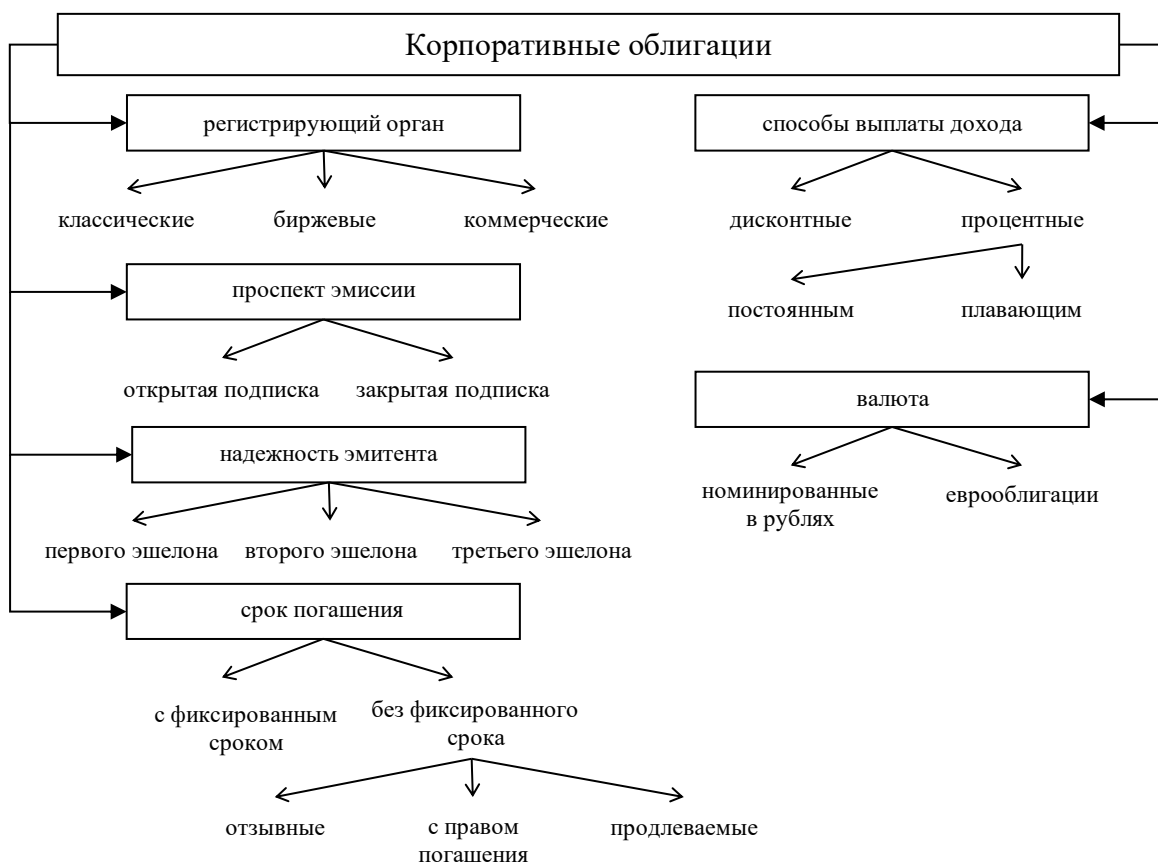

Рисунок 1 – Классификационные признаки корпоративных облигаций
Figure 1 – Classification features of corporate bonds

¹ Классификация ограничивается только корпоративными облигациями, выпускаемыми нефинансовыми предприятиями, так как последние имеют более сложную и расширенную структуру и не являются темой настоящей статьи.

В зависимости от регистрирующего органа, выделяют классические (регистрирующий орган – Банк России), биржевые (регистрирующий орган – Биржа), коммерческие облигации (регистрирующий орган – Центральный депозитарий). Коммерческие облигации представляют собой относительно новый инструмент долгового финансирования в нашей стране. Его современные правовые основы были установлены в 2015 г. в результате внесения поправок в Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг". Согласно этим поправкам, отличительной особенностью данного инструмента является обращение исключительно на внебиржевом рынке, т. е. купля-продажа облигаций осуществляется посредством прямых сделок между эмитентом и инвестором. По мнению некоторых экспертов, появление на отечественном рынке капитала корпоративных облигаций не только открывает новые перспективы для финансирования инвестиций в проекты крупного бизнеса, но и значительно расширяет возможности для инвестирования небольших компаний, для которых выпуск облигаций может стать первым шагом перед выходом на биржевой рынок [5].

В зависимости от наличия проспекта эмиссии, выделяют облигации с открытой и закрытой подпиской. Выход на публичный долговой рынок предполагает регулярное раскрытие информации об эмитенте, что гарантирует инвесторам доступ к честной и актуальной информации. Вместе с этим, закон позволяет в ряде случаев обходиться без составления и регистрации проспекта. Кроме того, в связи с санкционным давлением на Российскую Федерацию действие требования о необходимости ежегодной регистрации проспекта с июля 2022 г. временно приостановлено.

Традиционно, в зависимости от надежности эмитента, рынок корпоративных облигаций делят на три эшелона. Первый эшелон (т. н. "голубые фишки") составляют крупнейшие компании и корпорации с облигациями высокой надёжности, но относительно низкой доходностью. Вторым эшелон представлен эмитентами с более короткой историей и меньшей капитализацией. Третий эшелон составляют компании, впервые вышедшие на рынок заимствований и не имеющие кредитную историю, а потому вынужденные предлагать высокую доходность по облигациям.

Виды корпоративных облигаций по сроку обращения имеют довольно расплывчатую градацию. Обычно выделяются краткосрочные (срок обращения до года), среднесрочные (срок обращения от 1 года до 3-5 лет) и долгосрочные (срок обращения от 5 до 30-40 лет) облигации. Понятие срочности в данном контексте зависит от экономической ситуации: чем менее она стабильна, тем менее вероятен выпуск среднесрочных и долгосрочных долговых обязательств. Однако, учитывая длительность выпуска и его высокую стоимость, классические и биржевые облигации выпускаются на длительный срок.

В зависимости от сроков, на которые выпускается заем, облигации делятся на облигации с фиксированным сроком и без фиксированного срока погашения

(отзывные (могут быть отозваны эмитентом до наступления срока погашения по номиналу или с премией), с правом погашения (предоставляют право инвестору на возврат облигации эмитенту до наступления срока погашения и получения за нее номинальной стоимости) и продлеваемые (предоставляют инвестору право продлить срок погашения и продолжать получать проценты в течение этого срока).

По способу выплаты дохода облигации классифицируются как дисконтные и процентные. Доход по дисконтным облигациям образуется за счет их приобретения инвестором ниже номинала и выплатой эмитентом при погашении их номинальной стоимости. По способам выплаты процентного дохода облигации подразделяются на облигации с фиксированной купонной ставкой и с плавающей купонной ставкой (когда процентная ставка зависит от уровня ставки рефинансирования или иного принятого за базу показателя).

В зависимости от валюты номинала, купона и выплаты, выделяют номинированные в рублях и еврооблигации. Для России еврооблигацией считается бумаги, выпущенные в долларах, евро, юанях и других валютах. В 2022 г. из-за ряда международных санкций Национальный расчетный депозитарий лишился возможности проводить платежи в валюте между эмитентом и владельцем ценных бумаг. Например, инвесторы в еврооблигации не могли получить купоны в долларах – европейские посредники блокировали переводы. В рамках контрсанкционных мер был разработан новый инструмент – "замещающие облигации". Любой российский резидент может обменять евробонды на замещающие облигации. Этот механизм позволяет компаниям своевременно выполнять обязательства по облигациям, а инвесторам – получать выплаты в полном объеме, но все платежи по ним осуществляются в рублях.

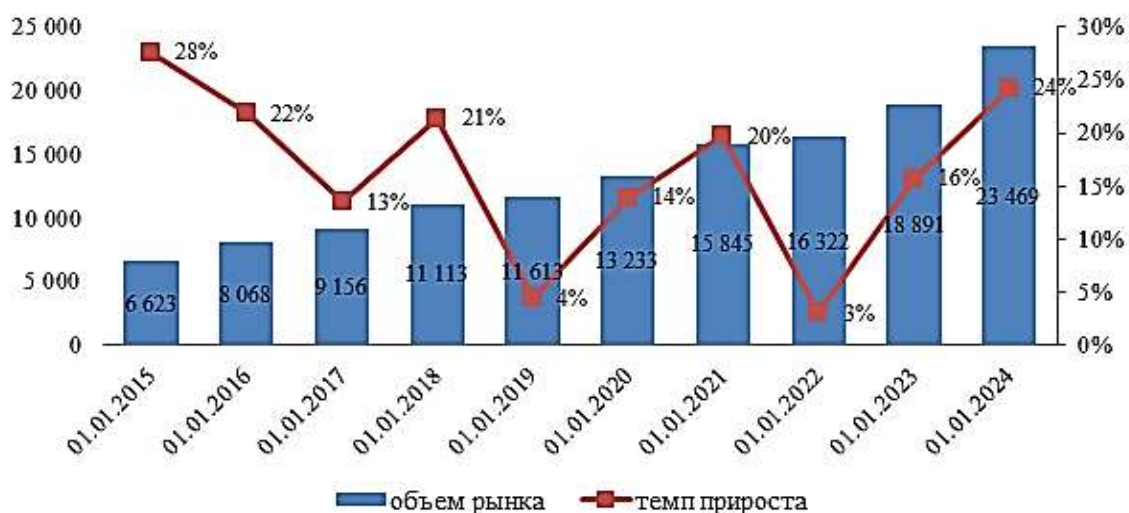

Рисунок 2 – Объем рынка корпоративных облигаций в обращении в РФ, млрд. руб.
Figure 2 – Volume of the corporate bond market in circulation in the Russian Federation, billion. rubles

Источник: Регион. Группа компаний [6].

В 2023 году рынок корпоративных облигаций в РФ достиг 23,469 трлн. руб., по сравнению с 2022 г. прирост составил 24 %, что является самым большим значением с 2015 г. (рисунок 2). Значительный вклад в годовой рост внесло размещение замещающих облигаций и еврооблигаций, номинированных в юанях.

По состоянию на 1 января 2024 г. на российском рынке корпоративных облигаций в обращении находилось 3077 выпусков данного вида ценных бумаг 547 эмитентов (без учета коммерческих облигаций). Причем только за прошлый, 2023 год на рынке было размещено 1372 новых выпуска облигаций на общую сумму порядка 5 821,7 млрд. руб.

На 1 января 2024 г. на финансовый сектор приходилось около 36,3 % от общего объема корпоративных облигаций в обращении. Реальная экономика с общей долей 63,7 % представлена нефтегазовой отраслью (28,2 %), транспортным сектором (6,3 %), строительством (6,4 %), связью (3,5 %), металлургией (3,8 %) и энергетикой (2,9 %). На долю остальных отраслей приходилась 12,6 % рынка, при этом максимальная доля не превышала 2,4 % (рисунок 3).

Рисунок 3 – Отраслевая структура рынка корпоративных облигаций, %
Figure 3 – Sectoral structure of the corporate bond market, %

Источник: Регион. Группа компаний [6].

Особенностью первичного размещения корпоративных облигаций в 2023 г. стало одновременно укрупнение выпусков и увеличение их общего количества. Около 56 % из общего объема пришлось на 52 крупных сделки объемом 30-220 млрд. руб. (ГК Автодор, Газпром Капитал, Газпром нефть, НК Роснефть, ГК НорНикель, ВЭБ.РФ, ДОМ.РФ, Сбербанк, Магнит, РЖД, РусГидро и др.). Более 30 % облигаций было выпущено с плавающим купоном, что является реакцией на меняющуюся ключевую ставку.

Таким образом, российский рынок корпоративных облигаций, находящийся на этапе первоначального становления и пока отличающийся высокой волатильностью, тем не менее, является одним из быстрорастущих сегментов отечественного рынка капитала и обладает высоким потенциалом для привлечения финансовых ресурсов на долгосрочной основе в проекты реального сектора экономики, в том числе, выглядит перспективным для финансирования инвестиций в проекты обновления рыбопромыслового флота.

Модернизация и развитие флота, составляющего основу производственных мощностей рыбного хозяйства, является одним из приоритетов российской промышленной политики на протяжении ряда лет. Ключевым документом, служащим основой для принятия многих экономических решений в рамках этого направления, выступает "Стратегия развития судостроительной промышленности до 2035 года". Стратегией, помимо прочего, предусматривается строительство в течение 15 лет свыше 3900 судов различного типа (без учета военных и экспортных заказов), в том числе 1640 судов рыбопромыслового флота [7]. Однако, судя по имеющейся в открытом доступе информации, темпы реализации Стратегии пока существенно отстают от планируемых. Так, для достижения намеченных в данном документе целевых показателей среднегодовое количество передаваемых в эксплуатацию судов должно составлять около 260 корпусов, в то время как в 2020 году промышленностью было сдано 116 судов, в 2021 году – 89 судов, а в 2022 году количество построенных судов сократилось еще на 20 % [8]. Среди причин, препятствующих успешной реализации Стратегии, не основную, но, тем не менее, важную роль играет проблема финансирования. Учитывая высокую стоимость строительства новых судов, эта проблема носит перманентный характер и остается актуальной независимо от политической и экономической конъюнктуры.

Одним из способов решения проблемы финансирования масштабных, долго окупаемых и высокорисковых инвестиций, типичных для большинства проектов обновления российского рыбопромыслового флота [9], может стать использование давно известного, но пока мало используемого в практике отечественного судостроения инструментария облигационных займов. Вместе с тем, в отечественной практике судостроения пока имеются лишь единичные случаи привлечения средств частных инвесторов с помощью этого инструмента. Так, в 2020 году ФГУП "Росморпорт" разместило пятилетние биржевые облигации общим объемом выпуска 4 млрд. руб. с фиксированной на весь срок обращения выпуска купонной ставкой в размере 5,9 % годовых и амортизацией долга равными долями, начиная с 4-го купона. Было объявлено, что инвестиции, привлеченные с помощью этого облигационного выпуска, будут направлены на финансирование инвестиционной программы предприятия, в том числе, для реализации инфраструктурных проектов, включенных в Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, а также на

поддержание программы обновления флота [10]. Другим примером стало размещение в начале 2024 года АО "Государственная транспортная лизинговая компания" 5 выпусков облигаций по закрытой подписке в пользу Минфина России с целью строительства судов на отечественных верфях для государственных нужд. Данный инвестиционный проект предусматривает строительство и поставку в 2024-2028 гг. 260 судов. Ключевыми условиями этого займа стали: "нулевой" аванс, льготная средневзвешенная ставка в течение всего срока действия договора от 2,93 до 7,6 % в зависимости от типа судна, срок лизинга – до 25 лет. Предполагается, что общий объем инвестиций в проект составит 231 млрд. руб., из которых 136 млрд. руб. составят средства Фонда национального благосостояния, 10 млрд. руб. – средства федерального бюджета и 85 млрд. руб. – заемное финансирование. Основными результатами реализации данного проекта должны стать увеличение объема перевозок водным транспортом, развитие отечественного судостроения, а также рост уровня технологической независимости транспортного комплекса России [11].

Российское рыболовство, состояние основных фондов которого настоятельно требует замены или коренной модернизации, пока остается вне поля действия программ облигационных займов, несмотря на всю привлекательность данного инструмента финансирования инвестиций. Вместе с тем, учитывая имеющиеся теоретические наработки, а также накопленный зарубежный и отечественный опыт, использование механизма облигационного финансирования может стать действенной мерой, не только способствующей решению насущной проблемы обновления флота, но и улучшающей условия перехода отечественного рыболовства к модели устойчивого развития [12]. Кроме того, перспективным выглядит использование данного инструмента для финансирования относительно маломасштабных проектов промышленного рыболовства, каковым, например, является промысел рыбы в Балтийском море [13]. Очевидно, что широкое внедрение механизма облигационного финансирования в практику инвестирования предприятий реального сектора российской экономики, в том числе, в сферу рыбного хозяйства, должно сопровождаться соответствующими изменениями в институциональной среде и дальнейшим совершенствованием инфраструктуры российского фондового рынка. Потребуется также создание соответствующих нормативных документов, стимулирующих использование данной формы инвестиций и регулирующих вопросы ее применения на отраслевом уровне.

Список источников

1. Инвестиции в России. 2023: Стат. сб./ Росстат. Москва, 2023. 229 с.
2. Карлова Н., Пузанова Е. Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. Москва: Центральный банк Российской Федерации, 2024. 24 с.

3. Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг".
4. Фабоцци Ф. Дж., Уилсон Р. С. Корпоративные облигации: структура и анализ. Москва: Альпина Паблишер, 2020. 444 с.
5. Балюк И. А. Рынок корпоративных облигаций: международный опыт и российская практика // Финансы: теория и практика. 2019. № 23(2). С. 74-83.
6. Ермак А., Сулима М. Рынок облигаций: существенное снижение цен по итогам года на фоне крайне "жесткой" ДКП Банка России. Регион. 2024. 42 с. Доступно по адресу: https://region.ru/upload/iblock/b05/Rynok_obligatsii_2023.pdf
7. Стратегия развития судостроительной промышленности до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.10.2019 г. № 2553-р.
8. Новый облик судостроения: тенденция децентрализации? // Флотпром. 01.03.2023 Доступно по адресу: <https://flotprom.ru/2023/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/>
9. Мнацаканян А. Г., Кузин В. И., Харин А. Г. О некоторых современных тенденциях в развитии российского рыбного хозяйства. Часть 2. Проблема модернизации производственного потенциала // Балтийский экономический журнал. 2018. № 2(22). С. 28-38.
10. Росморпорт погасил вторую очередь амортизации долга по дебютному выпуску облигаций на 1 млрд. руб. // Медиапалуба. 02.11.2023. Доступно по адресу: <https://paluba.media/news/60432>
11. ГТЛК разместит пять выпусков облигаций для привлечения средств на строительство судов // Морские вести России. 02.02.2024. Доступно по адресу: <https://morvesti.ru/news/1679/107365/>
12. Мнацаканян А. Г., Мнацаканян Р. А., Томкович А. В. Облигационное финансирование устойчивого рыбного хозяйства // Вестник Керченского гос. мор. технол. ун-та. 2023. № 3. С. 172-184.
13. Мнацаканян А. Г., Томкович А. В., Харин А. Г. Моделирование инвестиционной политики рыболовной фирмы на примере российского рыбного промысла в Балтийском море // Труды ВНИРО. 2023. Т. 191. С. 166-174.

References

1. Investments in Russia. 2023: Stat. collection / Rosstat. Moscow, 2023. 229 p. (In Russ.).
2. Karlova N., Puzyanova E. Investment activity in industry in 2023: results of a survey of enterprises. Analytical note. Moscow: Central Bank of the Russian Federation, 2024. 24 p. (In Russ.).
3. Federal Law of 22.04.1996 No. 39-FZ "On the securities market". (In Russ.).
4. Fabozzi F. J., Wilson R. S. Corporate bonds: structure and analysis. Moscow: Alpina Publisher. 2020. 444 p.

5. Balyuk I. A. Corporate bond market: international experience and Russian practice // Finance: theory and practice. 2019;23 (2):74-83. (In Russ.).

6. Ermak A., Sulima M. Bond market: significant price reduction by the end of the year against the backdrop of the extremely "tight" monetary policy of the Bank of Russia. Region. 2024. 42 p. Available at: https://region.ru/upload/iblock/b05/Rynok_obligatsii_2023.pdf (In Russ.).

7. Strategy for the development of the shipbuilding industry until 2035. Approved by the order of the Government of the Russian Federation dated 10/28/2019 No. 2553-r. 8. The new face of shipbuilding: a decentralization trend? // Flotprom. 03/01/2023 Available at: <https://flotprom.ru/2023/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F1/> (In Russ.).

9. Mnatsakanyan A. G., Kuzin V. I., Kharin A. G. On some modern trends in the development of the Russian fisheries industry. Part 2. The problem of modernization of production potential // Baltic Economic Journal. 2018;2(22):28-38. (In Russ.).

10. Rosmorport repaid the second stage of debt amortization on the debut issue of bonds for 1 billion rubles. // Media deck. 02.11.2023 Available at: <https://paluba.media/news/60432> (In Russ.).

11. GTLK to place five bond issues to raise funds for ship construction // Morskie Vesti Rossii. 02.02.2024 Available at: <https://morvesti.ru/news/1679/107365/> (In Russ.).

12. Mnatsakanyan A. G., Mnatsakanyan R. A., Tomkovich A. V. Bond financing of sustainable fisheries // Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. 2023;3:172-184. (In Russ.).

13. Mnatsakanyan A. G., Tomkovich A. V., Kharin A. G. Modeling the investment policy of a fishing company using the example of Russian fishing in the Baltic Sea // Proceedings of VNIRO. 2023:191:166-174. (In Russ.).

Сведения об авторах

А. Г. Мнацакян – доктор экон. наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. В. Томкович – канд. экон. наук, доцент Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

A. G. Mnatsakanyan – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Sectoral Economics and Management of the Kaliningrad State Technical University.

A. V. Tomkovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the INOTEKU at the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 39-52.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3(47). P. 39-52.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.439.6

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-39-52

Становление рыбохозяйственного комплекса: результаты и неиспользованные резервы

Василий Степанович Бильчак¹

Никита Сергеевич Оглоблин²

^{1,2}ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ vasilij.bilchak@kigtu.ru

²ogloblin.work@inbox.ru

Аннотация. Сегодня рыбохозяйственный комплекс все активней становится одной из основных составляющих национальной системы продовольственной безопасности. В связи с этим крайне важно последовательно решать существующие проблемы и отражать новые возникающие вызовы. Однако, наряду с данными проблемами, есть и резервы, которые могли бы способствовать их решению. Материалы статьи включают в себя важные исследования ученых, Минсельхоза, Росрыболовства и различные статистические данные Росстата. Основными методами выступают логический, аналитический, статистический и метод сравнения.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, рыболовство, продовольственная безопасность, рыбопромысловый флот, добыча водных биологических ресурсов

Для цитирования: Бильчак В. С., Оглоблин Н. С. Становление рыбохозяйственного комплекса: результаты и неиспользованные резервы // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 39-52. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-39-52>

Formation of the fishery complex: results and untapped reserves

Vasili S. Bilchak¹

Nikita S. Ogloblin²

^{1,2} FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

¹ vasilij.bilchak@klgtu.ru

²ogloblin.work@inbox.ru

Abstract. Today, the fishery complex is increasingly becoming one of the main components of the national food security system. In this regard, it is extremely important to consistently solve existing problems and reflect new emerging challenges. However, along with these problems, there are also reserves that could contribute to their solution. The materials of the article include important studies of scientists, materials of the Ministry of Agriculture, Rosrybolovstvo and various statistical data of Rosstat. The main methods are logical, analytical, statistical and comparison method.

Keywords: fishery complex, fishery, food security, fishing fleet, extraction of aquatic biological resources

For citation: Bilchak V. S., Ogloblin N. S. Formation of the fishery complex: results and untapped reserves// Baltic Economic Journal. 2024;3(47):39-52. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-39-52>

Введение

В настоящее время рыбохозяйственный комплекс (далее РХК) включает в себя множество видов деятельности – от вылова рыбы, добычи водных биологических ресурсов (далее ВБР), производства продукции товарной аквакультуры до научно-исследовательской деятельности и подготовки кадров. Существующая сложная структура современного РХК начинала зарождаться во второй половине XX века. В этом ключе совокупность всех видов деятельности РХК стала ядром экономической среды приморских регионов, обеспечивающей продовольственную безопасность страны, занятость населения, приобретая при этом стратегическое значение.

В настоящее время РХК вновь становится основой национальной продовольственной безопасности. При этом сегодня рыбопромысловый флот сильно сократился со времен СССР, как и сама география промысла. Перед комплексом стоят важные задачи возвращения в Мировой океан и наращивания промысла не только для обеспечения продовольственной безопасности, но и для полноценного пополнения бюджета страны. Целью настоящего исследования является изучение развития РХК, сложившихся проблем комплекса, а также использование имеющихся резервов.

Исследование тенденций развития РХК РФ

С самого начала своего полномасштабного зарождения РХК имел поддержку в развитии, что впоследствии позволило отрасли стать высокоразвитой. Наиболее полное и целенаправленное управление РХК получил 19 января 1939 г., когда Указом Президиума ВС СССР из Народного Комиссариата пищевой промышленности выделен отдельный Наркомат рыбной промышленности СССР. Он просуществовал до 8 мая 1946 г., когда новым указом были созданы 2 министерства, которые должны были выполнять его функции: Министерство рыбной промышленности западных районов и Министерство рыбной промышленности восточных районов; спустя два года, в 1948 г. они были объединены в единое Министерство рыбной промышленности.

Важнейшей вехой для РХК СССР принято считать образование Министерства рыбного хозяйства СССР 23 октября 1965 г. Эволюция развития комплекса показывает всю сложность и противоречивость государственных подходов в его развитии (таблица 1).

Таблица 1 – Эволюция государственных органов управления РХК

Table 1 – Evolution of fishery complex state management bodies

Наименование органа	Периоды деятельности и преобразований
Министерство рыбного хозяйства СССР	С октября 1965 года по ноябрь 1991 г.
Комитет рыбного хозяйства при Минсельхозе РСФСР	С декабря 1991 года по сентябрь 1992 г.
Комитет Российской Федерации по рыболовству – Роскомрыболовство	С сентября 1992 года по август 1996 г.
Государственный комитет Российской Федерации по рыболовству – Госкомрыболовство России	С августа 1996 года по март 1997 г. ¹ С сентября 1998 года по март 2004 г.
Федеральное агентство по рыболовству – Росрыболовство	С марта 2004 года по сентябрь 2007 г.
Госкомрыболовство России	С сентября 2007 года по май 2008 г.
Росрыболовство	С мая 2008 года по настоящее время

Источник: Составлено авторами.

В целом, развитие системы управления комплексом можно разделить на три этапа:

1 й этап – с 1965 по 1991 г. характеризуется началом широкого изучения объектов вылова и интенсивным развитием промысла в открытой части океана в связи с введением 200-мильных экономических зон.

2 й этап – с 1991 по 2008 г. Связан с глубоким кризисом 1990-х годов и правительственной приватизацией комплекса. Государственный орган, отвечающий за РХК, неоднократно реформировался, отрасль попала в тяжелое положение.

¹С марта 1997 года по сентябрь 1998 года – Госкомрыболовство России было ликвидировано, а его функции переданы Минсельхозу России.

3 й этап – с 2008 г. по настоящее время. Данный этап отличается наметившейся стабилизацией комплекса. В то же время, в процессе формирования новой государственной системы управления РХК ряд проблем не был устранен, например, сохранение сырьевой направленности экспорта рыбной продукции, относительно низкие темпы обновления рыбопромыслового флота и береговой инфраструктуры.

Основными показателями, характеризующими деятельность РХК, являются объем вылова рыбы и добычи ВБР, а также объем производства переработанной рыбной продукции.

Данные вылова рыбы и добычи ВБР в СССР и РФ за соответствующий период с 1966 г. вплоть до настоящего времени¹ приведены на рисунке 1.

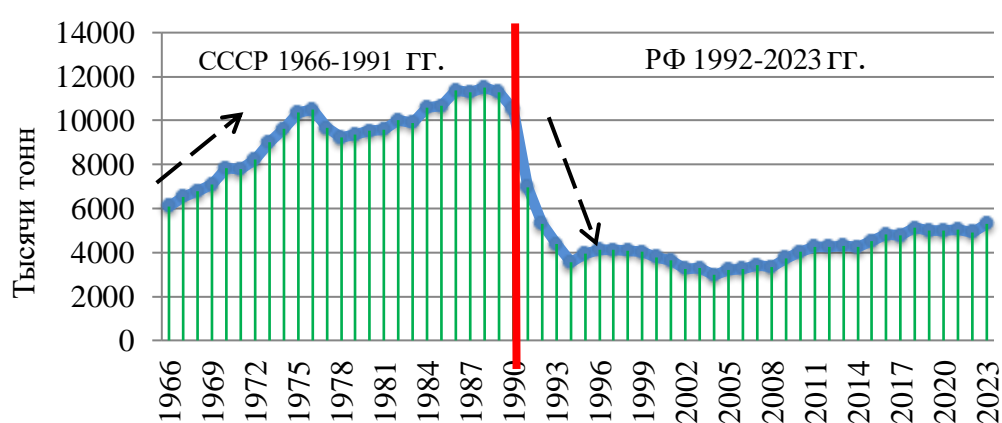

Рисунок 1 – Вылов рыбы и добыча ВБР в СССР и РФ за период с 1966 по 2023 год
Figure 1 – Catch of fish and extraction of water resources in the USSR and the Russian Federation for the period from 1966 to 2023

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Росстата, Федерального агентства по рыболовству и стат. сборников Госкомстата СССР.

Как видно из рисунка 1, динамика вылова рыбы и добычи ВБР за рассматриваемый период довольно неоднородна. Сразу после формирования Министерства рыбного хозяйства СССР, в конце 1965 г., вылов рыбы и добыча ВБР за последующий 1966 г. составила 6 млн. тонн. Уже спустя десятилетие, к 1976 г. этот показатель составил 10,5 млн. тонн, рост порядка 72 %. Справедливости ради, стоит отметить, что, согласно существующим данным, после 1976 г. рост вылова рыбы и добычи ВБР в СССР снизился, но никогда более не опускался до уровня ниже 9 млн. тонн в год, тем более, что в 1984 г. показатель вернулся к стабильному росту, и к 1986 г. уровень добычи составил более 11 млн. тонн, достигнув рекордных 11,5 млн. тонн в 1988 г., 75 % которых приходились на РСФСР.

Благодаря целенаправленной деятельности правительства страна в то время достигла больших успехов, выйдя по объему добычи рыбы и

¹ Данные представляются корректными, так как объективно большая часть РХК СССР после распада государства перешла РФ.

морепродуктов¹ на второе место в мире после Японии. Сегодня же Россия занимает четвертое место² в мировом рейтинге ведущих рыболовных стран мира, при этом обладая одними из крупнейших в мире запасами рыбных ресурсов [3].

В Советском Союзе одной из главных доктрин правительства было освоение ВБР Мирового океана. Конечной целью этого был социально-государственный заказ на достижение потребления рыбных продуктов в размере порядка 18 кг в год на душу населения. Впервые показатель потребления рыбы и морепродуктов был введен в стране после Великой отечественной войны, когда перед рыбной отраслью была поставлена цель обеспечения населения белками животного происхождения. В дальнейшем, с продолжением роста вылова, потребление рыбы и морепродуктов было доведено до рекомендованной нормы.

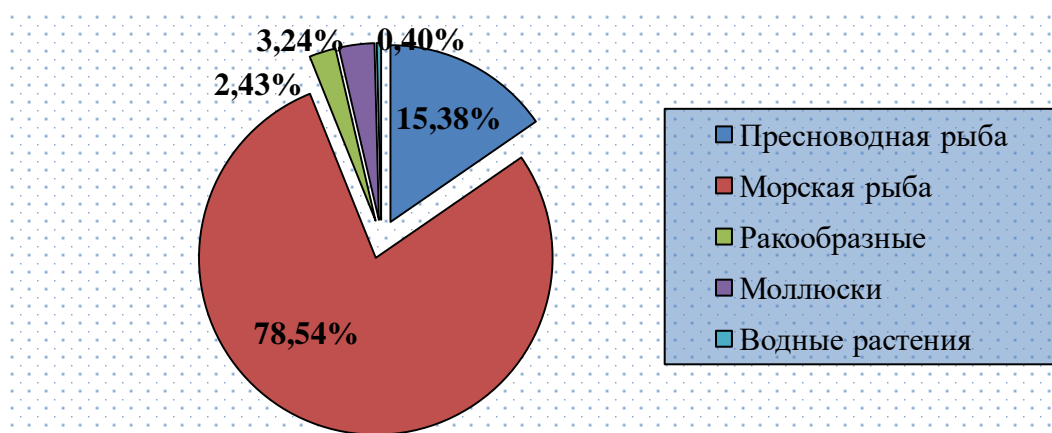

Рисунок 2 – Структура потребления рыбы и морепродуктов в СССР в 1990 г., кг
 Figure 2 – Structure of fish and seafood consumption in the USSR in 1990, kg
 Источник: Составлено авторами на основе данных FAOSTAT (<https://su90.ru/uriba.html>).

Следует отметить, что в СССР из всего широкого разнообразия водных биоресурсов была сильно развита специализация на вылове беспозвоночных. Это подтверждают данные исследования Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), проведенного в 1990 г. (рисунок 2)³. Среди представителей этой группы вылова наибольшее промышленное значение имеют такие моллюски, как кальмары, осьминоги, каракатицы. Они составляют около половины общего вылова моллюсков. Кстати, кальмар иллекс входит в число самых массовых видов водных

¹ Согласно данным мировой статистики, вылов рыбопродуктов в СССР в 1989 году достиг 11,3 млн. тонн, в 1990 году 10,5 млн. тонн.

² Согласно данным доклада Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН "Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2022", на 2020 год первое место в мире по добыче рыбы и морепродуктов занимал Китай (11,77 млн. т), второе Индонезия (6,43 млн. т), третье Перу (5,61 млн. т) и четвертое – Российская Федерация (4,79 млн. т).

³ Стоит подчеркнуть, что Госкомстат СССР рассчитывал данные потребления по товарному весу, а FAOSTAT – на основе баланса: вылов плюс импорт минус экспорт. Однако само соотношения рыбной продукции считается корректным.

биологических ресурсов. Следующей важной группы добычи являются ракообразные. Наиболее значимую роль в промысле здесь играют креветки и шримсы. Пользующиеся наибольшим спросом на мировом рынке королевские крабы (камчатский краб) являются одной из важнейших групп вылова. В настоящее время добыча беспозвоночных и ракообразных существенно сократилась.

Потребление рыбы и морепродуктов на душу населения в 1990 г. составило 24,6 кг. Из них в сумме моллюски и ракообразные занимали 5,7 %, или 1,4 кг в натуральном весе. Учитывая серьезную оторванность многих регионов СССР от приморских территорий и усредненность данных потребления, доля специфических видов ВБР в рационе является достаточно весомой.

Система управления РХК СССР была выстроена оптимально для обеспечения населения рыбной продукцией. Для реализации этой цели была выбрана стратегия, основой которой на исполнительском уровне является максимизация вылова [7]. На раннем этапе функционирования она показывала высокие результаты за счет наращивания мощи рыбопромыслового флота. Вместе с тем, нарастание кризисных явлений и две волны правительственной приватизации практически привели к распаду отрасли. РХК одним из первых стал заложником глубокого социально-экономического кризиса 1990-х г. [8]. Поэтому проводится поспешная, неосмотрительная приватизация. РХК как социально значимая отрасль, поддерживаемая государством, оказался совершенно не готов быстро перейти к новым экономическим и управленческим реалиям. В результате этих изменений рыбопромысловый флот лишился доступных промыслов в отдаленных водах Мирового океана. Большая часть флота стала заниматься заморозкой рыбы и приспособилась к сдаче вылова в иностранные порты. Так, необработанные уловы наиболее ценных видов рыб стали экспортироваться сразу из районов промысла [6].

Помимо этого, существуют и другие причины, которые способствуют росту чрезмерного вывоза рыбной продукции за рубеж. Наиболее распространенные из них – это благоприятная для моряков обстановка в иностранных портах выгрузки и возможность получения более высоких доходов. Вдобавок к этому, та рыба, что выгружается в отечественные порты, в основном также направляется на экспорт. В наши дни, с учетом текущих экономических условий, ВБР стали фактически экспортоориентированной группой товаров. При этом, в экспортных поставках России преобладает доля высококачественного сырья, перерабатываемого за границей в продукцию конечного потребления. Данный факт негативно влияет на стоимость рыбы и морепродуктов внутри страны. Важно подчеркнуть, что экспортная специализация рыболовства слабо согласуется с задачами обеспечения продовольственной безопасности [4].

В целях эффективного развития РХК предстоит менять структуру экспорта от сырьевой направленности к поставкам переработанной продукции.

Для преодоления этой проблемы необходимо, чтобы внутренний рынок стал полноценным аналогом внешнему рынку в части реализации как сырья, так и высокопереработанной продукции [11].

За последние пять лет вылов комплекса зафиксировался на уровне примерно 5 млн. тонн (см. рисунок 1). На 31 декабря 2023 г. общий объем добычи ВБР составил 5,3 млн. тонн, пиковый вылов более чем за 30 лет. Учитывая сложившуюся в последние годы сложную экономическую обстановку, высокое давление санкций и прочих негативных факторов, можно судить о том, что РХК РФ достойно выстоял и не потерял объемов промысла.

Результаты исследования

Бесспорно, РХК СССР был развитой отраслью хозяйства страны, однако в наследство Россия получила множество проблем в развитии комплекса. Последующая приватизация, призванная решить проблемы, привела лишь к тому, что из государственной в частную собственность перешли все основные производственные фонды отрасли – в первую очередь, рыбопромысловый флот. Флот является основой материально-технической базы РХК. По данным Росрыболовства, он составляет 70 % основных производственных фондов отрасли.

Основой для рыболовства в РФ считается величина общего допустимого улова ВБР. Квоты, выделяющиеся на основе величины общего допустимого улова, ограничивают вылов ВБР в течение одного года. Рассмотрим данные об итоговом освоении квот добычи ВБР, для которых устанавливаются общие допустимые уловы, в динамике за 5 лет (рисунок 3).

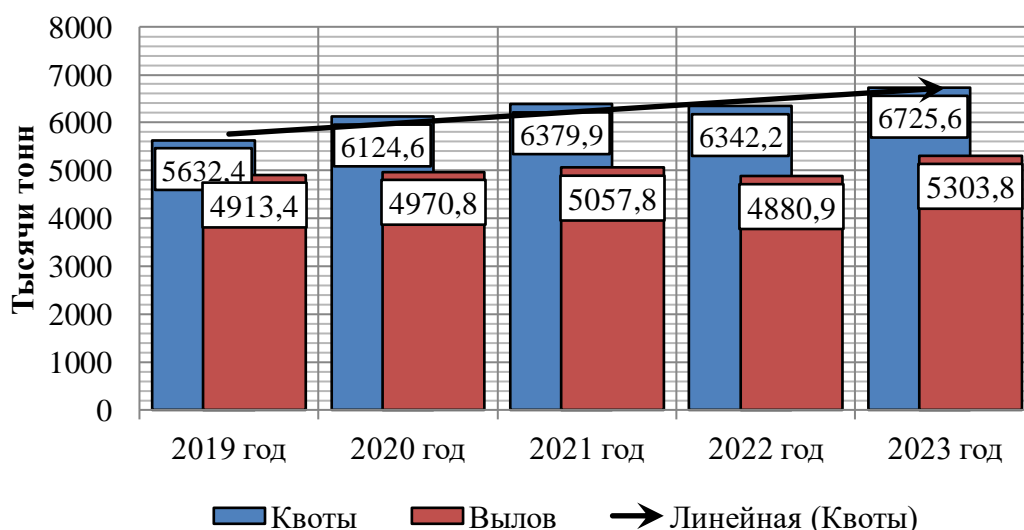

Рисунок 3 – Объем освоения квот общего допустимого улова в 2019-2023 годах
Figure 3 – Volume of utilization of quotas of total allowable catch in 2019-2023
Источник: Рассчитано авторами на основе данных Федерального агентства по рыболовству.

Как видно из рисунка 3, объем квот общего допустимого улова с каждым годом увеличивается. В процентном соотношении освоение квот по годам

выглядит следующим образом: 2019 г. – 87,2 %, 2020 г. – 81,2 %, 2021 г. – 79,3 %, 2022 г. – 77 %, 2023 г. – 79 %.

Причиной неполного освоения сырьевой базы, в первую очередь, является недостаток современного крупнотоннажного флота. Помимо этого, в РФ существуют рекомендованные объемы вылова, формирующиеся для видов ВБР, величина общих допустимых уловов которых не устанавливается (таблица 2).

Таблица 2 – Резервы вылова ВБР, общие допустимые уловы которых не устанавливаются (для промышленного рыболовства, во внутренних водах¹).

Table 2 – Catch reserves of the aquatic biological resources, the total allowable catches of which are not established

Год	Рекомендованный объем для промышленного рыболовства, т	Вылов, т	Освоение, %
2019	1 937 916,468	621 514,983	32,07
2020	2 024 293,708	758 140,125	37,45
2021	2 055 874,506	661 548,648	32,18
2022	2 004 476,263	654 231,158	32,64%
2023	2 666 934,494	857 438,072	32,15%

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Федерального агентства по рыболовству.

Итак, исходя из сложившейся ситуации, можно заключить, что в России существуют достаточно крупные резервы сырьевой базы. Ресурсный потенциал комплекса позволяет увеличивать объемы вылова ВБР до 7,0 млн. тонн. Тем не менее, эти резервы РХК не используются должным образом. География промысла существенно сократилась, российский флот практически ушел из традиционных регионов промысла в открытых и удаленных районах Мирового океана. Однако, учитывая тот факт, что протяженность береговой линии России составляет 38807 км, ее омывает 12 морей с выходами в три океана, а на территории страны находится более 5 млн. различных рек и озер, резервов для соответствующего развития РХК хватает. Кроме того, научная база и потенциал комплекса сохранились. Последнее время запасы ВБР регулярно исследуются на основе научной системы поиска, учета и анализа состояния объема и видового состава по районам добычи [10]. Большой вклад в научные исследования развития РХК вносит Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. Последние годы институт уделяет существенное внимание развитию экономических проблем комплекса с учетом специфики и особенностей приморских регионов.

Следует подчеркнуть, что РХК способен играть важную роль в национальной продовольственной безопасности, особенно на основе повышения потребления рыбной продукции при текущих объемах вылова ВБР. Наше

¹Также в территориальном море, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе РФ.

исследование и расчеты показывают, что видимое потребление рыбы и морепродуктов (объем отечественного вылова, а также импорт, за вычетом экспорта) увеличивается (таблица 3).

Таблица 3 – Расчет видимого потребления ВБР в живом весе в РФ
Table 3 – Calculation of apparent live weight consumption of fish, in live weight in the Russian Federation

Год	Население, млн. чел.	Норматив потребления рыбы, млн. тонн в расчете на население	Вылов рыбы, млн. тонн	Импорт рыбы, млн. тонн	Экспорт рыбы, млн. тонн	Видимое потребление, млн. тонн
2019	146,78	3,229	4,983	0,64	2,1	3,523
2020	146,74	3,228	4,975	0,6	2,237	3,338
2021	147,18	3,238	5,053	0,695	2,04	3,708
2022	146,15	3,215	4,92	0,387	2,3	3,007
2023	146,44	3,222	5,304	0,606	2,2	3,709

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Как видно из таблицы 3, видимое потребление ВБР имеет свою специфику. Так, например, в 2019 г. оно составляло 3,523 млн. тонн, а уже в следующем году упало до 3,338 млн. тонн. В 2021 г. наблюдался существенный рост потребления до 3,708 млн. тонн, а в 2022 г. видимое потребление было самым низким за наблюдаемый период, оно сократилось до 3,007 млн. тонн. Зато в 2023 г. потребление опять выросло до рекордного 3,709 млн. тонн. Такие колебания можно объяснить протеканием пандемии COVID-19, а также введением санкций и ограничений на торговлю рыбопродукцией и заход судов в иностранные порты. Кроме того, за этот же период сокращается экспорт и увеличивается импорт рыбной продукции, а также падает норматив потребления рыбы в расчете на душу населения с 3,229 млн. тонн в 2019 г. до 3,222 млн. тонн в 2023 г.

Следует отметить, что рекомендуемый уровень потребления рыбы в России установлен в значении не менее 22 кг на человека в год [2], в соответствии с приказом Министерства здравоохранения от 19 августа 2016 г. № 614. Данные расчета (см. таблицу 3) видимого потребления позволяют проанализировать соотношение объемов добычи ВБР и существующего уровня потребления рыбы и морепродуктов согласно материалам Росстата (рисунок 4).

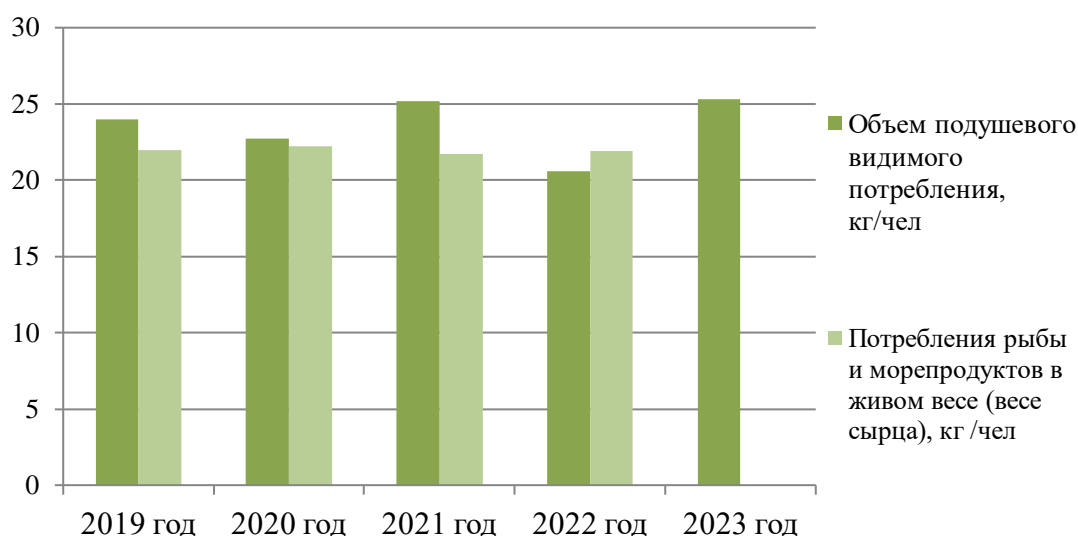

Рисунок 4 – Усредненные объемы видимого потребления ВБР и потребления рыбы на душу населения в РФ, кг/чел.

Figure 4 – Average volumes of visible fish consumption and fish consumption per capita in the Russian Federation, kg/person

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Таким образом, текущие объемы вылова ВБР не позволяют существенно увеличить потребление рыбной продукции. Учитывая экспортную ориентацию отрасли, на сегодняшний день потенциальный уровень потребления за счет собственных источников можно повысить только на 1-2 кг. Следовательно, для повышения потребления рыбы и морепродуктов необходимо перенаправление всего существующего вылова на внутренний рынок или значительное увеличение объемов вылова. А так как сегодня основной целью для РХК является достижение лидирующих позиций на мировых рынках рыбной и иной продукции из ВБР при условии обеспечения национальной продовольственной безопасности¹, необходимо планомерно наращивать именно вылов, прежде всего, для внутреннего потребления. Это вполне возможно при тех существующих резервах, которые доступны для промысла уже сегодня.

Тем не менее, РХК способен устойчиво влиять на обеспечение продовольственной безопасности, а также вносить существенные средства в бюджет государства. К примеру, по итогам проведения двух этапов крабовых аукционов, подразумевающих приобретение компаниями инвестиционных квот на 15 лет, в федеральный бюджет направлено более 350 млрд. руб., а инвестиции в отрасль в 2023 г. составили 115 млрд. руб. В целом за последние пять лет их объем вырос в четыре раза. Но все это недостижимо без последовательного увеличения объемов вылова за счет существующих резервов сырьевой базы. Интересен и характерен тот факт, что динамика общего оборота организаций

¹Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года – <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/ekonomika-otrasli/strategiya-razvitiya-rybohozyajstvennogo-kompleksa-rossijskoj-federaczii-na-period-do-2030-goda/>

РХК разнонаправленная. Оборот организаций рыболовства стабильно выше, чем оборот перерабатывающих организаций отрасли [12].

Сегодня насущно стоит вопрос, способна ли Россия вернуться к прежнему уровню освоения Мирового океана. Конечно, задача исключительно сложная, но вполне выполнимая. Для этого необходимо осуществлять обновление рыбопромыслового флота на основе тесной интеграции и концентрации ресурсов государства и хозяйствующих субъектов [5]. К сожалению, на практике не все частные инвестиции могут вкладываться в рамках реализации государственной политики. В то же время, взаимодействие на уровне реализации проектов и программ, которые, в том числе, отражали бы частные цели, являющиеся актуальными для конкретного приморского региона или хозяйствующего субъекта, решило бы данное противоречие. Для формирования современного флота РХК нужно разработать систему мер государственной поддержки с участием органов всех ветвей власти так, чтобы механизмы стимулирования привлекали инвестиции компаний, непосредственно занимающихся добычей ВБР. Данная система могла бы предполагать строительство судов на основе государственно-частного партнерства [9], задействуя частичное финансирование со стороны государства, принципиально заинтересованного в развитии РХК, в рамках Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса до 2030 года.

В условиях ограниченности собственных средств большинства рыбохозяйственных предприятий, обновление флота невозможно без привлечения кредитов. Учитывая это, в настоящее время начала работать программа инвестиционных квот, за счет которых можно проводить обновление производственных мощностей. Развитие РХК в России требует принятия совокупности мер, которые должны сочетать устранение административных барьеров для перерабатывающих предприятий и производителей и расширение источников кредитования отрасли.

Затрагиваемые вопросы непростые, они требуют государственной поддержки и объединения усилий всех заинтересованных сторон, в том числе частного капитала, в коренном изменении развития РХК, придав ему новый импульс и самостоятельный статус.

Выводы

Современный этап развития управленческой деятельности Минсельхоза России и Росрыболовства, можно охарактеризовать как период, наиболее располагающий к нововведениям из-за свойственной многофункциональной направленности и как следствие происходящих изменений в системе государственного управления РХК, его территориальной структуры, нормативно-правовой базы и т. д. [1].

Ключевой отличительной чертой отечественной рыбной отрасли всегда было использование рыбопромыслового флота за пределами территории страны,

в том числе, в открытых водах Мирового океана, что, в свой черед, обязывает государство нести всю полноту ответственности за данную деятельность и способствовать ее эффективному функционированию. Сегодня крайне важна возможность дополнения государственных программ мероприятиями по поддержке океанического рыболовства, с целью ускоренного роста сырьевой базы в Мировом океане. Необходимы принципиально новые решения в реформировании систем управления, в основу которых должны быть положены инновации в управлении отраслью. Особое внимание при этом стоит сконцентрировать на развитии государственно-частного партнерства и создании условий для привлечения инвестиций в отрасль.

Дальнейшее эффективное развитие РХК России потребует принципиально новых решений в реформировании систем управления. Для этого Росрыболовству требуется иметь государственный авторитет развития и быть самодостаточным органом. Вне сомнений, предлагать вернуться к старой системе, конечно, было бы в корне неверно и контрпродуктивно. Однако формирование органа, подчиняющегося непосредственно Правительству РФ, разгрузило бы систему управления комплексом. Сегодня Росрыболовство фактически стало отвечать не только за результаты работы по направлениям рыболовства, аквакультуры и сохранения ВБР, но и по всему многогранному РХК. Сегодняшняя многоступенчатость управления комплексом не способствует быстрому решению возникающих проблем. Поэтому иметь орган, полноценно курирующий РХК, с соответствующими полномочиями, структурой и численностью в РФ, будет намного логичнее и рациональней.

Список источников

1. Бетин О. И., Труба А. С., Мухамедова Т. О. Рыбохозяйственный комплекс: понятие, определение, структура // Труды ВНИРО. 2022. Т. 188. С. 166–173.
2. Бильчак В. С., Оглоблин Н. С. Актуальные аспекты потребления рыбной продукции населением эксклавного региона // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4(44). С. 65-76.
3. Харин А. Г. О некоторых целях рыбохозяйственной политики в Российской Федерации и влиянии внешней торговли на потребление рыбопродуктов // Балтийский экономический журнал. 2023. № 2(42). С. 37–50.
4. Мнацаканян А. Г., Кузин В. И., Харин А. Г. Рыбное хозяйство в обеспечении продовольственной безопасности России // Балтийский экономический журнал. 2021. № 3(35). С. 29-40.
5. Волкогон В. А., Сергеев Л. И., Кузин В. И., Мнацаканян Р. А. Программно-целевые аспекты рыбохозяйственной деятельности / под общ. ред. Л. И. Сергеева. Калининград: Изд-во ФГБОУ ВО "КГТУ", 2017. 182 с.

6. Васильев А. М. От разрушения рыбной отрасли – к ее возрождению // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 4. С. 2–21.
7. Волошин Г. А. Комплексный инструментарий управления рыбной отраслью в условиях новой экономической политики России // Труды ВНИРО. 2022. Т. 188. С. 174–181.
8. Зверев Г. С. Типологическое сходство экономических преобразований в рыбной отрасли: СССР в 1980-х – 1991 гг. и Россия 2017–2022 гг. // Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 83–89.
9. Колончин К. В. Современные проблемы и перспективы развития рыбопромыслового флота России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2019. № 8. С. 23–36.
10. Фомин С. Ю. Формирование системы оптимального управления рыбохозяйственным комплексом РФ // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2008. № 3(15). С. 26–35.
11. Глубоковский М. К., Глубоков А. И., Синяков С. А. Перспективы развития рыбохозяйственного комплекса России: монография / под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. Москва: Креативная экономика, 2018. 190 с.
12. Труба А. С., Кузьменко А. М., Черданцев В. П., Черданцев П. В. Рыбная отрасль России и ее технический потенциал: проблемы и пути укрепления // Вопросы рыболовства. 2023. Т. 24, № 1. С. 179–187.

References

1. Betin O. I., Truba A. S., Mukhamedova T. O. Fisheries complex: concept, definition, structure // Trudy VNIRO. 2022;188:166-173. (In Russ.).
2. Bilchak V. S., Ogloblin N. S. Current aspects of the consumption of fishproducts by the population of the exclave region // Baltic Economic Journal. 2023;4(44):65-76. (In Russ.).
3. Kharin A. G. The impact of foreign trade on the consumption of fish products and certain targets of the Russian fisheries policy // Baltic economic journal. 2023;2,42:37-50. (In Russ.).
4. Mnatsakanyan A. G., Kuzin V. I., Kharin A. G. Fish farming in ensuring food security of Russia // Baltic Economic Journal. 2021;3(35):29-40. (In Russ.).
5. Volkogon V. A., Sergeev L. I., Kuzin V. I. Efficiency of program-targeted development of the Russian fishing industry // Kaliningrad: KSTU Publish, 2019. 226 p. (In Russ.).
6. Vasiliev A. M. From the destruction of the fishing industry - to its revival // ECO. 2010;4:2-21. (In Russ.).
7. Voloshin G. A. Integrated tools for managing the fishing industry in the context of Russia's new economic policy // Trudy VNIRO. 2022;184:169-189. (In Russ.).

8. Zverev G. S. Typological similarity of economic transformations in the fishing industry: the USSR in the 1980–1991 and Russia in 2017–2022 // Scientific Journal of the Far Eastern State Technical Fisheries University. 2023;64,2:83-89. (In Russ.).

9. Kolonchin K. V. Modern problems and prospects of development of fishing fleet of Russia // Economy, labor, management in agriculture. 2019;8:23-36. (In Russ.).

10. Fomin S. Y. Formation of optimal management fishing complex of the Russian Federation // Regional economy and management: electronic scientific journal. 2008;3(15):26-35. (In Russ.).

11. Glubokovsky M. K., Glubokov A. I., Sinyakov S. A. Prospects for the development of the russian fisheries complex / Under the scientific editorship of S. M. Darkin, V. L. Kvint. Moscow: Publishing house 'Creative Economy', 2018. 190 p. (In Russ.).

12. Truba A. S., Kuzmenko A. M., Cherdantsev V. P., Cherdantsev P. V. The fishing industry of Russia and its technical potential: problems and ways to strengthen // Problems of Fisheries. 2023;24(1):179-187. (In Russ.).

Сведения об авторах

В. С. Бильчак – доктор экон. наук, профессор Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Н. С. Оглоблин – аспирант ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

V. S. Bilchak – doctor of economic sciences, professor of INOTECU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

N. S. Ogloblin – postgraduate student of INOTECU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 18.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 22.08.2024.

The article was submitted 18.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 22.08.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.43

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-53-67

Вызовы и факторы, влияющие на развитие мясоперерабатывающего производства Калининградской области

Ольга Борисовна Ильина

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

olga.ilina@klgtu.ru

Аннотация: В статье проводится ретроспективный анализ влияния различных факторов на развитие мясоперерабатывающего производства Калининградской области в период с 1990 по 2023 год. Значительное внимание уделено анализу современных вызовов устойчивому развитию данной отрасли в условиях санкций и контрсанкций последних лет. Исследование основано на массивах данных государственной статистики, научных исследованиях и данных средств массовой информации о проблемах региональных мясопереработчиков. Основным фактором, обусловившим влияние санкций на региональных производителей, стала импортозависимость, которая привела как к удорожанию готовой продукции, так и задержкам и проблемам при осуществлении производственного цикла. Интересным представляется также факт независимого развития животноводства и мясопереработки, не составляющих единой производственной цепочки внутри региона. Развитие животноводческих комплексов идет по пути укрупнения и формирования единого производственного цикла внутри компании, при этом единые кластеры, позволяющие осуществить полный импортонезависимый цикл производства, не формируются. В целях решения возникающих проблем Правительство активно стимулировало развитие импортозамещающих производств и поиск новых иностранных поставщиков и контрагентов, тем не менее, и бизнес, и государство действовали по факту устранения возникающих проблем. Выявление, обобщение и анализ факторов, влияющих на развитие мясоперерабатывающего производства, позволит осуществлять проактивное стратегическое планирование промышленного производства с целью повышения независимости национальной экономики и ее устойчивого развития.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Калининградская область, животноводство, мясоперерабатывающее производство

Для цитирования: Ильина О. Б. Вызовы и факторы, влияющие на развитие мясоперерабатывающего производства Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 53-67. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-53-67>

Analysis of the influence of various factors on the development of the meat processing industry of the Kaliningrad region

Olga B. Ilina

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

olga.ilina@klgtu.ru

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the influence of various factors on the development of the meat processing industry in the Kaliningrad region in the period from 1990 to 2023. An analysis of the impact of sanctions on the development of the industry is carried out. The study is based on government statistics, scientific research, and media data. The main factor influencing sanctions on regional producers is dependence on imports, which has led to higher prices for finished products and problems in the production cycle. The independence of the development of livestock farming and meat processing is revealed. They do not constitute a single production chain within the region. The development of livestock complexes is moving towards consolidation and the formation of a single production cycle within the company. Unified clusters that allow for a full import-independent production cycle are not being formed. To solve the problems, the Government actively stimulated the development of import-substituting industries and the search for new foreign suppliers and contractors. However, business and the state acted upon the fact of eliminating the emerging problems. Identification, generalization and analysis of factors influencing the development of meat processing production will allow for proactive strategic planning of industrial production in order to increase the independence of the national economy and its sustainable development.

Keywords: food security, Kaliningrad region, livestock farming, meat processing industry

For citation: Ilina O. B. Analysis of the influence of various factors on the development of the meat processing industry of the Kaliningrad region // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):53-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-53-67>

Введение

Продовольственный сектор является одним из ключевых в обеспечении экономической и национальной безопасности. Обеспечение продовольственной безопасности зависит от успешности и эффективности деятельности сельскохозяйственных, рыбодобывающих и пищевых перерабатывающих производств, насыщающих рынок продовольствием. Анализ структуры потребительских расходов домашних хозяйств Калининградской области за 2022 год, представленный Росстатом, показал, что расходы на покупку продуктов для домашнего питания составляют 35,4 %, при этом расходы на мясопродукты – 27,1 % продуктового набора, 13,8 % составляют хлеб, хлебобулочные изделия и крупы, 11,9 % – молоко и молочные продукты, 11 % – овощи и картофель (рисунок 1).

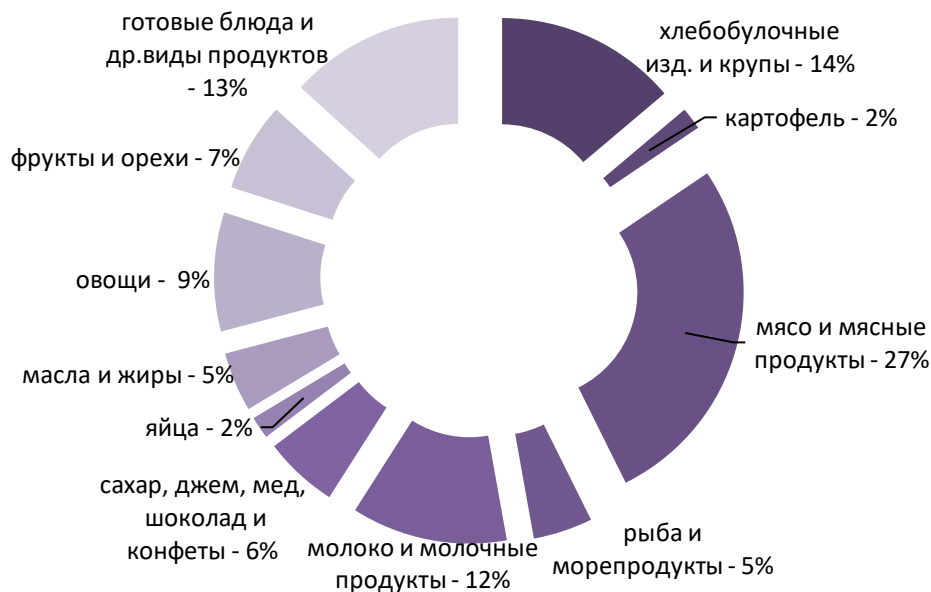

Рисунок 1 – Структура продуктовой корзины домашних хозяйств Калининградской области в 2022 году, %

Figure 1 – Structure of the food basket of households in the Kaliningrad region in 2022, %
 Источник: построено автором по данным [1]

Как видно из структуры потребления продуктов питания, мясо и мясные продукты составляют более четверти из всех продуктов, потребляемых домашними хозяйствами, и занимают наибольшую долю. Высокий уровень потребления мяса и мясопродуктов населением определяет важность мясного производства в эксклавном регионе, где экономическая и физическая доступность продовольствия является вопросом стратегического значения. Доктрина продовольственной безопасности определяет пороговое значение индикатора самообеспечения по мясу и мясопродуктам на уровне не менее 85 %. По оценкам исследователей [2, 3, 4] индикатор продовольственной безопасности Калининградской области по мясопродуктам стремится к безопасному значению. Однако точные оценки разнятся: по данным источника [2], к 2019 году уровень не достигнут, по данным [3, 4] рассматриваемый индикатор превышает пороговое значение в 2019 и 2020 годах с учетом поправки на величину импорта мяса, ввозимого мясопереработчиками в качестве сырья. Высокие значения индикаторов продовольственной безопасности по мясу и мясопродуктам свидетельствуют о важности данной отрасли для региональной экономики и ее поступательного развития.

Цель и методы исследования

Целью данной работы является анализ развития мясоперерабатывающей отрасли Калининградской области на фоне влияния различных факторов и новых вызовов современной мировой политики. Полученные исследования позволят комплексно подходить к формированию региональной и национальной

промышленной политики в целях достижения устойчивого развития экономики и обеспечения продовольственной безопасности.

Основу исследования составляют статистический анализ показателей животноводства и мясоперерабатывающего производства и ретроспективный анализ факторов и вызовов, влияющих на развитие мясоперерабатывающего производства.

Результаты исследования

Пищевая промышленность Калининградской области, частью которой является мясоперерабатывающее производство, активно развивается в последние годы, тренды их развития имеют схожий характер (рисунок 2).

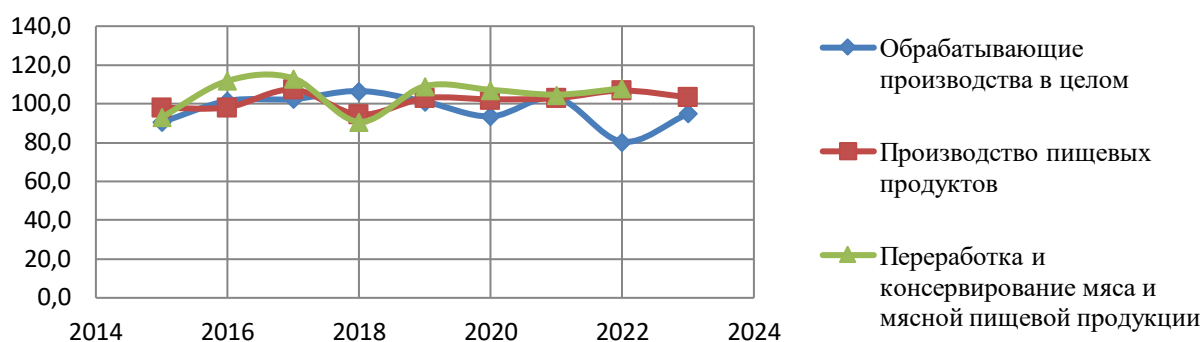

Рисунок 2 – Динамика индексов производства по отдельным видам экономической деятельности по Калининградской области, %

Figure 2 – Dynamics of production indices for certain types of economic activity in the Kaliningrad region, %

Источник: построено автором по данным источника [1].

На развитие экономики современной Калининградской области оказали влияние различные факторы, обусловленные: изменением экономического строя, введением режима особой экономической зоны в регионе, мировым кризисом 2008-2009 гг., изменением международных политических отношений, сопровождающихся введением дополнительных искусственных ограничений. Распределение основных факторов влияния на развитие экономики и промышленности Калининградской области во времени представлено в таблице 1.

В 1996-2000-х гг. льготы режима ОЭЗ позволили сформировать достаточно развитую отрасль мясоперерабатывающей промышленности. По методологии, предложенной Г. М. Федоровым и Ю. М. Зверевым [9], переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции в постсоветский период стали представлять собой "значительное" производство, в то время как в советский период это являлось только "заметным", т. е. роль их в экономике региона возросла.

Таблица 1 – Факторы, повлиявшие на развитие мясоперерабатывающего производства Калининградской области в 1990-2023 годах

Table 1 – Factors that influenced the development of meat processing production in the Kaliningrad region in 1990-2023

Период, гг.	Фактор влияния	Результат
1990-1996	Смена экономической формации Общая стагнация экономики Разрыв межрегиональных и межреспубликанских хозяйственных связей Введение в Калининградской области режима Свободной экономической зоны	Калининградская область приобрела новое геополитическое положение – эксклав Падение производства выше среднероссийских показателей Введение беспошлинного ввоза импортных товаров
1998	Экономический кризис с объявлением технического дефолта и резким падением курса рубля по отношению к доллару	Стагнация производства Кризис неплатежей Удорожание импортного сырья
1999-2008	Действие режима Особой экономической зоны в Калининградской области (введенного в 1996 году, далее – ОЭЗ)	Ввоз импортного сырья без уплаты таможенных пошлин Развитие предприятий мясопереработки, в том числе с неглубоким процессом переработки Формирование дополнительной добавленной стоимости за счет льгот ОЭЗ Формирование новых экономических связей (сырье – ЕС, рынок сбыта – Россия)
2008-2009	Мировой экономический кризис Эпидемия африканской чумы свиней в регионе и Республике Польша	Проблемы с поставкой импортного сырья Закрытие крупного свиноводческого комплекса в регионе
2010-2014	Развитие в условиях расширения международных связей региона Функционирование режима особой экономической зоны на новых условиях (федеральный закон от 2006 года с переходным периодом до 2016 года [5]) Введение государственной поддержки сельского хозяйства	Углубление процесса мясопереработки для признания товаров происходящими из ОЭЗ Льготное инвестиционное налогообложение для новых участников ОЭЗ Расширение рынков сбыта за счет стран Евразийского экономического союза Создание производственных комплексов полного цикла Развитие региональной сырьевой базы
2014-2022	Контрсанкции на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из ЕС и ряда других стран Запада [6]	Переориентация с сырьевых рынков ЕС на другие страны дальнего зарубежья Освобождение доли отечественного рынка от иностранных конкурентов
2022 – настоящее время	Введение санкций странами ЕС в отношении России Препятствия сухопутного перемещения грузов между Калининградской областью и основной территорией России	Запрет экспорта большой категории товаров из ЕС в Россию Формирование более длинных цепочек поставок (сырья, запчастей) Проблемы с оплатой импортного сырья Удорожание готовой продукции

Источник: составлено автором на материалах [4-10].

Поставщиками сырья для мясоперерабатывающей промышленности являются как региональные производители отрасли животноводства, так и импортные поставщики. Однако местное сырье не является определяющим фактором развития мясоперерабатывающей отрасли. Многие региональные исследования [8, 9, 10] показали наибольшую роль льгот режима Особой экономической зоны, введенной в 1996 году, как для развития обрабатывающей промышленности региона в целом, так и непосредственно мясоперерабатывающей отрасли. Режим особой экономической зоны с беспошлинным ввозом импортного сырья обеспечил развитие мясоперерабатывающей отрасли без возрождения местного сельского хозяйства. Трансформация законодательства об особой экономической зоне в 2006 году привела к ужесточению требований по переработке импортного сырья с целью последующего признания их товарами, происходящими из ОЭЗ, и поставки готовой продукции на национальный рынок без уплаты ввозных таможенных пошлин. Однако и в данном случае ситуация в сельском хозяйстве не изменилась. Исследования развития экономики региона показывают, что, если рост показателей перерабатывающих производств произошел еще в 1999 году [11], то размеры поголовья скота начали увеличиваться только с 2010 года при активной государственной поддержке [12], что видно из рисунка 3.

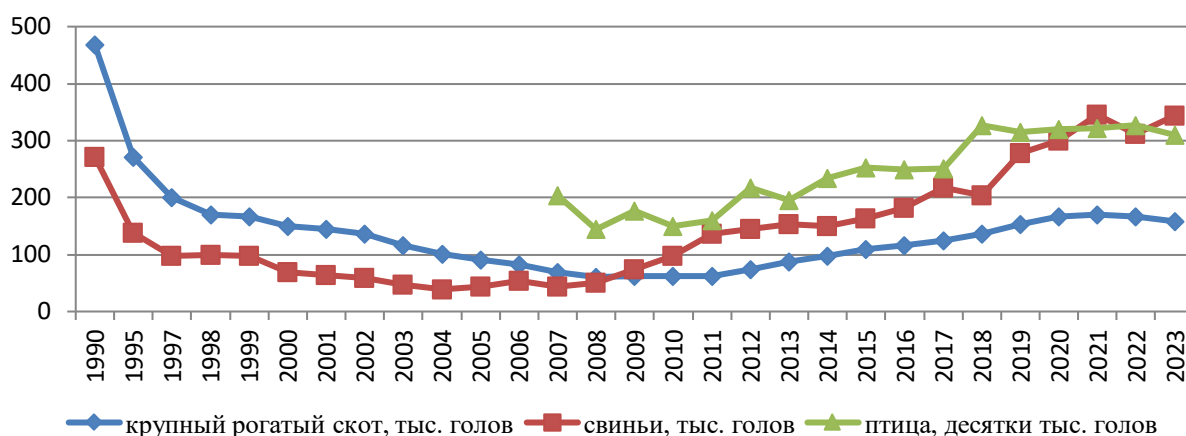

Рисунок 3 – Динамика поголовья крупного рогатого скота, свиней, птицы в сельском хозяйстве Калининградской области с 1990 по 2023 г.

Figure 3 – Dynamics of the number of cattle, pigs, and poultry in agriculture in the Kaliningrad region from 1990 to 2023

Источник: построено автором по данным источника [1].

Несмотря на активный рост поголовья скота, группой исследователей [8] установлено, что по состоянию на 2013 год доля импортного сырья в производстве мяса и мясопродуктов составила 49 %.

Последовавшее в 2014 году введение запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран ЕС, США, Австралии, Королевства Норвегия привело к резкому сокращению объема

производства колбасных изделий (более чем на 22 %) и последующему снижению их производства (таблица 2).

Таблица 2 – Производство отдельных видов мясной продукции в Калининградской области в 2013–2023 гг.

Table 2 – Production of certain types of meat products in the Kaliningrad region in 2013–2023

Наименование продукции	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Мясо и субпродукты – всего, тыс. т	33,8	43,4	50,5	40,1	47,7	45,7	57,1	68,2	68	78,9	87,6
Колбасные изделия, тыс. т	118,5	91,8	79,4	72,5	53,3	54,6	53,6	48,9	59	58,6	57,9
Полуфабрикаты мясные, тыс. т	65,6	66	54	54,6	70,2	75,8	76,4	88	98,7	86,5	114,5
Изделия мясные кулинарные, тыс. т	18	22,4	24,2	29,5	27,2	35,2	39,8	35,7	40,2	54,5	46,3
Консервы мясные, млн. усл. банок	246,2	231,7	181,7	142,6	127,3	110	112,3	115,3	71,1	60,2	260

Источник: построено по данным источника [1].

Сравнительная характеристика физических объемов производства сельскохозяйственными организациями мяса и птицы (на убой) в живом весе и объемов мяса, субпродуктов, колбас, полуфабрикатов и консервов из мяса, произведенных мясоперерабатывающими предприятиями области, без учета кулинарных изделий из мяса, представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Динамика объемов производства скота и птицы на убой сельскохозяйственными предприятиями и объемов производства мясопродукции за период с 2012 по 2023 г.

Figure 4 – Dynamics of production volumes of livestock and poultry for slaughter by agricultural enterprises and volumes of meat products production for the period from 2012 to 2023

Источник: построено автором по данным источника [1].

Из рисунка 4 видно, что с 2015 года прослеживается тенденция к росту объемов производства мяса сельскохозяйственными предприятиями, хотя их рост происходит достаточно медленными темпами, в то же время, объем производства мясной продукции остается практически постоянным. Разрыв между объемами производства регионального сырья и готовой продукции покрывается за счет сырья, привезенного из других регионов России, и импортного сырья, которое сейчас закупается в таких странах как Аргентина, Бразилия, Таиланд, Парагвай, Уругвай, Турция, Колумбия [13, 14].

В настоящее время основными поставщиками сырья являются страны дальнего зарубежья, во вторую очередь – отечественные, в том числе региональные сельхозпроизводители. При этом, рынки сбыта, напротив, в большей степени находятся на территории России и стран Евразийского экономического союза.

Если рассматривать развитие регионального мясоперерабатывающего производства и животноводства за последние 8 лет, можно отметить, что мясоперерабатывающая отрасль больше подвержена различного рода колебаниям (рисунок 5). Такая ситуация обусловлена тем, что мясоперерабатывающее производство зависит не только от поставок основного сырья – мяса, но и от иных составляющих: оболочки для колбас, специй, пищевых добавок, жестяных банок и др. В животноводстве среди факторов влияния можно выделить корма, витамины и лекарственные препараты.

Рисунок 5 – Динамика индексов животноводства и переработки и консервирования мяса и мясной пищевой продукции в 2015-2022 гг.

Figure 5 – Dynamics of indices of livestock farming and processing and canning of meat and meat food products in 2015-2022 %

Источник: построено автором по данным источника [1].

Если рассматривать проблемы мясопереработчиков региона и России в целом, то оказывается, что главной причиной проблем развития отрасли является высокая зависимость от импортного сырья и упаковки. В таких условиях при каждом новом "витке" мировой политической нестабильности и усилении санкционного противостояния между Россией и блоком западных стран возникают новые трудности. Так, до 2014 года региональные

мясопереработчики закупают сырье в странах ЕС. После введения запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран ЕС, США, Австралии и Королевства Норвегия и др. такая "независимость" животноводов и мясопереработчиков привела к дефициту сырья и снижению объемов производства мясоперерабатывающих предприятий [14]. При государственной поддержке в рамках развития сельского хозяйства в Калининградской области наблюдается тенденция укрупнения бизнеса в сфере животноводства [12]. Развиваются предприятия, ориентированные на создание полного производственного цикла – от выращивания скота до готовой продукции, в том числе, с обеспечением собственной кормовой базы. При этом, кооперация между разрозненными товаропроизводителями, фермерскими хозяйствами, индивидуальными производителями не складывается.

В 2022 году в связи с продолжением санкционного противостояния для мясоперерабатывающей отрасли появились новые вызовы. С включением жести в санкционный список ЕС возникла нехватка жестяных крышек и банок для консервации мяса [16, 17]. В 2023 году производители мяскоколбасных изделий столкнулись с дефицитом оболочки для колбас, обусловленным изменением логистики и удлинением цепочек поставок и ростом цен на мировом рынке на полимерные гранулы [18] (таблица 3).

Таким образом, санкции, активно вводимые с 2022 года блоком западных стран в отношении России в части использования финансовых и банковских услуг, экспорта большой категории товаров из ЕС, повлекли новые вызовы для животноводов и мясопереработчиков региона (таблица 3). Несмотря на новые ограничения, можно отметить, что в 2023 году, по сравнению с 2020 годом, объемы производства как мяса, так и мясопереработки выросли, т. е. производители успешно адаптируют свой бизнес к меняющимся условиям.

Таблица 3 – Вызовы перед производителями мяса и мясопереработчиками Калининградской области в связи с введением санкций со стороны западных стран

Table 3 – Problems of meat producers and meat processors in the Kaliningrad region in connection with the imposition of sanctions by EU

Наименование вида экономической деятельности	Вызовы для производства	Причины
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Животноводство	Рост стоимости кормов	<ul style="list-style-type: none"> • Дополнительные затраты на перевозку кормов в связи с эксклавым положением региона • Более высокая стоимость зерна для калининградских производителей, чем в среднем по России • Цена шрота на внутреннем рынке привязана к стоимости иностранной валюты

1	2	3
Животноводство	Рост стоимости и ограничение доступности запасных частей для техники и оборудования	<ul style="list-style-type: none"> • Девальвация рубля • Удлинение цепочек поставок • Санкции ЕС в отношении ряда товаров на экспорт в Россию
	Рост стоимости и снижение доступности иностранных лекарств	
	Рост стоимости и снижение доступности иностранного селекционного биоматериала	
	Трудности при проведении взаиморасчетов с иностранными контрагентами	
	Сокращение поголовья скота	
Переработка мясной продукции	Проблемы с поставкой жести и жестяной упаковки	<ul style="list-style-type: none"> • Санкции на экспорт жести из ЕС • Недостаточный объем производства необходимой тары в России
	Проблемы с поставкой оболочки для колбас	<ul style="list-style-type: none"> • Санкции ЕС • Удлинение цепочек поставок • Мировой рост цен на полимерные гранулы
	Удорожание логистики	<ul style="list-style-type: none"> • Ограничение со стороны Литвы и Польши на перевозку товаров между Калининградской областью и другими регионами России сухопутным транспортом
	Нехватка оборотных средств	<ul style="list-style-type: none"> • Кассовый разрыв в связи с авансовой системой платежей за сырье
	Трудности при проведении взаиморасчетов с иностранными контрагентами	<ul style="list-style-type: none"> • Ограничение на доступ к мировым финансовым рынкам и банковским операциям

Источник: составлено автором по материалам источников [7, 14-19].

В целом можно выделить три вызова, стоящих перед калининградскими животноводами и мясопереработчиками, два из них характерны для всей страны – это девальвация рубля и санкционные ограничения, которые в значительной степени влияют на производство ввиду его высокой зависимости от импорта. Третий вызов – региональный – это эксклавное положение.

Общая тенденция такова, что при каждом новом вызове мясопереработчики региона перестраивают свой бизнес по факту произошедших событий. Это свидетельствует об инактивной модели бизнеса, в то время как развитие мировой экономики требует проактивных действий. Указанная тенденция приводит к закреплению импортозависимости при переходе от европейских поставщиков к китайским, южноамериканским, турецким, что не способствует устойчивому развитию экономики.

Как справедливо отмечено в источнике [19], цепочка создаваемой и воспроизводимой стоимости не может быть только частным делом участвующих в этом процессе хозяйствующих субъектов. В целях обеспечения

продовольственной безопасности и страны, и региона необходимо использовать комплексный подход к развитию отечественного производства на каждом этапе формирования добавленной стоимости: от создания средств производства до производства готовой продовольственной продукции. В данном случае освобождение ряда рыночных ниш от европейских и американских товаров заполняется товарами китайских и других производителей из дружественных стран.

Необходимо отметить, что Правительством Российской Федерации принимаются активные меры по поддержке предприятий, развивающих импортозамещение, отечественный бизнес также реагирует на запросы экономики. Так, в Калининградской области в 2021 году введено в эксплуатацию предприятие по производству пряностей и пищевых добавок для мясной промышленности. На российских заводах наращиваются объемы производства белой жести и жестяной тары. Тем не менее, существующих объемов не хватает для покрытия потребности отечественного рынка.

Выводы

Анализ факторов, влияющих на развитие животноводства и мясоперерабатывающего производства, показал, что решающим фактором в развитии сельского хозяйства является стимулирование и помощь государства, в то время как для перерабатывающего производства толчком к развитию стало предоставление льгот в рамках режима ОЭЗ, что обеспечило предприятия сравнительно дешевым импортным сырьем. Введение контрсанкций в отношении продукции из стран ЕС (основных поставщиков мясного сырья) сблизило интересы животноводов и мясопереработчиков региона. Однако в большей степени развитие идет не по пути кооперации и создания единых цепочек производства продукции различными предприятиями, а по пути создания предприятий полного цикла – от выращивания кормов для животных, их разведения до создания готового продукта. Вместе с тем, продолжается закупка импортного сырья из таких стран, как Аргентина, Бразилия, Таиланд, Парагвай, Уругвай, Турция, Колумбия.

Дополнительные ингредиенты и упаковка для мясоперерабатывающих предприятий также являются немаловажной производственной составляющей. До 2022 года большинство ингредиентов и упаковки были импортными, в основном ввозимыми из стран ЕС. При введении различных санкций со стороны западных стран возникли определенные трудности для производителей, приведшие к частичному сокращению объемов производства некоторых видов продукции. Процесс стабилизации производства происходит, с одной стороны, за счет переориентации на закупку сырья, материалов, комплектующих, упаковки в других странах мира, с другой – за счет развития импортозамещения внутри страны.

Действия бизнеса и государства, в том числе, направленные на развитие импортозамещающих производств, являются инактивными, т. е. обеспечивающими функционирование в настоящем в тех условиях, которые складываются при каждом новом событии. Однако для обеспечения национальной экономической и продовольственной безопасности необходимы проактивные действия, с упором на комплексный подход к развитию так называемых кластеров, а проще говоря, устойчивых производственных цепочек внутри страны, способных обеспечить полный производственный цикл как продукции, так и средств производства для этой продукции.

Список источников

1. Официальная статистика. Режим доступа: <https://39.rosstat.gov.ru/ofstatistics>.

2. Побегайло М. Г. Развитие сельского и рыбного хозяйства в аспекте обеспечения региональной продовольственной безопасности // Балтийский морской форум: матер. IX Междунар. Балтийского морского форума: в 6 томах. XIX Международная научная конференция, Калининград, 04–09 октября 2021 года. Т. 1. Калининград: Калининградский гос. техн. ун-т, 2022. С. 535-544.

3. Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов / К. Ю. Волошенко, К. А. Морачевская, А. А. Новикова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 3. С. 409-430.

4. Ильина, О. Б. Влияние контрсанкций на продовольственную безопасность Калининградской области // Вестник Керченского гос. морского технол. ун-та. 2022. № 3. С. 266-282.

5. Федеральный закон "Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ.

6. Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 "О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и от 24 июня 2015 г. № 320".

7. Ежелый С. М. Проблемы и механизмы обеспечения продовольственной безопасности Калининградской области // Балтийский морской форум: матер. X Междунар. Балтийского морского форума: в 7 томах. Калининград, 26 сентября – 01 октября 2022 года. Т 7. Калининград: БГА РФ, 2022. С. 3-6.

8. Мониторинг экономической безопасности региона на основе индикаторов устойчивого развития / Н. А. Казакова, А. И. Болвачев, А. Л. Гендон, Г. Ф. Голубева // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6(159). С. 42-55.

9. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Калининградские альтернативы: 25 лет спустя: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.

10. Ильина О. Б. Институциональные изменения таможенного регулирования и их влияние на экономику Калининградской области // Экономика и предпринимательство. 2013. № 5(34). С. 169-175.
11. Сухарев О. С., Ильина О. Б. Анализ динамики структурных сдвигов региональной экономической системы типа особой экономической зоны // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 29(284). С. 2-16.
12. Ильина О. Б. О некоторых проблемах обеспечения продовольственной безопасности эксклавного региона // Вызовы современности и стратегическое развитие аграрной экономики (VI Шаляпинские чтения): матер. Всерос. (нац.) научно-практ. конф., Мичуринск, 24 ноября 2023 года. Мичуринск: ООО "БИС", 2023. С. 232-238.
13. Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации /Анализ данных. URL: <https://stat.customs.gov.ru/analysis>
14. Калининградские переработчики рассказали, почему покупают мясо в Бразилии и Парагвае. Режим доступа: <https://klops.ru/news/2019-05-16/193402-kaliningradskie-pererabotchiki-rasskazali-pochemu-pokupayut-myaso-v-brazilii-i-paragvae>
15. "Выпали из орбиты господдержки": Калининградские мясопереработчики оказались на грани исчезновения. Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26978.7/4037033/>
16. В России достаточно белой жести для упаковки консервов. Режим доступа: https://объясняем.пф/articles/news/v_rossii_dostatochno_beloy_zhesti_dlya_upakovki_konservov/
17. В России может возникнуть дефицит жести для консервных крышек. Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/507576>
18. Колбасу не во что заворачивать. Мясопереработчики о проблеме упаковки. Режим доступа: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/19/02/2023/63ecc5759a79477c03e2a62a>
19. Сергеев Л. И. Некоторые задачи воспроизводства и обеспечения продовольственной безопасности страны // Балтийский экономический журнал. 2023. № 2(42). С. 21-37.

References

1. Official statistics. Access mode: <https://39.rosstat.gov.ru/ofstatistics>. (In Russ.).
2. Pobegailo M. G. Development of agriculture and fisheries in the aspect of ensuring regional food security // Baltic Marine Forum: Materials of the IX International Baltic Marine Forum. In 6 volumes. XIX International Scientific Conference, Kaliningrad, October 04–09, 2021. Volume 1. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University, 2022. P. 535-544. (In Russ.).

3. Transformation of food self-sufficiency of the Kaliningrad region in the conditions of external challenges / K. Yu. Voloshenko, K. A. Morachevskaya, A. A. Novikova [etc.] // Bulletin of St. Petersburg University. Geosciences. 2022;67,3:409-430. (In Russ.).
4. Ilyina O. B. The influence of counter-sanctions on food security of the Kaliningrad region // Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. 2022;3:266-282. (In Russ.).
5. Federal Law "On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated January 10, 2006, No 16-FZ. (In Russ.).
6. Decree of the Government of the Russian Federation of August 7, 2014 No. 778 "On measures to implement the decrees of the President of the Russian Federation of August 6, 2014, No. 560 and of June 24, 2015, No. 320." (In Russ.).
7. Ezhely S. M. Problems and mechanisms for ensuring food security in the Kaliningrad region // Baltic Maritime Forum: materials of the X International Baltic Maritime Forum: in 7 volumes, Kaliningrad, September 26–01 October 2022. Volume 7. BGA RF, 2022. P. 3-6. (In Russ.).
8. Monitoring the economic security of the region based on indicators of sustainable development / N. A. Kazakova, A. I. Bolvachev, A. L. Gendon, G. F. Golubeva // Forecasting problems. 2016;6(159):42-55. (In Russ.).
9. Fedorov G. M., Zverev Yu. M. Kaliningrad alternatives: 25 years later: monograph. Kaliningrad: Publishing house of the BFU I. Kanta, 2020. 315 p. (In Russ.).
10. Ilyina O. B. Institutional changes in customs regulation and their impact on the economy of the Kaliningrad region // Economics and Entrepreneurship. 2013; 5(34):169-175. (In Russ.).
11. Sukharev O. S., Ilyina O. B. Analysis of the dynamics of structural shifts in a regional economic system such as a special economic zone // Economic analysis: theory and practice. 2012;29(284):2-16. (In Russ.).
12. Ilyina O. B. On some problems of ensuring food security of an exclave region // Challenges of our time and strategic development of the agrarian economy (VI Chaliapin Readings): Proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference, Michurinsk, November 24, 2023. Michurinsk: Limited Liability Company "BIS", 2023. P. 232-238. (In Russ.).
13. Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation /Data analysis. URL: <https://stat.customs.gov.ru/analysis> (In Russ.).
14. Kaliningrad processors told why they buy meat in Brazil and Paraguay dated May 16, 2019 Access mode: <https://klops.ru/news/2019-05-16/193402-kaliningradskie-pererabotchiki-rasskazali-pochemu-pokupayut-myaso-v-brazilii-i-paragvae> (In Russ.).

15. “Fell out of the orbit of state support”: Kaliningrad meat processors are on the verge of extinction article dated May 18, 2019 Access mode: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26978.7/4037033/> (In Russ.).

16. In Russia, there is enough tinfoil for packaging canned food, article dated August 29, 2023 Access mode: https://explain.rf/articles/news/v_rossii_dostatochno_belay_zhesti_dlya_upakovki_konservov/ (In Russ.).

17. In Russia, there may be a shortage of tin for can lids, article dated 08.28.2022 Access mode: <https://www.bfm.ru/news/507576> (In Russ.).

18. There is nothing to wrap the sausage in. Meat processors on the packaging problem, article dated 02/19/2023 Access mode: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/19/02/2023/63ecc5759a79477c03e2a62a> (In Russ.).

19. Sergeev L. I. Some problems of reproduction and ensuring food security of the country // Baltic Economic Journal. 2023;2(42): 21-37. (In Russ.).

Сведения об авторе

О. Г. Ильина – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической безопасности ИНОТЭКУ Калининградского государственного технического университета.

Information about the author

O. G. Ilyina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the INOTEKU at the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 20.08.2024.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 16.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.242.2

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-68-86

Управление экономической доступностью рыбопродуктов как элемент политики социально-экономического развития

Владимир Иванович Кузин¹

Александр Геннадьевич Харин²

^{1,2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет", Калининград, Россия

¹vladimir.kuzin@klgtu.ru

²aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Целью статьи является систематизация инструментария, имеющегося в распоряжении лиц, принимающих политические и экономические решения по управлению экономической доступностью рыбо- и морепродуктов на российском потребительском рынке. В статье определяется подход к выбору факторов экономической доступности и анализируются основные методы воздействия на эти факторы в контексте их влияния на различные стороны продовольственной безопасности страны и на благосостояние потребителей. Делается вывод о необходимости проведения сбалансированной продовольственной политики, сочетающей методы управления, основанные на принципах свободной торговли, с мерами разумного аграрного протекционизма и поддержки потребителей и производителей рыбопродуктов. Такая политика является основой для повышения доступности рыбной продукции и преодоления стагнации в ее потреблении, наметившейся в нашей стране в последние годы.

Ключевые слова: экономическая доступность, рыбопродукты, производство, потребление, управление, методы

Для цитирования: Кузин В. И., Харин А. Г. Управление экономической доступностью рыбопродуктов как элемент политики социально-экономического развития // Балтийский экономический журнал. 2024, № 3(47). С. 68-86 <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-68-86>

Management of economic accessibility of fish products as an element of social and economic development policy

Vladimir I. Kuzin¹

Aleksandr G. Kharin²

^{1,2} INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

¹vladimir.kuzin@klgtu.ru

²aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract: The purpose of the article is to systematize the tools available to those making political and economic decisions on managing the economic accessibility of fish and seafood in the Russian consumer market. The article defines an approach to choosing economic accessibility factors and analyzes the main methods of influencing these factors in the context of their impact on various aspects of the country's food security and on the welfare of consumers. A conclusion is made about the need to pursue a balanced food policy that combines management methods based on the principles of free trade with measures of reasonable agricultural protectionism and support for consumers and producers of fish products. Such a policy is the basis for increasing the availability of fish products and overcoming the stagnation in their consumption that has emerged in our country in recent years.

Key words: economic accessibility, fish products, production, consumption, management, methods

For citation: Kuzin V. I., Kharin A.G. Management of economic accessibility of fish products as an element of social and economic development policy// Baltic Economic Journal. 2024;3(47):68-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-68-86>

Экономическую доступность продуктов питания следует рассматривать не только с позиций продовольственной безопасности, но и в более широком контексте, как элемент социально-экономической политики, направленной на достижение магистральной цели общественного развития – рост благосостояния населения. При этом, обеспечение продовольственной безопасности выступает как "процесс воспроизводственных отношений производства и обращения совокупного пищевого продукта" [14]. Такой подход позволяет интерпретировать деятельность по управлению экономической доступностью как одну из задач социально-экономической политики и применять для ее решения стандартные, хорошо отработанные алгоритмы и методы. В случае рыбопродуктов основное содержание деятельности по управлению их доступностью составляют выявление ключевых факторов, определяющих уровень доступности этих специфических товаров, а также поиск способов и обоснование мероприятий целенаправленного воздействия на выявленные факторы либо использования их в целях повышения доступности.

Целью исследования является систематизация инструментария, имеющегося в распоряжении лиц, принимающих политические и экономические решения по управлению экономической доступностью рыбо- и морепродуктов на российском потребительском рынке. Для этого мы определяем подход к выбору факторов экономической доступности и последовательно рассматриваем основные методы работы с этими факторами в контексте их влияния на различные стороны продовольственной безопасности страны и благосостояние потребителей, а также делаем выводы о возможности и целесообразности применения методов управления доступностью рыбопродуктов в современных российских условиях.

Различными авторами рассматриваются разные наборы факторов, способных влиять на экономическую доступность продовольствия в РФ. В частности, по мнению А. С. Елагина и Л. Б. Шаулова [8], к числу таких факторов относятся:

- величина и покупательная способность денежных доходов населения;
- доля расходов на продукты питания в совокупных потребительских расходах.

Среди отечественных авторов распространен более широкий взгляд на причины, обуславливающие экономическую доступность продовольствия. Так, например, П. В. Водясов и А. В. Миненко выделяют пять групп факторов, определяющих экономическую доступность продовольствия для населения [6]. Это:

- уровень цен на продовольствие;
- уровень доходов населения;
- уровень и структура расходов населения;
- соотношение уровня цен и доходов населения;
- соотношение уровня цен и расходов населения на приобретение продуктов питания.

Региональные факторы также оказывают существенное влияние на экономическую доступность продовольствия, в частности, рыбной продукции. Так, Колесняк А. А., Полянская Н. М. указывают на такие региональные факторы [9], как:

- низкая платежеспособность жителей;
- неполная самообеспеченность региона продовольствием.

Признавая обоснованность всех перечисленных выше факторов, тем не менее, отметим, что на уровень доступности рыбопродуктов также влияет много других причин и обстоятельств, включая не только экономические, но и технологические, социокультурные, экологические и политические факторы, действующие на местном, региональном, общегосударственном и международном уровнях [22]. Для более точной идентификации, анализа и управления этой сложной совокупностью факторов имеет смысл воспользоваться общей классификацией, предложенной Н. В. Яшковой,

выделяющей, во-первых, первичные факторы, которые непосредственно влияют на уровень экономической безопасности продовольствия, и, во-вторых, вторичные факторы, воздействующие на экономическую доступность продовольствия опосредованно, через формирование первичных факторов. К первой группе факторов данный автор рекомендует относить такие, как уровень цен на продовольствие и отдельные группы продовольственных товаров, а также среднедушевые денежные доходы (уровень жизни населения). В свою очередь, вторая группа факторов экономической доступности, по мнению Н. В. Яшковой, включает различные элементы, количественно и качественно характеризующие основные аспекты традиционных теоретических понятий “спрос” и “предложение” [20]. На наш взгляд, подобная классификация может служить надежным основанием для формирования эффективной системы управления экономической доступностью для населения базовых продовольственных товаров в РФ, в том числе многих продуктов, создаваемых в сфере деятельности рыбохозяйственного комплекса.

Комбинируя и грамотно используя инструменты воздействия на эти факторы, органы управления могут целенаправленно влиять на экономическую доступность тех или иных товаров. В частности, известными, хорошо изученными и массово применяемыми на практике методами управления доступностью продовольствия через цены на общегосударственном и территориальном уровнях являются:

- налоги на определенные категории и группы продуктов питания;
- меры таможенного тарифного и нетарифного регулирования внешней торговли продовольствием;
- субсидии, выделяемые государством производителям продовольствия, например, сельскохозяйственным, транспортным, топливным и другие;
- правительственные субсидии потребителям (системы продовольственных ваучеров), ориентированные на поддержку социально незащищенных групп населения [24, 25].

Помимо непосредственного воздействия на доступность продовольствия, результаты которого, как правило, проявляются незамедлительно, перечисленные меры способны также оказывать косвенное, как позитивное, так и негативное влияние на экономическую доступность продуктов питания, с одной стороны, сглаживая кратковременные колебания цен и несколько стабилизируя их уровень на коротких временных интервалах, а с другой, создавая угрозу продовольственной безопасности в отдаленной перспективе, поскольку некоторые из этих мер (например, субсидии производителям) при определенных условиях могут вести к утрате конкурентоспособности внутреннего производства [26].

Одной из наиболее широко используемых в мировой практике макроэкономических мер, направленных на повышение доступности продовольствия, является предоставление субсидий национальным

производителям продовольственного сырья и товаров. Данная мера регулирования агропродовольственного рынка призвана стимулировать выпуск и увеличивать предложение определенных видов продуктов питания и, тем самым, способствовать снижению или стабилизации внутренних цен на эти товары. Эффект от субсидирования производителей проиллюстрирован на рисунке 1.

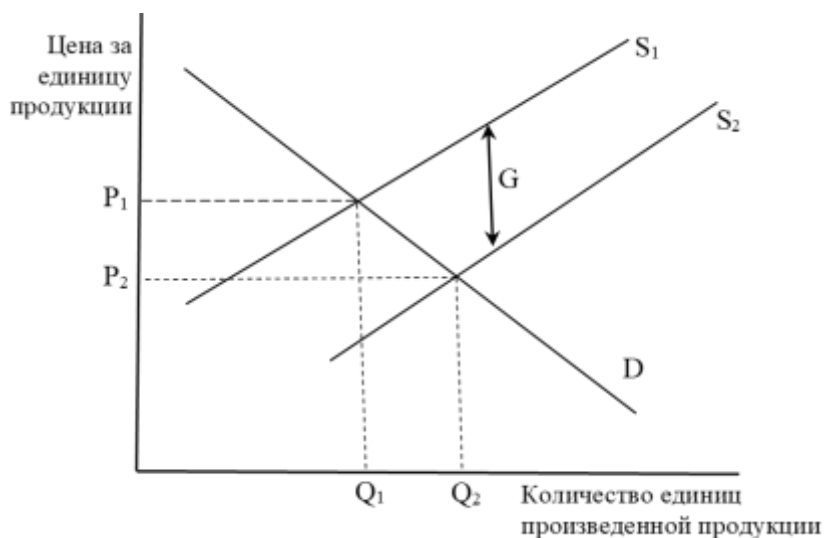

Рисунок 1 – Влияние производственной субсидии на предложение и цену товара
 Figure 1 – Effect of production subsidy on supply and price of goods

При неизменном спросе (D) субсидия на единицу продукции (G) сдвигает кривую предложения вправо с S_1 до S_2 . Следствием этого становится снижение рыночной цены с P_1 до P_2 и увеличение равновесного предложения данного товара с Q_1 до Q_2 . Это приводит к увеличению излишков потребителей и производителей, поскольку производители предлагают больше товаров и получают за них более высокую цену (цена для производителя равна рыночной цене плюс субсидия). В том случае, если основной целью политики повышения экономической доступности продовольствия является снижение цен для потребителей, регулирование с помощью производственных субсидий, в первую очередь, следует применять к товарам, спрос на которые неэластичен. Такое решение дает наибольший эффект в виде более сильного падения равновесной рыночной цены и, следовательно, повышения экономической доступности товара.

Субсидии производителям также способствуют стимулированию инвестиций в агропродовольственную отрасль и смежные с ней виды деятельности (переработка сырья, выпуск готовой продукции, транспортировка, логистика и сопутствующие услуги), что в перспективе должно вести к более высокой производительности в агропродовольственном секторе. Если следствием инвестиций станет рост выпуска (предложения) и снижение удельных затрат на производство продукции, это неизбежно приведет к более

низким ценам на неё и повышению доступности этой продукции для конечных потребителей.

Субсидирование производителей в рыбной отрасли может осуществляться в разных формах, как в виде прямых бюджетных трансфертов (например, софинансирование государством капитальных вложений в производственные мощности), так и в неявной форме (например, предоставление льгот по уплате некоторых налогов и обязательных платежей, бесплатное выделение общественных ресурсов – квоты на вылов рыбы). Как правило, такие субсидии призваны стимулировать инвестиционную активность предприятий. Но они также могут служить поддержке текущей деятельности. Так, в настоящее время на рассмотрении Правительства РФ находится вопрос о предоставлении топливных субсидий, призванных компенсировать предприятиям, работающим в удаленных районах промысла, часть затрат на приобретение судового топлива за счет средств федерального бюджета. Порядок такого субсидирования был утвержден еще в 2021 г. [2], однако он не применялся на практике и в феврале 2024 г. был признан утратившим силу [3]. По утверждению рыбопромышленных предприятий, данная мера позволит снизить себестоимость продукции отечественных производителей и расширит ее предложение на внутреннем рынке, что положительно скажется на ценах и доступности рыбных товаров для потребителей.

Вместе с тем, вопрос о целесообразности массового применения производственных субсидий для регулирования агропродовольственных рынков остается дискуссионным. Хотя теоретически субсидии производителям выглядят эффективным инструментом стабилизации продовольственного рынка и позволяют повысить уровень доступности важнейших продуктов питания, на практике часто оказывается, что такого рода субсидии сильно искажают работу ценового механизма, что приводит к неэффективному распределению общественных ресурсов. Существует угроза чрезмерной зависимости производителей как продовольственного сырья, так и готовых продуктов питания от государственной поддержки. Это в условиях отсутствия конкуренции на внутреннем рынке может привести к неэффективности их производств и снижению производительности. Имеется немало случаев, когда избыточная поддержка производителей продовольствия приводила к непредвиденным негативным последствиям. Например, результатом активной поддержки местных производителей в рамках сельскохозяйственной и рыболовной политики в ряде стран ЕС, приведшей к тому, что более половины доходов фермеров составляют государственные субсидии [7], стала фактическая утрата глобальной конкурентоспособности их продукции. В случае лишения или сокращения поддержки со стороны государства национальные производители не в состоянии эффективно конкурировать с иностранными компаниями, что можно интерпретировать как непосредственную угрозу продовольственной безопасности страны.

Субсидии не только фактически ведут к снижению конкурентоспособности отечественных производителей, но и создают дополнительную нагрузку на общественные бюджеты, сокращая тем самым возможности для решения социально важных задач. Они также в ряде случаев могут привести к перепроизводству субсидируемых продуктов питания, последующему массовому краху производителей, обвальному сокращению выпуска и дестабилизации рынков.

Еще одним широко обсуждаемым недостатком производственных субсидий является угроза поощрения нерациональных методов ведения сельского хозяйства и рыболовства, наносящих существенный и невосполнимый вред состоянию природной среды и ресурсов, что в долгосрочной перспективе может стать причиной сокращения возможностей для производства продуктов питания и, соответственно, снижения уровня продовольственной безопасности. Таким образом, оценивая производственные субсидии как действенный инструмент регулирования продовольственного рынка, следует помнить о их потенциально негативном влиянии на экономическую доступность продуктов питания. Чрезмерный и затяжной характер данной формы поддержки способен оказывать разрушающее действие как на внутренний рынок, так и на самих отечественных производителей. Это обстоятельство служит основанием для критики политики повышения доступности продовольствия путем предоставления субсидий его производителям.

Спорный характер производственных субсидий, поощряющих расточительное потребление ресурсов и в долгосрочной перспективе создающих угрозу продовольственной безопасности, признается многими учеными и политиками [21]. В частности, большинство исследователей рыболовства приходит к выводу, что данный тип поддержки, как правило, усугубляет ключевую проблему этой отрасли, связанную с нерациональным использованием финансовых, человеческих и природных ресурсов. Упрощенно субсидии выглядят как поощрение государством неоптимального, не отвечающего общественным интересам рыбного промысла. В предельном случае такого рода поддержка может стать причиной негативных экологических эффектов, несущих в себе нежелательные для общества экономические и социальные последствия [23]. Последнее обстоятельство обусловило то, что в настоящее время субсидии рыбной отрасли рассматриваются не только как классический элемент управления, влияющий на функционирование рыночного механизма в виде различных ценовых эффектов, но и как сложный, комбинированный инструмент, оказывающий воздействие на многие социально-экономические результаты деятельности отрасли.

Многие современные авторы сходятся во мнении, что субсидирование рыболовства в целом противоречит принципам устойчивости рыбной отрасли. Существует согласие в том, что некоторые формы такой поддержки способствуют созданию избыточных рыбопромысловых мощностей и ведут к

перелову рыбных ресурсов, обуславливая их перманентно кризисное состояние. Следствием этого становится снижение рентабельности рыболовства, а в более отдаленной перспективе рост рисков как для отрасли, так и для общества в целом [11]. В настоящее время имеется немало сторонников идеи, что более эффективным направлением повышения экономической доступности продуктов питания является ориентация на использование естественных рыночных сил.

Другим подходом, во многом альтернативным предоставлению субсидий производителям, направленным на повышение доступности продуктов питания, может стать стимулирование предложения путем активного насыщения внутреннего рынка импортными товарами. Наиболее простым способом реализации данной стратегии является снижение таможенных импортных тарифов и пошлин либо ослабление существующих запретов и количественных ограничений на импорт продовольствия. Поскольку имеется сильная зависимость уровня потребления от состояния внешней торговли [17], механизм действия такого типа стратегии довольно прост – снижение тарифов и пошлин, равно как и устранение таможенных барьеров, приведет к росту объемов импорта и снижению стоимости импортируемых продуктов питания и, следовательно, к снижению внутренних розничных цен на эти продукты. Модель, иллюстрирующая увеличение потребительского излишка в результате подобной меры либерализации внешней торговли, приведена на рисунке 2. Одним из эффектов от реализации этой стратегии являются более низкие цены на продовольствие на внутреннем рынке, чем они были бы в случае высоких импортных барьеров, и, соответственно, рост доступности товаров для конечных потребителей.

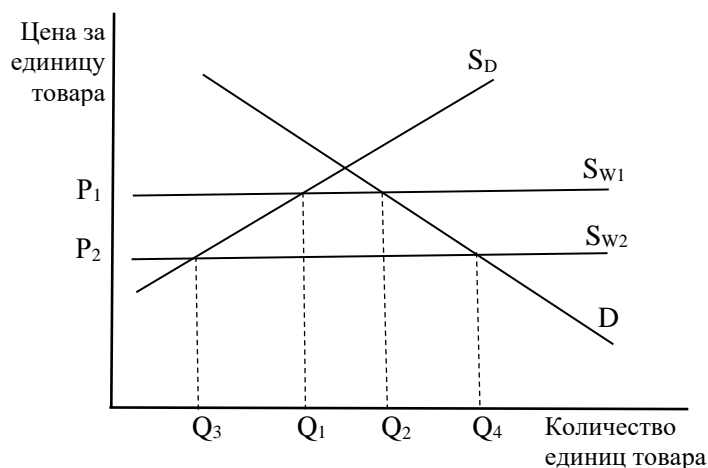

Рисунок 2 – Влияние снижения импортных тарифов и пошлин на предложение и цену товара на внутреннем рынке

Обозначения: D – внутренний спрос; SD – внутреннее предложение (производство); SW1 – внешнее предложение при импортном тарифе; SW2 – внешнее предложение при отсутствии импортного тарифа

Figure 2 – Impact of reducing import tariffs and duties on supply and price of goods in the domestic market

Notes: D – domestic demand; SD – domestic supply (production); SW1 – external supply with import tariff; SW2 – external supply without import tariff

Степень, в которой снижение тарифов улучшит доступность продуктов питания, зависит от того, насколько дешевле можно будет получать эти товары из других стран. На рисунке 2 отобран предельный случай, когда при нулевой ставке ввозной таможенной пошлины весь дефицит предложения товара на внутреннем рынке покрывается за счет импорта. В данном случае внутренняя цена на товар (P_1) снижается до среднемирового уровня (P_2), а его потребление возрастает с Q_1 до Q_4 . Это достигается за счет увеличения объемов импорта товара с $(Q_2 - Q_1)$ до $(Q_4 - Q_3)$.

Помимо тарифного регулирования, в мировой торговле продовольственными товарами также широко используются различные методы нетарифных ограничений, в частности, такие инструменты как квотирование, лицензирование, количественные ограничения и специальные защитные меры, в том числе, введение эмбарго (запрета) на импорт отдельных товаров. Механизм действия этих мер на цены во многом аналогичен тарифному регулированию импорта.

Довольно распространенной в мировой практике мерой нетарифного регулирования внешней торговли продовольственными товарами и сырьем является квотирование. Рассматривая эту регуляторную меру, следует учитывать, что ее применение приводит к неоднозначным последствиям. С одной стороны, введение квот дает возможность для более эффективного (адресного, точного и обеспеченного), по сравнению с тарифным регулированием, управления объемами экспорта и импорта продукции. Установление лимитов (количественных ограничений) на импорт гарантирует снижение импортных поставок и, соответственно, лучше защищает отечественных производителей конкретного вида продовольственных товаров от зарубежных конкурентов, тогда как простое повышение таможенной ставки в ряде случаев может мало отразиться на объеме импорта. С другой стороны, применение квотирования даст положительный эффект с точки зрения потребителя лишь при условии, что внутренний рынок продовольственной продукции не монополизирован и функционирует по законам свободной конкуренции. В противном случае следствием введения ограничений на импорт какого-либо товара станет искусственное снижение его физической и экономической доступности, неизбежно проявляющееся в дефиците и стабильно высоких ценах на этот товар. Последнее обстоятельство, вероятно, является одной из причин относительно редкого использования механизма квотирования импорта в современной России.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о применении такого довольно редкого в мировой практике (до последнего времени) инструмента импортных ограничений как эмбарго на экспорт или импорт продовольствия. Эта мера предполагает полный запрет на ввоз или вывоз определенных продуктов либо на проведение внешнеторговых операций с отдельными странами. В отечественной практике данная мера наиболее массово была

применена в 2014 году в рамках отдельных защитных экономических мер, введенных Указом Президента РФ от 06.08.2014 г. № 560 "О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации", и выразилась в виде прямого запрета на импорт отдельных видов продовольственных товаров и сырья для их производства из США, стран ЕС и некоторых других стран [1]. Запрет, в том числе, был распространен на рыбное сырье и многие виды рыбопродуктов. Анализ десятилетнего опыта применения эмбарго на импорт продовольствия из западных стран показывает, что его введение не привело к сколь-нибудь серьезным затруднениям на продовольственном рынке России, поскольку многие попавшие под санкции товары были относительно быстро заменены поставками из других, неподсанкционных стран [10]. При этом, уровень самообеспеченности России всеми включенными в санкционный список видами продовольствия значительно вырос, в частности, по основным видам рыбопродуктов он приблизился к 100 %. Однако, с другой стороны, существенным негативным следствием этой меры стал рост производственно-логистических издержек, выразившийся в удорожании продукции и снижении ее доступности для отечественных потребителей.

Введение эмбарго дало кратковременную выгоду российским компаниям из-за резкого снижения количества зарубежных поставщиков продовольствия, имеющих доступ на российский рынок, расширения возможностей для сбыта и роста ценовой конкурентоспособности отечественной продукции [4]. Но на внутреннем рыбном рынке в условиях свободного ценообразования это преимущество довольно быстро (с лагом, равным примерно одному году) нивелировалось, приведя лишь к аномально высоким ценам на рыбную продукцию, уровень которых в российской практике имеет свойство "самофиксации". По имеющимся оценкам, дополнительный рост цен на рыбные товары, обусловленный введением эмбарго на импорт в Россию продовольственной продукции в 2014–2023 гг., составлял от 2 до 10 % в год. Только в 2015 г., сразу после введения эмбарго потребительские (розничные) цены на рыбопродукты в России выросли в 1,22 раза, намного опередив общую продовольственную инфляцию [19]. Данный эффект от введения эмбарго на импорт рыбопродуктов и рыбного сырья в Россию отразился, прежде всего, на том аспекте продовольственной безопасности, который отражает доступность продовольствия для наименее обеспеченной части населения [18]. С учетом высокой доли расходов отечественных домохозяйств на продукты питания (25-30 % в течение последних лет), "любое заметное повышение продовольственных цен выталкивает значительную часть россиян за черту бедности" [16].

В этом контексте меры, предусматривающие снятие избыточных ограничений на импорт рыбного сырья и рыбопродуктов, способны принести заметную выгоду потребителям, создавая эффект быстрого насыщения

внутреннего рынка относительно дешевыми импортными товарами из стран, которые имеют сравнительные преимущества в их производстве. Кроме того, данные меры отчасти позволяют компенсировать высокие издержки отечественной логистики, обусловленные особенностями нашей страны (протяженные пути доставки рыбопродуктов от основных центров добычи к центрам потребления, неразвитость транспортно-складской инфраструктуры, устаревшая технико-технологическая база рыбопереработки) [12].

Эмбарго на импорт рыбного сырья и рыбопродуктов в РФ, сыграв определенную положительную роль на начальном этапе (в основном за счет снижения уровня конкуренции и укрепления финансово-экономического потенциала отечественных предприятий), к настоящему времени во многом утратило свое значение в качестве важного фактора обеспечения продовольственной независимости и все больше становится препятствием для роста потребления рыбопродуктов в нашей стране [10]. Поэтому актуальным является пересмотр данной меры, прежде всего, в той ее части, которая вводит запрет на импорт в РФ сырья для производства рыбопродуктов. Вместе с тем, как видно из рисунка 2, непродуманное снижение таможенных барьеров на пути импорта готовых рыбопродуктов способно привести к сокращению их внутреннего производства ($Q_3 < Q_1$), что, безусловно, таит в себе угрозу достигнутым уровням продовольственной независимости. Кроме того, снижение цен в результате неограниченных поставок на внутренний рынок импортных продуктов питания создает риск банкротства предприятий и, как следствие, сокращения занятости и доходов работников отечественного рыбопромышленного сектора и смежных с ним отраслей экономики, что не только ухудшит благосостояние этой части российского общества, но и дополнительно подорвет потенциал национальной продовольственной независимости. Для того чтобы исключить подобные угрозы, необходимо проведение сбалансированной внешнеторговой политики, меры которой должны быть согласованы с дальнейшим развитием агро- и рыбопромышленного комплекса страны, расширением инфраструктуры хранения и переработки пищевого сырья, поиском путей увеличения объемов финансирования отечественного сельского и рыбного хозяйства, а также с проведением взвешенной социальной политики, нацеленной на поддержку определенных слоев населения. Следует понимать, что эмбарго, равно как и другие ограничительные меры внешнеторговой политики, выполняя функцию удержания импортной зависимости страны на определенном уровне, в целом не способно переломить тенденцию стагнации потребления рыбопродуктов, поскольку эти меры, по сути, не решают проблему повышения доступности рыбных товаров, корни которой кроются в недостаточной эффективности данного сегмента продовольственного рынка России.

Как было показано выше, субсидии производителям и низкие импортные тарифы могут не дать требуемый долгосрочный эффект в виде устойчивого

повышения доступности продуктов питания для групп населения с низкими доходами. Это обстоятельство служит основанием для более активной социальной поддержки государством определенных категорий потребителей. Формы такой поддержки хорошо известны и давно выступают частью социальной политики в нашей стране. Дальнейшим ее развитием может стать широко обсуждаемая концепция гарантированного базового дохода, пилотные исследования в рамках которой проводятся в настоящее время в ряде стран мира (Бразилия, Канада, Кения, Финляндия и др.). Эта поддержка, как правило, осуществляется в форме безусловного денежного трансферта от правительства, оказывающего прямое положительное влияние на располагаемые доходы относительно бедных семей (например, домохозяйства, которые находятся в двух нижних квантилях распределения доходов), которые в этом случае смогут позволить себе более полноценное и здоровое питание. Применительно к рассматриваемой нами проблеме – повышения доступности продуктов питания – вариантом данной формы социальной поддержки могло бы стать обеспечение всеобщего дохода посредством предоставления определенным категориям потребителей продовольственных талонов. Такое решение позволит гарантировать целевое назначение данного трансферта – его направленность на покупку продуктов питания (в нашем случае определенных видов рыбных товаров). Другими, альтернативными, однако менее адресными и целенаправленными способами социальной поддержки потребителей могут стать такие универсальные меры, как повышение минимальной заработной платы на рынке труда, размеров пенсий и социальных пособий. Все эти меры, несомненно, оказывают положительное влияние на платежеспособный спрос семей с низкими доходами и, тем самым, повышают экономическую доступность для них продуктов питания.

Обеспечение целевого расходования домохозяйствами предоставляемой им государством поддержки является ключевой проблемой субсидирования потребителей. В частности, критики гарантированного базового дохода утверждают, что нет уверенности в том, что домохозяйства, получающие дополнительный доход, потратят его на приобретение здоровой и полезной пищи. Другой аргумент противников этой концепции заключается в том, что существуют другие, помимо субсидирования и торговых ограничений, более эффективные способы удовлетворения спроса на продукты питания, не увеличивающие нагрузку на общественные бюджеты и не подвергающие шокам устои рыночной экономики. Такими способами, например, являются культивирование среди потребителей практики рационального потребления продуктов питания, приводящей к сокращению количества отходов и способствующей формированию поведенческих стимулов, убеждающих людей питаться более здоровой и полезной пищей, какой является большинство рыбо- и морепродуктов. Однако данная мера носит вспомогательный характер и не

может рассматриваться в качестве самостоятельного инструмента повышения экономической доступности рыбных товаров.

Еще одним инструментом социально-экономической политики, направленной на обеспечение экономической доступности продовольствия, может выступать установление контроля со стороны правительства за ценами. Целью такого контроля является административное сдерживание роста цен на социально значимые товары. Однако практическое осуществление данного метода управления доступностью товаров в условиях рыночной экономики вызывает определенные сомнения. Как показывает российский опыт, любые попытки введения административных ограничений цен в рамках существующей экономической парадигмы дают лишь ультракраткосрочный эффект (в основном он длится не более полугода) и неизбежно приводят к еще большему росту цен в среднесрочной перспективе [13], результатом чего становится пролонгированная стагнация или ухудшение ситуации с доступностью регулируемых товаров.

В конечном счете, проблема экономической доступности продуктов питания может быть решена в долгосрочной перспективе только при наличии эффективного производства продовольственного сырья и продуктов его переработки, конкурентных розничных рынков продовольствия и открытости страны для импорта тех товаров, которые могут поставляться на внутренний рынок по более низким ценам. С этой точки зрения оптимальной является такая политика, которая сохраняет рынки открытыми и поощряет отечественные компании проявлять новаторство в производстве и поставках продуктов питания. При этом, поскольку доступность товаров определяется не только их ценой, но и доходами потребителей, важную роль играет социальная политика государства, направленная на поддержание определенного уровня доходов населения. Разумное и стабильное увеличение доходов потребителей может дать эффект в виде роста доступности рыбопродуктов и повышения их благосостояния, не менее мощный (и вероятно, более устойчивый), чем субсидирование производителей или либерализация импорта.

В течение, как минимум, последнего десятилетия приоритетом российской аграрной политики было снижение зависимости от импортных поставок основных видов продовольствия. Наиболее зримым результатом этой политики стало достижение продовольственной независимости нашей страны, выражающееся в высоких уровнях самообеспеченности ключевыми видами продуктов питания. Однако, при этом, после впечатляющего, но непродолжительного роста в начале 2010-х годов потребления основных продуктов питания, произошла стагнация или даже сокращение уровня их потребления. Одной из причин стало снижение экономической доступности продовольствия для российских потребителей.

Существуют различные подходы к управлению уровнем доступности продовольствия, отличающиеся интенсивностью и продолжительностью воздействия, объемом вовлекаемых общественных ресурсов, а также

количеством и величиной “побочных” эффектов. Оптимальной же является такая сбалансированная политика, результатом которой станет насыщение отечественного рынка разнообразными продовольственными товарами и повышение уровня их доступности для потребителей, одновременно не создающая угроз продовольственной независимости страны. В этом контексте преодоление наметившихся проблем в потреблении некоторых видов продуктов питания (в т. ч. рыбопродуктов) возможно путем расширения участия страны в международном разделении труда, не отказываясь при этом от политики умеренного аграрного протекционизма, сочетающей меры “взвешенного внешнеторгового защитного механизма и государственной поддержки отечественного рынка продовольственных товаров” [5]. Признание данного положения означает, что России необходимо вернуться к проведению гибкой и адаптивной продовольственной политики, в рамках которой главная регулятивная функция государства в аграрной сфере должна основываться на сочетании принципов свободной торговли с разумным аграрным протекционизмом, когда “периоды открытости и роста конкуренции сменяются периодами с более жестким режимом доступа импортных товаров на внутренний рынок” [15].

Участие в глобальной продовольственной системе обеспечивает более широкие возможности для поставок на внутренний рынок продовольствия из разнообразных источников и получения продуктов, которые по разным причинам неэффективно производить внутри страны, что не только повысит его экономическую доступность, но и укрепит продовольственную безопасность страны. Однако воздействие международных рынков в сочетании с непредсказуемостью глобальных цепочек поставок может негативным образом влиять на цены и доступность продовольственных товаров. Поэтому внутреннее производство основных продуктов питания является жизненно важным фактором социально-экономической стабильности и продовольственной безопасности. Следуя этому ключевому приоритету, политика обеспечения продовольственной безопасности в сфере рыбохозяйственного комплекса России должна быть сфокусирована на мерах, улучшающих взаимодействие отечественных производителей рыбного сырья с переработчиками и поставщиками готовой продукции, позволяющих укрепить устойчивость внутренних цепочек поставок и повысить доступность продуктов питания для потребителей. Достижению этой цели содействует диверсификация связей с зарубежными торговыми партнерами – поставщиками рыбо- и морепродуктов. Немаловажным фактором, позволяющим сбалансировать внутренний рыбный рынок и нивелировать влияние на его состояние глобальных продовольственных кризисов, также являются специальные меры поддержки национальных производителей и потребителей. Все перечисленные выше меры должны стать основой управления доступностью рыбной продукции на современном этапе как составной части политики социально-экономического развития нашей страны.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 "О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации".
2. Постановление Правительства РФ от 26.06.2021 г. № 102 "Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям рыбохозяйственного комплекса, осуществляющим добычу (вылов) водных биологических ресурсов в удаленных районах промысла, в целях возмещения части прямых понесенных затрат на приобретение судового топлива".
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2024 г. № 197 "О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации".
4. Аганбегян А. Г., Порфиоров Б. Н. Аграрный сектор России в условиях международных санкций: вызовы и ответы // Международная научная конференция РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева. Москва: Изд-во РГАУ-МСХА, 2014. С. 30-32.
5. Балабанов В. С., Борисенко Е. Н. Продовольственная безопасность: международные и внутренние аспекты. Москва: Экономика, 2002. 550 с.
6. Водясов П. В., Миненко А. В. Оценка экономических факторов спроса на продовольственном рынке // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, № 2А. С. 26-32.
7. Дерюгина И. Что движет аграриями Европы, вышедшими на демонстрации против политики ЕС? // Российский совет по международным делам Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-dvizhet-agrariyami-evropy-vyshedshimi-na-demonstratsii-protiv-politiki-es/#detail>
8. Елагина А. С., Шаулов Л. Б. Показатели оценки экономической доступности продовольствия в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 6В. С. 190-198.
9. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. № 4 (22).
10. Мнацаканян А. Г., Кузин В. И., Харин А. Г. О некоторых современных тенденциях в развитии российского рыбного хозяйства. Часть 5. Тенденции и перспективы российского рыбного импорта // Балтийский экономический журнал. 2019. № 3(27). С. 61-74.
11. Мнацаканян А. Г., Кузин В. И., Харин А. Г. Влияние государственной поддержки рыбной отрасли на продовольственную безопасность страны // Балтийский экономический журнал. 2021. № 2(34). С. 21-35.

12. Мнацаканян А. Г., Карлов А. М., Кузин В. И., Харин А. Г. О некоторых современных тенденциях в развитии российского рыбного хозяйства. Часть 7. Проблемы логистики рыбных грузов // Балтийский экономический журнал. 2020. № 1(29). С. 34-50.
13. Поставщики начали повышать цены на продукты // Российский продуктовый портал. Режим доступа: <http://foodmarkets.ru/news/topic/3091>
14. Сергеев Л. И. Некоторые задачи воспроизводства и обеспечения продовольственной безопасности страны // Балтийский экономический журнал. 2023. № 2(42). С. 20-36.
15. Таранов П. М., Панасюк А. С. Российский аграрный протекционизм в период мирового финансового кризиса // Стратегия развития экономики. 2011. № 35(128). С. 45-50.
16. Фрумкин Б. Е. Агропромышленный комплекс России в условиях "войны санкций" // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 147-153.
17. Харин А. Г. О некоторых целях рыбохозяйственной политики в Российской Федерации и влиянии внешней торговли на потребление рыбопродуктов // Балтийский экономический журнал. 2023. № 2(42). С. 36-49.
18. Харин А. Г. Экономическая доступность рыбопродуктов как составная часть концепции продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2024. № 1(45). С. 38-51.
19. Цены в России. 2016: Стат. сб./ Росстат. Москва, 2016. 151 с.
20. Яшкова Н. В. Факторы экономической доступности продовольствия и их оценка в условиях цифровой экономики // Фундаментальные исследования. 2019. № 10. С. 160-164.
21. Ise-Shima Leaders' Declaration, G7 Ise-Shima Summit, 26-27 May 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160266.pdf>
22. Monitoring the price and affordability of foods and diets globally / A. Lee [et al]. // Special Issue: INFORMAS: rationale, framework and approach. 2013;14, S1:82-95.
23. Milazzo M. Subsidies in World Fisheries: A Reexamination. World Bank Technical Paper No. 406. Fisheries Series. World Bank. Washington, 1998. DC. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/133031468776403491/Subsidies-in-world-fisheries-a-re-examination>
24. Powell L. M., Chaloupka F. J. Food prices and obesity: evidence and policy implications for taxes and subsidies. *Milbank Q.* 2009;87:229-257.
25. Sassi F., Cecchini M., Lauer J., Chisholm D. Improving Lifestyles, Tackling Obesity: The Health and Economic Impact of Prevention Strategies. OECD Publishing: Paris, 2009.
26. United Nations World Food Programme, ed. World Hunger Series: hunger and markets Earthscan, United Nations World Food Programme. London, 2009.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 06.08.2014 No. 560 "On the Application of Certain Special Economic Measures to Ensure the Security of the Russian Federation". (In Russ.).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.06.2021 No. 102 "On Approval of the Rules for the Provision of Subsidies from the Federal Budget to Organizations of the Fisheries Complex Engaged in the Extraction (Catching) of Aquatic Biological Resources in Remote Fishing Areas, in Order to Reimburse Part of the Direct Costs Incurred for the Purchase of Marine Fuel". (In Russ.).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21.02.2024 No. 197 "On Recognizing as Invalid Certain Acts of the Government of the Russian Federation". (In Russ.).
4. Aganbegyan A. G., Porfirov B. N. The agricultural sector of Russia under international sanctions: challenges and responses // International scientific conference of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev. Moscow, 2014. P. 30-32. (In Russ.).
5. Balabanov V. S., Borisenko E. N. Food security: international and domestic aspects. Moscow: Economy, 2002. 550 p. (In Russ.).
6. Vodyasov P. V., Minenko A. V. Assessment of economic factors of demand in the food market // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2018;8,2A:26-32. (In Russ.).
7. Deryugina I. What motivates European farmers to demonstrate against EU policies? // Russian International Affairs Council Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-dvizhet-agrariyami-evropy-vyshedshimi-na-demonstratsii-protiv-politiki-es/#detail> (In Russ.).
8. Elagina A. S., Shaulov L. B. Indicators for assessing the economic availability of food in Russia // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2017;7,6B:190-198. (In Russ.).
9. Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Economic availability of food: regional aspect // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2021;4(22). (In Russ.).
10. Mnatsakanyan A. G., Kuzin V. I., Kharin A. G. On some modern trends in the development of the Russian fisheries industry. Part 5. Trends and prospects of Russian fish imports // Baltic Economic Journal. 2019;3(27):61-74. (In Russ.).
11. Mnatsakanyan A. G., Kuzin V. I., Kharin A. G. The impact of state support for the fishing industry on the country's food security // Baltic Economic Journal. 2021;2(34):21-35. (In Russ.).
12. Mnatsakanyan A. G., Karlov A. M., Kuzin V. I., Kharin A. G. On some modern trends in the development of the Russian fisheries industry. Part 7. Problems of fish cargo logistics // Baltic Economic Journal. 2020;1(29):34-50. (In Russ.).

13. Suppliers began to raise prices for products [Electronic resource] // Russian product portal. Access mode: <http://foodmarkets.ru/news/topic/3091> (In Russ.).
14. Sergeev L. I. Some tasks of reproduction and ensuring food security of the country // *Baltic Economic Journal*. 2023;2(42):20-36. (In Russ.).
15. Taranov P. M., Panasyuk A. S. Russian agrarian protectionism during the global financial crisis // *Strategy for the development of the economy*. 2011;35(128):45-50. (In Russ.).
16. Frumkin B. E. The agro-industrial complex of Russia in the context of the "sanctions war" // *Voprosy ekonomiki*. 2015;12:147-153. (In Russ.).
17. Kharin A. G. On some goals of fisheries policy in the Russian Federation and the impact of foreign trade on the consumption of fish products // *Baltic Economic Journal*. 2023;2(42):36-49. (In Russ.).
18. Kharin A. G. Economic availability of fish products as an integral part of the food security concept // *Baltic Economic Journal*. 2024;1(45):38-51. (In Russ.).
19. Prices in Russia. 2016: Stat. sb./ Rosstat. Moscow, 2016. 151 p. (In Russ.).
20. Yashkova N. V. Factors of economic availability of food and their assessment in the context of the digital economy // *Fundamental research*. 2019;10:160-164. (In Russ.).
21. Ise-Shima Leaders' Declaration, G7 Ise-Shima Summit, 26-27 May 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000160266.pdf>
22. Monitoring the price and affordability of foods and diets globally / A. Lee [et al.]. // *Special Issue: INFORMAS: rationale, framework and approach*. 2013;14,S1:82-95.
23. Milazzo M. Subsidies in World Fisheries: A Reexamination. World Bank Technical Paper No.406. Fisheries Series. World Bank. Washington, 1998. DC. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/133031468776403491/Subsidies-in-world-fisheries-a-re-examination>
24. Powell L. M., Chaloupka F. J. Food prices and obesity: evidence and policy implications for taxes and subsidies. *Milbank Q*. 2009;87:229-257.
25. Sassi F., Cecchini M., Lauer J., Chisholm D. Improving Lifestyles, Tackling Obesity: The Health and Economic Impact of Prevention Strategies. OECD Publishing: Paris, 2009.
26. United Nations World Food Programme, ed. World Hunger Series: hunger and markets Earthscan, United Nations World Food Programme. London, 2009.

Сведения об авторах

В. И. Кузин – канд. экон. наук, доцент Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

V. I. Kuzin – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the INOTEKU at the Kaliningrad State Technical University.

A. G. Kharin – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the INOTEKU at the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 86-100.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3(47). P. 86-100 .

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 69.05

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-87-101

Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1991 – 2000 годы

Светлана Александровна Любишина¹

Александр Юрьевич Михайлов²

^{1,2} Калининградский государственный технический университет, Калининград,
Россия

¹lubishina@mail.ru

²mikhailov59@mail.ru

Аннотация. В статье выполнен краткий анализ научных публикаций по развитию строительной отрасли в современных условиях и экономический обзор основных этапов развития строительной отрасли Калининградской области в период с 1991 по 2000 год.

По материалам из открытых источников, опубликованных Росстатом по Калининградской области, проведен анализ эффективности производственной деятельности предприятий в области капитального строительства и производства строительных материалов.

В результате установлено, что в рассматриваемый период строительная отрасль пережила существенное падение темпов ее развития, обусловленное сменой политического курса в стране и переходом от плановой экономики к рыночным отношениям. Кратко проанализирована роль в этом процессе федерального законодательства.

Планам по выходу отрасли на намеченные параметры Программы жилищного строительства на рубеже 2000-х годов не суждено было сбыться, падение объемов по вводу жилья составило более 408 %.

Ключевые слова: строительная отрасль, организация, капитальное строительство, производство, реформирование, приватизация, свободная экономическая зона, эффективность.

Для цитирования: Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1991 – 2000 годы // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 86-100. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-87-101>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 1991 – 2000

Svetlana A. Liubishina¹

Aleksander Yu. Mikhailov²

^{1,2} Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹liubishina@mail.ru

²mixailov59@mail.ru

Abstract. A brief historical and economic overview of the main stages of the development of the construction industry of the Kaliningrad region in the period from 1991 to 2000 was carried out.

Based on materials from open sources published by Rosstat in the Kaliningrad region, an analysis of the efficiency of production activities of enterprises in the field of capital construction, production of building materials.

As a result of the analysis, it was found that during the period under review, the construction industry experienced a significant drop in the pace of its development, due to a change in the political course in the country and the transition from a planned economy to market relations. The role of federal legislation in this process is briefly analyzed.

Plans for the industry to reach the planned parameters of the Housing Construction Program at the turn of the 2000-s were not destined to come true, the decline in housing commissioning amounted to more than 408 %.

Keywords: construction industry; organization; capital construction; production; reform; privatization; free economic zone; efficiency

For citation: Liubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 1991 – 2000 // Baltic Economic Journal. 2024; 3(47):86-100. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-87-101>

Несмотря на то, что перед строительной отраслью как важнейшей частью национальной экономики страны стоят грандиозные задачи, реализация которых призвана стимулировать развитие других отраслей народного хозяйства, научных исследований по данной теме не так много, особенно на региональном уровне.

Анализируя научные публикации по современному состоянию строительной отрасли и ее основным тенденциям развития, отметим следующие.

Так, Занина Е. В. в научной статье "Анализ современного состояния и основных тенденций развития строительного рынка и его отдельных элементов" отмечает, что строительной сфере присуща медлительность в отношении принятия новых технологий, обусловленная цикличностью спроса на строительные услуги, ценовой конкуренцией и высокими рисками, которые ограничивают капитальные вложения. Разработка и внедрение инноваций как проявление экономических закономерностей рынка является необходимым условием востребованности и выживания предпринимательских структур, в отличие от структур, подчиняющихся административным решениям [1].

Кустов В. С. и Дмитриев А. Г. в статье "Развитие строительной отрасли в современных отечественных исследованиях" представили актуальный обзор научных статей последних лет о путях преодоления строительной отрасли кризиса, вызванного пандемией COVID-19 и усилением санкционного давления с февраля 2022 года. Таким образом, хронологические рамки научных публикаций как объектов данного исследования охватывают период 2020-2022 годов [2].

Ермолина Л. В., Пронина Н. Н., Мельникова Д. А. в статье "Развитие строительной отрасли в условиях дефицита кадров" выполнили выборочный анализ динамики объемов и стоимости строительных работ за период 2016-2022 годы на основе открытых официальных статистических данных Росстата. Отмечены факторы, ограничивающие темпы развития строительной отрасли. Дефицит кадров в строительстве назван решающим сдерживающим фактором развития [3].

Колечков Д. В., Тимушев Е. Н. в статье "Отрасль строительства в регионах России: состояние, факторы и следствия" предложили методический инструментарий диагностики строительной отрасли, на основе которого устанавливались позиции регионов и факторы конкурентоспособности отрасли для региональной экономики. Временной период, рассмотренный в данной статье, охватывает 2008-2018 годы [4].

Батищева А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. в статье "Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики" проанализировали основные тенденции развития строительной отрасли, использование кадрового потенциала, преимущества использования цифровых технологий при ведении бизнеса. Временной период, рассматриваемый в данной статье, охватывает 2022-2023 годы [5].

Из анализа научных публикаций следует, что состояние строительной отрасли и тенденции ее развития рассматриваются в целом по России в период после 2000 года. Исследований, в том числе на региональном уровне, в период с 1991 по 2000 годы не обнаружено.

Первые результаты исследования становления и развития строительной отрасли Калининградской области, охватывающие период с 1946 по 1990 год, были опубликованы авторами в статье [6].

Анализируя состояние строительной отрасли Калининградской области в период с 1991 по 2000 год, ее достижения и проблемы, вспомним, с чего начался этот этап.

В 1990 г. по решению Калининградского городского Совета народных депутатов Калининград был объявлен открытым городом. 14 июля Верховный совет РСФСР вынес решение об основании свободной экономической зоны в Калининградской области, на основании которого областной совет народных депутатов издал постановление об открытии Калининградской области к 01.01.1991 г. [7].

Однако никаких документов, регламентирующих статус таких зон, принято не было – их должны были подготовить местные власти. Но уже Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 сентября 1991 года № 497 "О первоочередных мерах по развитию свободных экономических зон в Калининградской и Читинской областях" было утверждено "Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ "Янтарь)". В соответствии с положением, СЭЗ "Янтарь" создавалась на всей территории области, предусматривались значительные льготы для её резидентов [8].

В судьбоносном для нашей страны 1991 году Госсовет СССР принял постановление о ликвидации союзных министерств и ведомств и передаче их собственности и имущества субъектам Советского Союза. В соответствии с этим постановлением с 1 декабря 1991 года Госстрой СССР был ликвидирован. Согласно Указу Президента РСФСР от 28 ноября 1991 года № 242 "О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР" имущество, финансовые и другие средства ликвидируемого союзного комитета, а также подведомственные ему предприятия, организации и учреждения, находившиеся на территории РСФСР, были переданы Министерству архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства РСФСР [9].

Следует отметить, что советский период дал городам Калининградской области новую градостроительную парадигму, наложенную поверх исторических планировок, привел к повышению высотности жилой застройки и создал новый символический контекст общественных пространств. Он на рубеже 90-х годов XX века в Калининграде характеризовался кризисом советской методологии "градообразующих факторов" и производственно-функциональной парадигмы, доктрины микрорайонного индустриального стандарта и соответствующей ему проектной практики.

Для строительной отрасли Калининградской области, в некотором смысле ее символом и подведением итога советского периода времени стало незавершенное строительство Дома Советов (рисунок 1).

Рисунок 1 – Строительство Дома Советов в 70-е годы XX века
Figure 1 – Construction of the House of Soviets in the 70s of the XX century

К 1991 году Дом Советов был готов на 95 %. Внутри были смонтированы лифты, поклеены обои, уложен паркет, работало отопление. В этом же году рухнул Советский Союз, грандиозная стройка "замерла". Следующие 30 лет Дом Советов несколько раз менял владельца, вызывая споры "снести или достроить". К моменту выхода данной статьи здание Дома Советов как символ советской эпохи останется лишь в фотографиях да в воспоминаниях современников.

С 1991 года начинается отсчет новейшей истории России, а вместе с ней и строительной отрасли Калининградской области. Основные показатели, с которыми строители подошли к 1991 году, представлены в таблицах 1, 2.

В таблице 1 представлены данные о количестве строительных организаций и численности работающих в отрасли, в таблице 2 – данные о производстве основных строительных материалов и конструкций [9].

Таблица 1 – Количество строительных организаций и число работающих

Table 1 – The number of construction organizations and the number of employees

Наименование	1990
Количество трудоспособного населения в области, тыс. чел.,	435,3
в т. ч. строителей, тыс. чел.	42
всего в % от общего количества трудоспособного населения	9,6
Количество подрядных организаций	91

Таблица 2 – Выпуск основных строительных материалов по годам

Table 2 – Output of basic building materials by year

Наименование	1985	1990	%	Наименование	1985	1990	%
Ж/б изделия тыс. м ³	338	480	142	Пиломатериалы, тыс. м ³	149	135	90,6
Кирпич, млн. шт.	54	85	157,4	Древесина, тыс. м ³	273	295	108
Щебень, тыс. м ³	70	130	185,7	Гравий, тыс. м ³	538	820	152,4
Песок, тыс. м ³	2730	4352	159,4	Керамзит, тыс. м ³	98	134	136,7

Анализируя таблицу 2, нетрудно заметить, что к 1991 году строительная отрасль подошла с существенным ростом по выпуску строительных материалов и железобетонных изделий практически по всем показателям, по сравнению с 1985 годом. Так, производство кирпича возросло на 57,4 %; щебня – на 85,7 %; керамзита – на 36,7,5 %; песка – на 59,4 %; единственная позиция, по которой произошло снижение, это производство пиломатериалов – на 9,4 %.

Достигнутые показатели по производству строительных материалов и железобетонных изделий, а также существующие мощности государственных подрядных организаций вполне позволили бы реализацию комплексной программы по строительству жилья в полном объеме, которая предусматривала к 2000 году решить проблему нехватки жилья. Основные параметры программы приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Расчетная программа показателей роста объемов жилищного строительства, тыс. м²

Table 3 – Estimated program of indicators of growth in housing construction, thousand m²

Показатели	1990 план	1995 план	% 1995 к 1990	2000 план	% 2000 к 1995
Ввод жилой площади	426	524	123	616	132,1
крупнопанельные	175	241,2	137,8	300	124,4
крупноблочные	20	30	150	24	80
кирпичные	224	226	100,9	263	116,5
монолитные	7	27	385,7	27	100

Примечание: В программе не учитывалось количество жилья, подлежащего вводу в эксплуатацию на селе, и индивидуальное строительство. Выполнению программы в полном объеме помешала череда политических событий, произошедших в нашей стране.

Лишившись централизованного управления, финансовой и материально-технической поддержки, строительные организации и предприятия строительной индустрии оказались в "свободном плавании", в совершенно новой обстановке – в либерально-демократических условиях работы. Некогда мощная строительная индустрия с многотысячным коллективом строителей подверглась процедуре приватизации. Следует отметить, что приватизация строительной индустрии в Калининградской области, как и в целом по России, была проведена

в два этапа (1992-1993 гг. и 1994-1995 гг.), более известные как чековая и денежная приватизации.

Первый этап процесса приватизации государственных предприятий в акционерные общества открытого типа осуществлялся в порядке, установленном Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1992 года № 721 "Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий в акционерные общества".

Второй этап приватизации (после 01 июля 1994 года) осуществлялся на основании Указа Президента Российской Федерации "Об основных положениях государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года".

Поставленных целей приватизация государственных предприятий строительной индустрии Калининградской области не достигла, а ее итогом стали отрицательные результаты хозяйственной деятельности, на преодоление последствий которых потребовались годы.

Так, например, по результатам работы ведущей подрядной организации в регионе АО "Калининградстрой" снижение объемов работ уже в 1991 году по сравнению с 1990 годом составило 14,4 %. В последующие годы падение объемов производства продолжилось, численность работающих стала сокращаться на 10 % ежегодно. С 1994 года начали резко снижаться объемы заказов на строительство новых объектов, в результате общий объем выполненных строительно-монтажных работ к 1996 году снизился на 22,1 %, по сравнению с предыдущим годом, а в 1997 году еще на 45 %.

Не помогли здесь ни принимаемые меры по совершенствованию структуры первичных организаций, ни их преобразование в филиалы общества с ограниченной ответственностью и т. п. Начался процесс ликвидации организаций с небольшими объемами работ, в первую очередь, передвижных механизированных колонн (ПМК-191, ПМК-260 и др.).

Характерным примером могут служить результаты работы в начале 90-х годов приватизированного завода ЖБИ-2, производившего сборные бетонные и железобетонные конструкции для строительства. В таблице 4 приведены данные по снижению объемов производства в процентах относительно 1990 года.

Таблица 4 – Объемы производства железобетонных конструкций, тыс. м³
Table 4 – Production volumes of reinforced concrete structures, thousand m³

Наименование	Годы						
	1990	1991	% 1991 к 1990	1992	% 1992 к 1990	1993	% 1993 к 1990
Железобетонные изделия и конструкции	188,9	176,7	6,4	109,5	42	50,8	73

Управление механизации в составе треста "Балтрыбстрой" (впоследствии трест "Калининградстрой") в марте 1993 года решением Ленинградского совета депутатов г. Калининграда было переименовано в государственное предприятие "Строймеханизация", а уже в июне 1996 года получило статус открытого акционерного общества (сейчас ЗАО "Строймеханизация"). В "Строймеханизации" была сосредоточена вся строительная техника объединения "Калининградстрой", а это 250 единиц землеройных и грузоподъемных механизмов, автокранов, башенных кранов и грузовых автомобилей, оно же и обеспечивало пакет заказов. Когда же произошёл переход на рыночные отношения, из 9 имевшихся в наличии башенных кранов в тот период работал в среднем лишь один [10].

Калининградский домостроительный комбинат (КДК) был основан в 1975 году, в то время, когда ситуация с жильём в Калининградской области была еще крайне неблагоприятной: в среднем 6 кв. м на человека. И предприятие сразу же стало лидером по объёмам строительства доступного жилья, в среднем возводили 80-90 тысяч квадратных метров в год, показатели постепенно росли, в 1989 году комбинат вышел на пик своей мощности. Тогда было построено 22 многоквартирных дома, сдано в эксплуатацию 113 тысяч квадратных метров жилья.

В середине 1990-х кризис, охвативший страну, коснулся и домостроительного комбината. Резко снизились объёмы инвестиций государства и других заказчиков в жилищное строительство. К началу 1997 года положение дел на комбинате значительно ухудшилось. Завод по производству железобетонных изделий полностью остановился на три года, а вслед за этим встала и стройка. Объёмы выполняемых строительно-монтажных работ приблизились к нулю. Деятельность предприятия была практически остановлена, заработная плата выплачивалась с задержкой в несколько месяцев, работники отправлялись в вынужденные отпуска. Произошло сокращение штата, из 1300 человек в коллективе осталось не более 400 человек [11].

В строительном комплексе характерно то, что спад промышленного производства строительных материалов, железобетонных конструкций и изделий полностью совпадает с кривой спада объемов жилищного строительства. Исключением здесь является увеличение объемов индивидуального жилищного строительства, это объясняется тем, что в 1990 году в стране было разрешено строительство индивидуальных жилых домов в крупных городах, в том числе, и в Калининграде [12].

Показатели объемов жилищного строительства по годам наглядно представлены в таблице 5 и на рисунке 2.

Таблица 5 – Объемы жилищного строительства по годам, тыс. м²

Table 5 – Volume of housing construction by year, thousand m²

Наименование	Годы									
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Общая площадь	169,7	112,2	231,7	158,3	156,3	133,5	82,3	86,4	97,0	104,3
Количество квартир	3086	1773	3681	2724	2466	2069	993	1105	1081	1132
Количество жилых домов	-	-	87	40	90	92	84	103	111	114

Анализируя таблицы 3 и 5, нетрудно заметить, что объемы жилищного строительства в 2000 году (104,3 тыс. м²) по отношению к 1990 году (426 тыс. м²) составили всего 24,48 %.

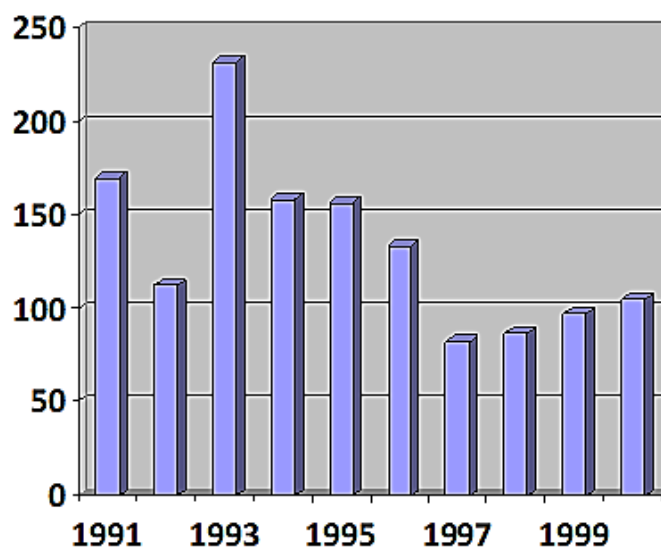

Рисунок 2 – Объемы жилищного строительства по годам, тыс. м²

Figure 2 – Volume of housing construction by year, thousand m²

Изложенные выше данные о состоянии строительной отрасли в 90-е годы могут привести к ошибочному мнению, что виной всему стала приватизация. Однако это не совсем так. Анализ событий, произошедших в строительной отрасли (да и в регионе в целом) в 1990-е годы (теперь их принято называть "лихими"), убеждает в том, что произошедший спад производства является прямым результатом ломки советской системы управления экономикой и замены ее либерально-рыночными принципами, присущими капиталистическому способу производства.

Начавшиеся в 1992 г. рыночные экономические реформы привели к тому, что главные экономические мотивы создания российских СЭЗ (выборочная либерализация предпринимательского климата на отдельных территориях внутри централизованной плановой экономики, создание экспериментальных

площадок для отработки новых методов хозяйствования) себя исчерпали. Принятые в начале 1992 г. нормативно-правовые документы, регулировавшие налоговый и таможенный режимы в РФ, не предусматривали каких-либо льгот для территорий, объявленных СЭЗ. И хотя формально решения о создании СЭЗ "Янтарь" никто не отменял, различные федеральные ведомства (Государственный таможенный комитет, Министерство экономики, Министерство внешнеэкономических связей, Государственная налоговая служба и т. п.) фактически действовали так, как если бы они утратили силу.

Основу механизма СЭЗ в Калининградской области составлял режим свободной таможенной зоны. Товары, импортируемые в область для внутреннего потребления, освобождались от ввозных таможенных пошлин и НДС, а экспортируемые товары, произведенные в области, освобождались от вывозных таможенных пошлин и регистрации в федеральных органах (за исключением нефти и нефтепродуктов).

Основным аргументом в пользу режима свободной таможенной зоны была необходимость насыщения потребительского рынка области недорогими импортными товарами в качестве компенсации за эксклавность региона. Позднее стало очевидным, что недостатки режима свободной таможенной зоны привели к стагнации во многих отраслях местной промышленности, в том числе и в строительстве.

Как уже отмечалось, с 1992 года и вплоть до масштабного кризиса в 1998 году строительная отрасль Калининградской области находилась в режиме выживания. Финансирование строительства социально значимых объектов со стороны государства практически заморозилось, заказы стали большой редкостью.

К середине 90-х годов одним из основных направлений экономической политики федерального правительства, отчасти под давлением МВФ, стала отмена всевозможных льгот, в том числе, в сфере внешнеторговой деятельности. Свободные экономические зоны в России также стали одной из жертв этой кампании. Вступивший в силу 1 января 1995 г. Закон Российской Федерации "О финансировании государственных расходов из федерального бюджета в 1 квартале 1995 года" и последующий Указ Президента России от 8 февраля 1995 г. № 266 "О мерах по укреплению финансовой дисциплины при исполнении федерального бюджета" отменили для всех регионов, в том числе и для Калининградской области, не предусмотренные бюджетным законодательством налоговые льготы. В дополнение к этому Законом Российской Федерации от 24 февраля 1995 г. № 31-ФЗ "О некоторых вопросах предоставления льгот участникам внешнеэкономической деятельности" и Указом Президента России от 6 марта 1995 г. № 244 "О признании утратившими силу и об отмене решений Президента РФ в части предоставления таможенных льгот" были отменены все таможенные льготы для области. Вышедшее затем

Постановление Правительства РФ № 1009 от 13 октября 1995 г. закрепило фактическое лишение СЭЗ "Янтарь" таможенных льгот.

Столь серьезное изменение условий хозяйствования создавало реальную угрозу резкого ухудшения социально-экономической ситуации в Калининградской области. В 1995 году реальный объем ВВП области сократился на 16 %, в то время как в среднем по России он снизился всего на 3 %. Среднегодовая численность работников, занятых в экономике Калининградской области, сократилась с 435,3 тыс. человек в 1990 году до 401,1 тыс. человек к 2000 году. Общая численность незанятых лиц, классифицирующихся как безработные в соответствии с методологией Международной организации труда, составила в 2000 г. 75,6 тыс. человек, официально зарегистрированных в службе занятости – 6,6 тыс. человек.

Уровень регистрируемой безработицы составил 1,4 % и в сравнении с 1992 годом вырос в 1,2 раза. Вместе с тем, в течение последующих четырех лет уровень регистрируемой безработицы стал снижаться (наибольший уровень безработицы отмечался в 1995 году – 5,1 %). Таким образом, Калининградская область стала отставать от России в целом по среднедушевой величине валового продукта более чем в 1,5 раза, уровню инвестиций в основной капитал – вдвое, уровню жизни населения – в 1,4 раза [12].

В начале 90-х годов происходит еще одно важнейшее политическое событие как для нашей страны, так и для региона, – начался парад "суверенитетов". Из некогда дружественных стран Германии, Польши и из республик Прибалтики стали прибывать воинские части на неподготовленные места дислокации. Для сотен офицерских семей тяжелым бременем стала неустроенность быта, а для социальной сферы прибывающие стали существенной дополнительной нагрузкой. В это время на северо-восточной окраине Калининграда на частично заболоченном земельном участке начинается реализация проекта, известного как *Selma*, или как "корабли в обмен на жилье для военнослужащих". В конце ноября 1993 года состоялась передача первого из двух жилых комплексов, которые подрядилась возводить литовская строительная ассоциация "Сельма". Фактическое же заселение построенных домов произошло лишь весной 1994 года. За два года (1993–1994 гг.) из конструкций Каунасского домостроительного комбината были возведены дома на 600 квартир и проведена инженерная подготовка для застройки всего микрорайона на 4500 квартир и социальных объектов. На начальном этапе данного проекта калининградские строители не участвовали.

Стоит также отметить, что фонды кирпича для военных строителей в 1991 году составляли 17,5 млн. шт., а уже в 1992 году – всего 500 тыс. шт.

В условиях разорванных хозяйственных связей единственно надежным вариантом по ускорению строительства жилья для военнослужащих стала проработка производства полносборного жилого дома нового поколения "Слава" на 212 комбинате железобетонных изделий. Дома этой серии построены в

Калининграде, Черняховске, Балтийске, Пионерском, Гусеве, Гвардейске и Янтарном (конструкции доставлялись судами флота).

В это же время постепенно начали появляться новые источники финансирования строительства.

Первая группа – это застройщики индивидуальных жилых домов, которые с 1991 года активно развернули строительство особняков в зеленых зонах на территории городов, особенно в Калининграде и Светлогорске.

Вторая группа инвесторов сформировалась из числа индивидуальных торговцев, занимавшихся челночным бизнесом. Решение было достаточно простым – освобождение квартир на первых этажах жилых домов на самых оживленных улицах. Для этих целей был создан механизм перевода жилых помещений в нежилые. Переселением жильцов и переоборудованием помещений преимущественно под магазины занимались новые собственники. Так появилась потребность в новых квартирах и источник финансирования.

Третья группа инвесторов – представители челночного бизнеса, которые, скопив солидные средства, занялись финансированием строительства крупных торговых комплексов и складов оптовой и розничной торговли.

Четвертой группой инвесторов в строительство стали дольщики. Объемы строительства жилья и объектов торговли с долевым участием вплоть до кризиса 1998 года были весьма значительными.

Пятый источник финансирования – это появление в конце 90-х годов ипотечного кредитования.

Постепенно, несмотря на определенные трудности в конце второй половины 90-х годов, в строительном бизнесе наметилась некоторая активизация, в основном, в сфере жилищного строительства. В области начал определяться благоприятный инвестиционный климат, стали создаваться новые строительные и проектные организации. Появляются и государственные капиталовложения (инвестиции) в строительство, прежде всего, для решения острых проблем и предупреждения аварийных ситуаций.

Дальнейшие изменения в особенностях функционирования режима СЭЗ в Калининградской области (введение квот на беспошлинный импорт, введение акцизов и НДС для подакцизных импортных товаров и т. д.) объяснялись стремлением властей исправить недостатки режима свободной таможенной зоны, но при этом сохранить его положительные моменты.

Таким образом, основные итоги функционирования строительной отрасли Калининградской области в период с 1991 по 2000 год:

1. Крушение СССР, а вместе с этим и последовавшая смена экономического курса по централизованному управлению, финансированию и материально-техническому обеспечению строительной отрасли на либерально-демократические рыночные отношения привели к разрыву устоявшихся хозяйственных связей в отраслях народного хозяйства. Предприятия строительной индустрии оказались в "свободном плавании".

2. Процесс приватизации государственных организаций и предприятий строительной отрасли поставленных целей не достиг, произошел спад объемов строительного производства, наметился отток высококвалифицированных специалистов и сокращение количественного состава организаций.

3. Снижение объемов выпуска готовой строительной продукции достигло критических показателей, так, ввод в эксплуатацию жилой площади с 426 тыс.м² в 1990 году сократился до 104,3 тыс.м² в 2000 году, или на 408,4 %.

4. К началу 2000-х годов для строительной отрасли наметились положительные тенденции стабилизации, обусловленные совершенствованием федерального законодательства и улучшением финансового микроклимата.

В конечном итоге, благодаря принятым мерам в 2000-х годах строительная отрасль Калининградской области начинает свое третье возрождение, но об этом речь пойдет в следующей нашей статье.

Список источников

1. Занина Е. В. Анализ современного состояния и основных тенденций развития строительного рынка и его отдельных сегментов // Научный сетевой журнал "Столыпинский вестник". 2023. № 4. С. 1921-1931.

2. Кустов В. С., Дмитриев А. Г. Развитие строительной отрасли в современных исследованиях // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2023. Т. 22. № 1. С. 40-46.

3. Ермолина Л. В., Пронин Н. Н., Мельникова Д. А. Развитие строительной отрасли России в условиях дефицита кадров // Эксперт: теория и практика. 2023. № 4(23). С. 148-153.

4. Колечков Д. В., Тимушев Е. Н. Отрасль строительства в регионах России: состояние, факторы и следствия // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 1. С. 43- 61.

5. Батищев А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences. 2023. 16(5). С. 102–115.

6. Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1946–1991 годы // Балтийский экономический журнал. 2024. № 2(46). С. 18-29.

7. Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 14 июля 1990 г. № 106–I "О создании зон свободного предпринимательства".

8. Постановление Совета Министров РСФСР от 25 сентября 1991 года № 497 "О первоочередных мерах по развитию свободных экономических зон в Калининградской и Читинской областях".

9. Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 "О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР".

10. На крутом изломе: строительный комплекс Калининградской области в новых условиях работы. Книга вторая (1991-2010 гг.) / М. П. Нетреба, А. С. Войтов, А. Р. Матвеев [и др.]. Калининград, 2013. 477 с.

11. Из интервью Тарчуткина С. П., генерального директора КПД – Калининград. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://strana39.ru/news/obshchestvo/99062/sergey-tarchutkin-v-sovremennom-mire-slovo-za-molodezhyu.html>

12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rosstat.gov.ru>

References

1. Zanina E. V. Analysis of the current state and main trends in the development of the construction market and its individual segments // Scientific online journal "Stolypin Bulletin". 2023;4:1921-1931. (In Russ.).

2. Kustov V. S., Dmitriev A. G. Development of the construction industry in modern research // Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2023;22,1:40-46. (In Russ.).

3. Ermolina L. V., Pronin N. N., Melnikova D. A. Development of the construction industry in Russia in conditions of shortage of personnel // Expert: theory and practice. 2023;4 (23):148-153. (In Russ.).

4. Kolechkov D. V., Timushev E. N. The construction industry in the regions of Russia: condition, factors and consequences // Problems of territory development. 2022;26,1:43-61. (In Russ.).

5. Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Kuznetsov A. S. Prospects for the development of the construction industry in the context of economic transformation // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences. 2023;16(5):102-115. (In Russ.).

6. Liubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 1946 – 1991 // Baltic Economic Journal. 2024;2(46):18-29. (In Russ.).

7. Resolution of the Presidium of the Supreme Council of the Russian Federation dated July 14, 1990 No. 106–I "On the creation of free enterprise zones". (In Russ.).

8. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of September 25, 1991 No. 497 "On priority measures for the development of free economic zones in the Kaliningrad and Chita regions". (In Russ.).

9. Decree of the President of the RSFSR dated November 28, 1991 No. 242 "On the reorganization of the central bodies of State administration of the RSFSR". (In Russ.).

10. On a steep bend: the construction complex of the Kaliningrad region in new working conditions. Book two (1991-2010) / M. P. Neteba, A. S. Voitov, A. R. Matveev [et all.]. Kaliningrad, 2013. 477 p. (In Russ.).

11. From an interview with Tarchutkin S. P., General Director of KPD – Kaliningrad. [Electronic resource] – Access mode: <https://strana39.ru/news/obshchestvo/99062/sergey-tarchutkin-v-sovremennom-mire-slovo-za-molodezhyu.html> (In Russ.).

12. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kaliningrad region. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.rosstat.gov.ru> (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Любишина – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. Ю. Михайлов – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

S. A. Liubishina – Candidate of ped. sciences, associate professor of FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

A. Yu. Mikhailov – Candidate of ped. sciences, associate professor of FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 24.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 24.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья

УДК 639.2/3

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-101-116

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Обобщение взаимосвязи численности населения и добычи водных биоресурсов приморских регионов страны

Леонид Иванович Сергеев¹,

Дмитрий Леонидович Сергеев²

¹ ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

² Западный филиал РАНХиГС, Калининград, Россия

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² sergeevd@mail.ru

Аннотация. Рассматривается содержание ряда публикаций по экономике и организации рыбохозяйственного комплекса страны. Подчеркивается важность анализа динамики вылова ВБР и численности населения приморских субъектов РФ. Анализируется динамика среднегодовой численности населения приморских субъектов РФ. Подчеркивается значительное сокращение численности населения в ряде приморских субъектов РФ, но в целом по всем приморским территориям рост численности составил 1,115 раза. Из всех 23 приморских субъектов РФ в 8 регионах за 2015-2022 годы наблюдался рост среднегодовой численности в целом в 1,316 раза, а в 15 регионах произошло сокращение среднегодовой численности населения в целом в 0,918 раз. Построены гистограммы ранжирования сокращения среднегодовой численности населения приморских субъектов РФ за 2022 год. Рассчитано, что в целом за 2005-2022 годы увеличение улова рыбы и вылова прочих ВБР в приморских субъектах РФ составило 1,36 раза. Построены гистограммы ранжирования степени сокращения улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ за 2005 и 2022 годы. Определены показатели коэффициентов корреляции между численностью населения и уловом рыбы, а также добычей прочих ВБР приморских субъектов РФ. Десять субъектов РФ имеют отрицательное значение коэффициентов корреляции, в тринадцати субъектах РФ изменение численности населения и улова рыбы, а также добычи прочих ВБР за 2005-2022 годы носило однонаправленный характер. Общая итоговая связь динамики численности населения и вылова ВБР приморских субъектов РФ имеет высокое значение (коэффициент корреляции составляет 0,98). Сдерживание сокращения численности населения ряда приморских регионов требует усиления работы органов власти по оптимизации размещения производительных сил по стране.

Ключевые слова: приморские регионы, численность населения, коэффициент корреляции, гистограмма, улов рыбы, динамика показателей, регрессионный анализ

Для цитирования: Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л. Обобщение взаимосвязи численности населения и добычи водных биоресурсов приморских регионов страны // Балтийский экономический журнал. 2024. Вып. 3(47). С. 101-116
<https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-101-116>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Generalization of the relationship between the population and the production of UBR in the coastal regions of the country

Leonid I. Sergeev¹

Dmitrij L. Sergeev²

¹ INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

² The Western branch of the RANEPА, Kaliningrad, Russia.

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² sergeevd@mail.ru

Abstract. The contents of a number of publications on the economy and organization of the country's fisheries complex are considered. The importance of analyzing the dynamics of the catch of IBD and the population of the primorsky subjects of the Russian Federation is emphasized. The dynamics of the average annual population of the primorsky subjects of the Russian Federation is analyzed. A significant decrease in the population in a number of coastal regions of the Russian Federation is emphasized, but in general, the population growth in all coastal territories amounted to 1,115 times. Of all 23 primorsky subjects of the Russian Federation, 8 regions in 2015-2022 saw an increase in the average annual population in general by 1,316 times, and in 15 regions there was a decrease in the average annual population in general by 0.918 times. Histograms of the ranking of the decrease in the average annual population of the primorsky subjects of the Russian Federation for 2022 are constructed. It is calculated that, in general, in 2005-2022, the increase in fish catch and catch of other VBR in the primorsky subjects of the Russian Federation amounted to 1.36 times. Histograms of the ranking of the degree of reduction in fish catch and production of other fish stocks in the primorsky regions of the Russian Federation for 2005 and 2022 are constructed. The indicators of the correlation coefficients between the population and the catch of fish, as well as the production of other VBRs of the primorsky subjects of the Russian Federation, are determined. Ten subjects of the Russian Federation have negative correlation coefficients, in thirteen subjects of the Russian Federation, the change in population and fish catch, as well as production of other fish stocks for 2005-2022 was unidirectional in nature. The overall final relationship between population dynamics and catch of fish stocks of the primorsky subjects of the Russian Federation has a high value (the correlation coefficient is 0.98). Curbing the decline in the population of a number of coastal regions requires strengthening the work of the authorities to optimize the allocation of productive forces across the country.

Keywords: coastal regions, population, correlation coefficient, histogram, fish catch, dynamics of indicators, regression analysis

For citation: Sergeev L. I., Sergeev D. L. Generalization of the relationship between the population and the production of UBR in the coastal regions of the country // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):101-116. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-101-116>

Цель исследования – обобщение взаимосвязи улова рыбы и добычи прочих ВБР с численностью населения приморских территорий страны для установления соответствующих зависимостей при планировании регионального развития рыбохозяйственной отрасли.

Анализ литературных и нормативных источников

Важнейшим элементом планирования развития рыбохозяйственной отрасли является анализ регионального среза деятельности предприятий в отношении их географического размещения по территории страны. Субъекты РФ, включающие размещение земель на берегах морей и заливов (приморские территории), имеют основное значение для осуществления улова рыбы и добычи других ВБР страны как в собственных водах, так и в открытой части Мирового океана (международных водах). Все основные направления развития рыбохозяйственного комплекса детально анализируются и устанавливаются в правительственных документах [1, 2, 3]. В этих документах постоянно выделяется необходимость пространственного регионального развития рыбной отрасли.

Вопросам регионального развития рыбохозяйственного комплекса уделяется постоянное внимание на заседаниях коллегии Росрыболовства [4]. Здесь анализируются и обобщаются планы и итоги деятельности по рыбохозяйственным бассейнам страны с выделением их специфических особенностей.

Региональные экономические исследования рыбохозяйственной деятельности рассматриваются во многих научно-исследовательских работах и научных статьях. Практически все публикации касаются проблем территориальной дифференциации отраслевой деятельности. В статьях Латкина А. П. [5, 6] рассматривается организация рыбной промышленности Дальнего Востока, где дается исследование управленческих аспектов развития в условиях антироссийских санкций. Здесь также рассматриваются Государственные программы развития Дальнего Востока, с точки зрения их оценки и возможности реализации положений, включая рыбохозяйственную деятельность. Подчеркивается развитие Дальнего Востока страны как территории новых возможностей социально-экономического роста.

В работах [7, 8] рассматриваются проблемы стратегического управления в рыбной отрасли, а также вопросы организации и экономики РХК. Подчеркиваются актуальные стоящие перед отраслью задачи по совершенствованию государственного регулирования рыбной отрасли. Здесь выделяются проблемы и территориальные особенности развития отрасли. Исследователи Бетин О. И., Труба А. С., Мухамедова Т. О. [9] рассматривают

рыбохозяйственный комплекс в спектре основных понятий, определения и структуры, что способствует утверждению положений и содержания организации и экономики отрасли.

В статье Кузина В. И. [10] подчеркиваются финансовые аспекты вклада рыболовства в устойчивое развитие приморских регионов. Определено влияние РХК на региональное развитие территорий приморских субъектов РФ. Исследователи Кохан А. Н., Кузин В. И., Карлов А. М. [11] анализируют взаимосвязь показателей устойчивого развития и продовольственной безопасности на региональном уровне. Эти положения касаются также приморских регионов России, которые обеспечивают продовольственным питанием жителей данных регионов.

Проблемы развития рыбной отрасли приморских территорий постоянно обсуждаются на конференциях и отраслевых съездах специалистов рыбной отрасли, к примеру, проведение Всероссийской (национальной) научно-практической конференции "Современные проблемы и перспективы развития рыбного хозяйства и аквакультуры в регионах" (г. Махачкала, 15 мая 2023 г.) [12]. Эти обсуждения способствуют выявлению нерешенных вопросов и выработке предложений по совершенствованию организации деятельности рыбной отрасли в регионах страны.

Обобщение взаимосвязей и результаты исследования

Обобщая социально-экономическое состояние приморских территорий России, прежде всего, на наш взгляд, следует рассмотреть динамику среднегодовой численности населения субъектов РФ. Динамика численности населения как социально-экономический барометр может говорить о тенденции общего состояния и положения улучшения или ухудшения социально-экономических параметров развития территории. Динамика среднегодовой численности населения по приморским субъектам РФ за 2005-2022 годы представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика среднегодовой численности населения приморских субъектов РФ, тыс. чел.

Table 1 – Dynamics of the average annual population of the primorsky subjects of the Russian Federation, thousand people

Приморские субъекты РФ	2005	2010	2015	2020	2021	2022	Измен. 2022/2015
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Республика Карелия	682,8	645,7	601,9	546,1	536,9	530,1	0,776
Архангельская обл. (без АО)	1248,6	1189,1	1094,5	1004,8	985,2	969,4	0,776
Мурманская обл.	848,2	796,9	739	685,4	671,9	662	0,780
Республика Калмыкия	293,3	289,3	278,7	269,5	267,7	265,5	0,905
Астраханская обл.	1 004,5	1 010,5	1 006,60	974,50	963,40	954,20	0,950
Ростовская обл.	4 342,6	4 280,00	4 254,7	4 223,0	4 204,5	4 178,4	0,962
Камчатский край	340,2	322,4	308,3	294,8	292,9	290,6	0,854
Приморский край	2017,5	1959,4	1921,8	1867,9	1850,1	1831	0,908
Хабаровский край	1386,5	1346,1	1333,1	1302,8	1293,9	1288,4	0,929

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Магаданская обл.	172,2	157,7	146,5	138	136,6	135,1	0,785
Сахалинская обл.	525,5	499	479	471,5	467,7	463,3	0,882
Чукотский АО	52,1	50,8	49,4	48,1	47,7	47,9	0,919
Ненецкий АО	41,9	42,1	42,4	41,6	41,5	41,4	0,988
ЯНАО	516	524,5	519,2	509,4	510	511,8	0,992
Красноярский край	2885,6	2831	2865,5	2867,2	2859,3	2850,9	0,988
Итого сокращение	16357,5	15944,5	15640,6	15244,6	15129,3	15020	0,918
Калининградская обл.	939,3	940,2	974	1018,5	1026,3	1 031,7	1,098
Ленинградская обл.	1683,4	1711,7	1815,1	1964,1	1991,6	2014,9	1,197
г. Санкт-Петербург	4699,7	4866,1	5303,7	5584,6	5598,2	5604	1,192
Республика Крым	0	0	1904,3	1935,3	1931,5	1924	1,010
Краснодарский край	5123,1	5222,1	5542,8	5804,9	5823,8	5825,7	1,137
г. Севастополь	0	0	418,2	527,1	539,6	552,8	1,322
Республика Дагестан	2672,7	2891,5	3018,7	3152,9	3175,9	3198,3	1,197
Республика Саха (Якутия)	953,8	958,3	960,7	982	992,6	997,7	1,046
Итого увеличение	16072	16589,9	19937,5	20969,4	21079,5	21149,1	1,316
Итого по всем субъектам РФ	32429,5	32534,4	35578,1	36214	36208,8	36169,1	1,115

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2023. 1126 с. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2007 г. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г.

Из всех 23 приморских субъектов РФ в 8 регионах за 2015-2022 годы наблюдался рост среднегодовой численности населения в целом в 1,316 раза, а в 15 регионах произошло сокращение в целом в 0,918 раз. При этом, во всех приморских субъектах РФ общая численность населения увеличилась в 1,115 раза. Наибольшее сокращение численности наблюдалось в Республике Карелия (0,776 раза), наибольший рост численности достигнут в г. Севастополе (1,322 раза). Следует отметить, что больше половины субъектов приморских территорий за 2005-2022 годы увеличили численность жителей, что говорит о привлекательности в целом субъектов РФ Приморья и естественном росте народонаселения.

Ряд субъектов РФ за 2005-2022 годы практически не изменил (или крайне мало увеличил или уменьшил) численность населения (Республика Калмыкия, Астраханская обл., ЯНАО, Ленинградская обл., Калининградская обл., Республика Саха (Якутия)). Данный факт говорит об определенной стабильности социально-экономического положения данных территорий.

На рисунках 1, 2 представлена инфографика среднегодовой численности населения по субъектам с убывающей и возрастающей численностью за 2005-2022 годы.

Наглядное представление динамики говорит о значительном сокращении численности населения в таких приморских субъектах РФ, как Республика Карелия (0,776 раза), Архангельская обл. (без АО) (0,776 раза), Мурманская обл. (0,78 раза), Магаданская обл. (0,785 раза). На наш взгляд, нельзя говорить о

депрессивности развития данных приморских регионов. Сокращение численности жителей, как правило, – это неудовлетворенность социально-бытовыми условиями жизни, природно-климатические факторы территорий, транспортная удаленность от центров культуры и искусства, национальные традиции. При этом наибольшее сокращение проживающих наблюдается в Ростовской обл., Красноярском крае, Приморском крае и Хабаровском крае.

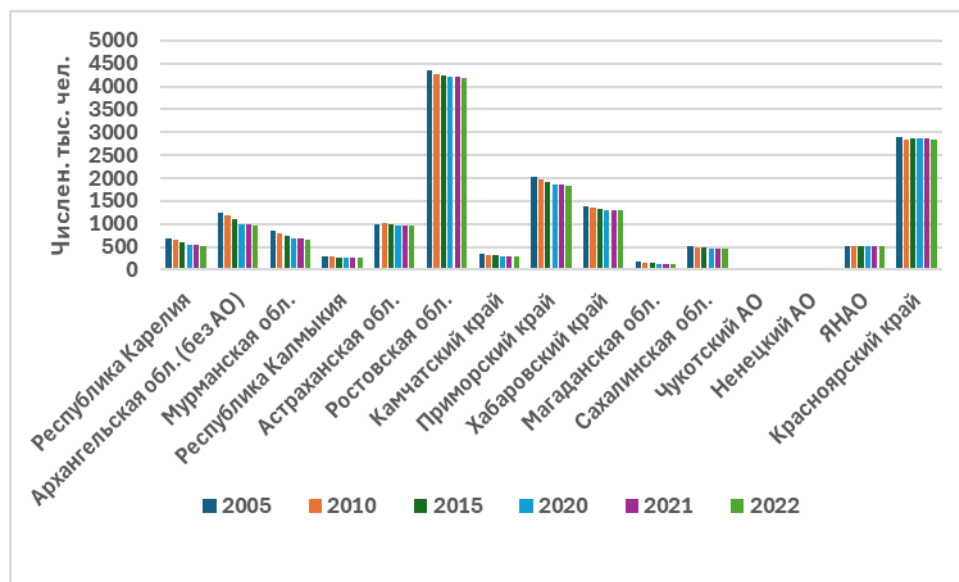

Рисунок 1 – Гистограмма среднегодовой численности населения по субъектам РФ с сокращением количества жителей за 2005-2022 годы

Figure 1 – A histogram of the average annual population in the subjects of the Russian Federation with a decrease in the number of inhabitants for 2005-2022

Следует отметить, что пока в стране слабо осуществляется работа по оптимизации размещения производительных сил по территории России с учетом её природно-географических факторов и минимизации народнохозяйственных издержек в процессе социально-экономического развития. Зачастую пространственный фактор экономики не учитывается в необходимой мере в государственных программах и целеполагании развития страны. Только в последнее время стали подниматься вопросы необходимости развития Дальнего Востока, так как был замечен отток населения с этих территорий, богатых природными ресурсами, необходимыми для развития экономики страны.

Вслед за г. Севастополем по росту численности населения идут: Ленинградская обл. (1,197 раза), Республика Дагестан (1,197 раза), г. Санкт-Петербург (1,192 раза). Следует отметить самое незначительное увеличение численности населения в группе с ростом жителей в Республике Крым (1,01 раза). Этот показатель значительно уступает соседу по географическому расположению – г. Севастополю.

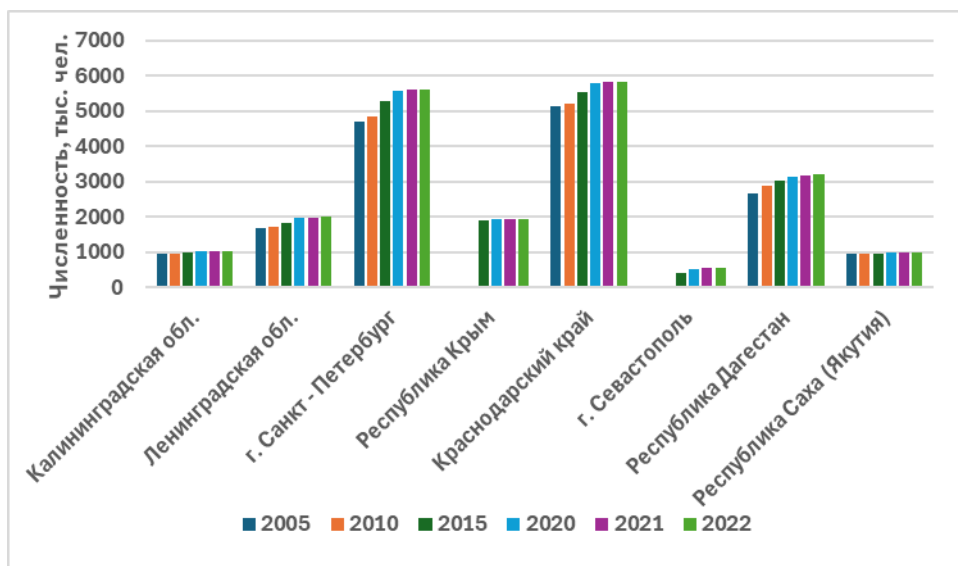

Рисунок 2 – Гистограмма среднегодовой численности населения по субъектам РФ с увеличением количества жителей за 2005-2022 годы

Figure 2 – Histogram of the average annual population in the subjects of the Russian Federation with an increase in the number of inhabitants in 2005-2022

Определенный интерес имеет наглядное ранжирование субъектов РФ приморских территорий в инфографической форме. На рисунке 3 представлена инфографика ранжирования численности населения приморских субъектов РФ за 2022 год.

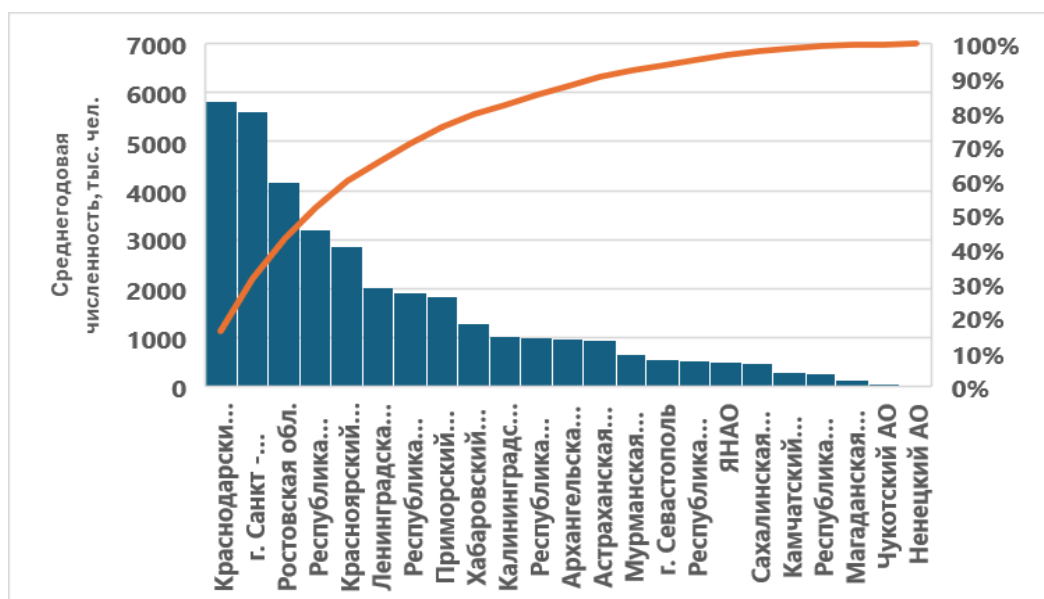

Рисунок 3 – Гистограмма ранжирования сокращения среднегодовой численности населения приморских субъектов РФ за 2022 год

Figure 3 – A histogram of the ranking of the reduction in the average annual population of the Primorsky subjects of the Russian Federation in 2022

Приблизительно аналогичную форму имеют гистограммы расположения по численности населения приморских субъектов РФ за все предыдущие годы. Довольно плавное ранжирование показывает равномерное расположение

субъектов приморских территорий по изменению численности населения, несмотря на их различное географическое расположение. Накопленная численность населения (правая вертикальная ось рисунка) говорит о практически равномерном расположении субъектов по изменению исследуемого параметра.

Инфографика динамики среднегодовой численности населения в разрезе двух рассмотренных групп с увеличивающейся и сокращающейся величиной жителей наглядно представлена на рисунке 4.

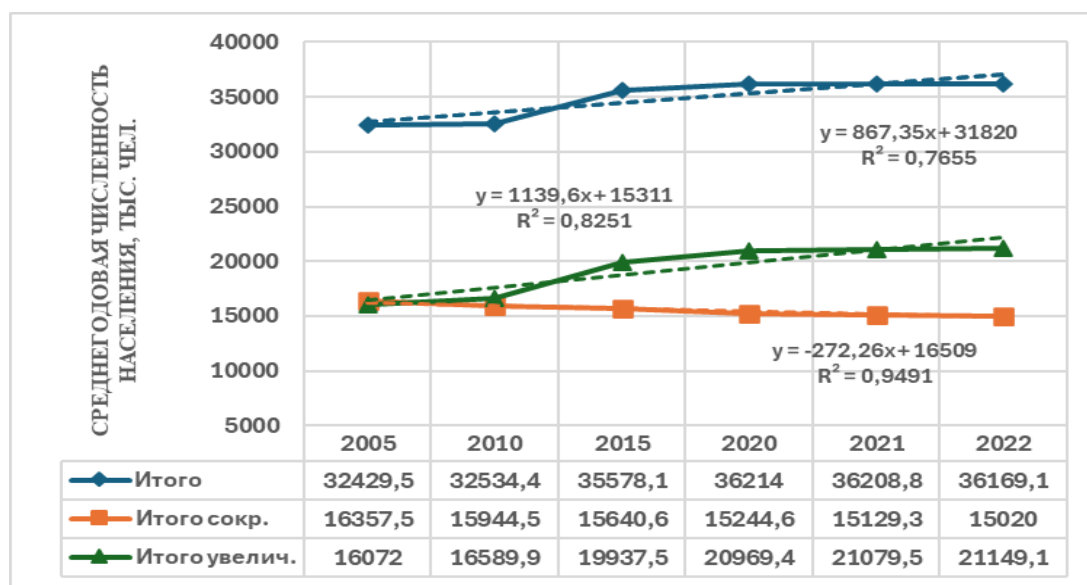

Рисунок 4 – Динамика численности населения с сокращением и увеличением количества жителей в приморских субъектах РФ за 2005-2022 годы

Figure 4 – Population dynamics with a decrease and an increase in the number of residents in the primorsky regions of the Russian Federation for 2005-2022

Регрессионная прямолинейная динамика среднегодовой численности населения приморских субъектов РФ в течение 2005-2022 годов имеет высокий коэффициент детерминации с рассмотренным периодом времени, что говорит о плавном изменении исследуемых показателей. При этом, наиболее сильную прямолинейную связь (коэффициент детерминации 0,9491) имеют субъекты РФ с уменьшающейся численностью населения. Это говорит о более плавном сокращении численности в сравнении с увеличением количества жителей (коэффициент детерминации 0,8251). Но в целом общее количество населения приморских субъектов РФ увеличивается менее плавно, чем его рост или сокращение (коэффициент детерминации 0,7665). Это говорит о превалировании роста над сокращением и менее сильной связи с проанализированным периодом времени, чем отдельная связь падения или увеличения численности населения приморских регионов.

Миграция населения естественно связана с социально-экономическими факторами обеспечения жизненных условий в субъектах РФ, наличием рабочих мест, климатическими условиями, бытовым обустройством территорий и

другими факторами. Важнейшим фактором приморских территорий является добыча ВБР как составного элемента достижения благополучного социально-экономического состояния проживания населения регионов. В таблице 2 представлена динамика улова рыбы и добычи прочих ВБР приморских субъектов РФ за 2005-2022 годы.

Таблица 2 – Динамика улова рыбы и добычи прочих ВБР приморских субъектов РФ за 2005-2020 годы, тонн

Table 2 – Dynamics of fish catch and production of other fish stocks of the primorsky subjects of the Russian Federation for 2005-2020, tons

Субъекты	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Республика Карелия	45600	87700	94411	127 809	134 602	123 773
Ненецкий АО	7500	12300	15076	11 099	13 489	12 625
Архангельская обл. (без АО)	120300	168100	156753	89 934	98 423	95 429
Калининградская обл.	289500	250100	217425	250 089	245 527	206 360
Ленинградская обл.	11500	18400	21955	26 000	20 037	23 052
Мурманская обл.	578800	661700	650601	574 214	622 184	576 019
г. Санкт-Петербург	11900	41200	84068	7 824	9 934	10 494
Республика Калмыкия	2900	2893	2792	2 174	2 441	2 249
Республика Крым			17055	7 315	8 455	5 396
Краснодарский край	2700	23800	39716	10 654	8 970	4 685
Астраханская обл.	50300	45600	51530	42 492	42 052	37 871
Ростовская обл.	16500	16800	20385	11 429	10 599	9 853
г. Севастополь			36799	30 617	29 802	19 420
Республика Дагестан	9600	5000	7019	11 310	25 244	30 134
ЯНАО	700	12300	18878	16 971	15 818	19 754
Красноярский край	1200	4333	5154	5 230	5 103	6 512
Республика Саха (Якутия)	3000	4200	6853	6 185	5 964	5 760
Камчатский край	586600	897800	1124769	1 549 272	1 710 771	1 457 056
Приморский край	634300	741800	843013	846 482	779 855	801 020
Хабаровский край	586600	208600	421171	444 415	449 297	526 592
Магаданская обл.	105800	106400	112539	102 065	98 885	87 354
Сахалинская обл.	471400	610600	724426	703 161	629 707	776 742
Чукотский АО	12855	6045	8689	17 302	9 843	6 071
Итого	3549555	3925671	4681077	4894043	4977002	4844221

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2023. 1126 с. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2007 г. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г.

Приморские субъекты РФ обеспечивают до 97 % улова рыбы и добычи прочих ВБР страны. В целом за 2005-2022 годы увеличение вылова ВБР в приморских субъектах РФ составило 1,36 раза. При этом, произошло изменение географии объемов добычи ВБР. В 11 субъектах РФ улов сократился, а в

22 регионах объем вылова увеличился. Правда, следует учитывать некоторое изменение за это время границ административно-территориального деления субъектов РФ и вхождение в Россию г. Севастополя и Республики Крым. Необходимо отметить заметное сокращение добычи за 2005-2022 годы в Чукотском АО (0,47 раза), в Ростовской обл. (0,6 раза), в Калининградской обл. (0,71 раза) и др. Несмотря на сокращение добычи в некоторых субъектах РФ, в основных рыбодобывающих субъектах обеспечен рост уловов, что в целом способствовало увеличению добычи ВБР по стране. На рисунке 5 представлена гистограмма роста (уменьшения) улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ за 2005-2022 годы.

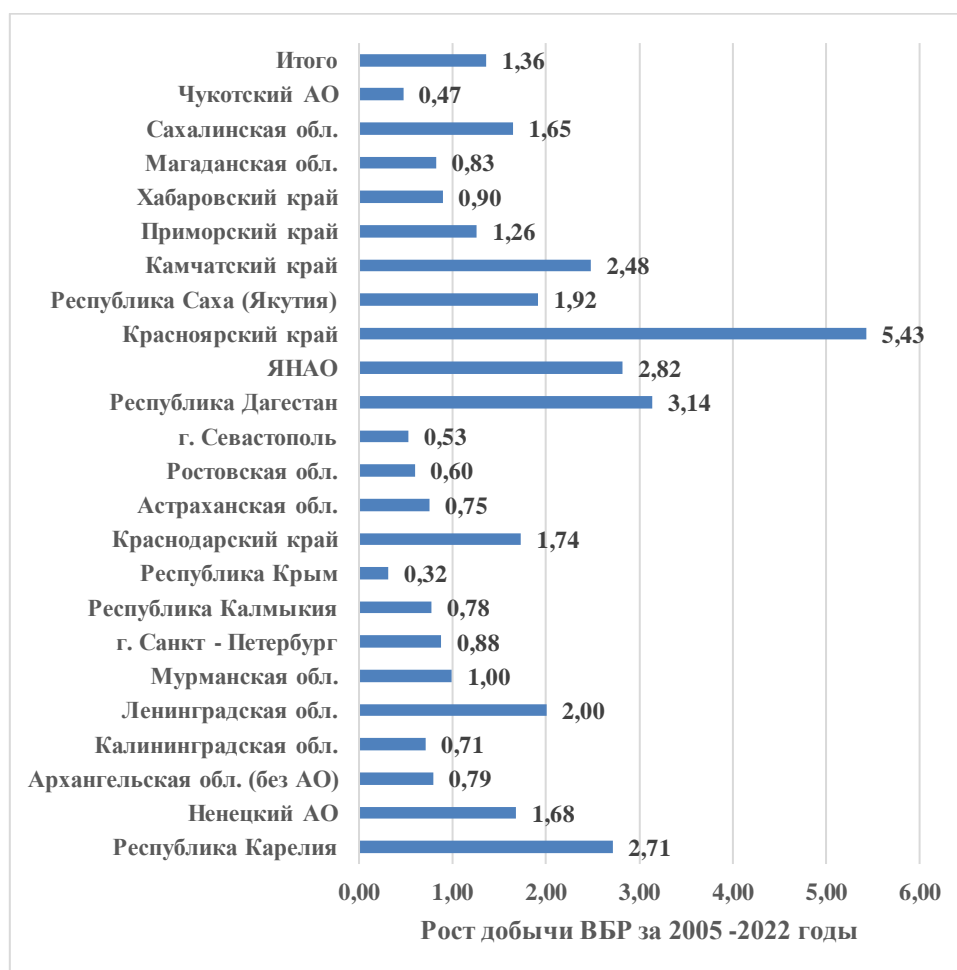

Рисунок 5 – Гистограмма роста (уменьшения) улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ за 2005-2022 годы (раз)

Figure 5 – Histogram of the growth (decrease) of fish catch and production of other fish stocks in the primorsky subjects of the Russian Federation for 2005-2022 (times)

Наглядное представление структуры улова рыбы и добычи прочих ВБР по субъектам РФ дано на рисунках 6 и 7, где ранжирование субъектов РФ ярко показывает значение основных рыбодобывающих регионов в общем объеме улова страны. Кривая Парето 2005 года говорит о том, что около 80-85 % добычи ВБР приходилось на 3 субъекта РФ Дальневосточного региона (Приморский край, Камчатский край, Хабаровский край) и 1 субъект Северо-

Западного региона страны (Мурманская обл.). При этом, в 2022 году произошло изменение приоритетов добычи ВБР по субъектам РФ. Кривая Парето получила некоторую бóльшую размытость по отношению к ее форме ранжированного построения в 2005 году. Изменилась география количества добычи ВБР по основным добывающим субъектам РФ. В 2022 году около 40 % улова давали 4 субъекта РФ (Камчатский край, Приморский край, Сахалинская обл. и Мурманская обл.). Камчатский край в 2022 году выловил ВБР в 1,8 раза больше, чем следующий по ранжированию уменьшения уловов – Приморский край.

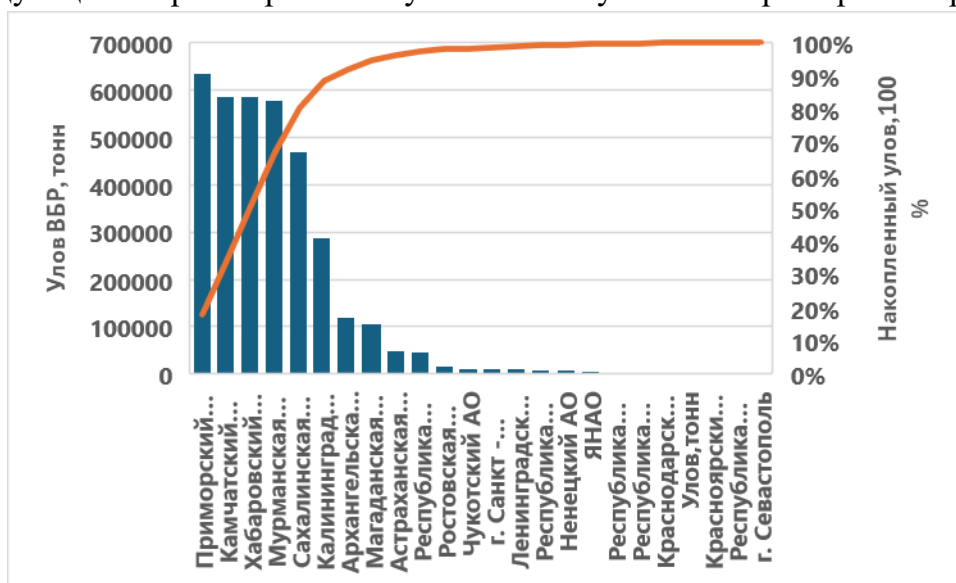

Рисунок 6 – Гистограмма ранжирования степени сокращения улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ за 2005 год

Figure 6 – Histogram of the ranking of the degree of reduction in fish catch and production of other fish stocks in the Primorsky subjects of the Russian Federation for 2005

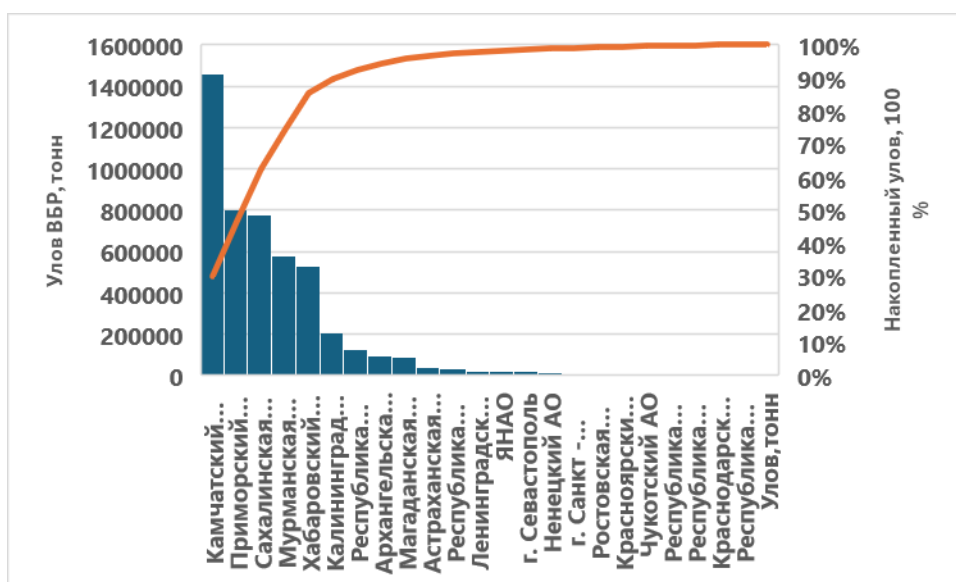

Рисунок 7 – Гистограмма ранжирования степени сокращения улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ за 2022 год

Figure 7 – Histogram of the ranking of the degree of reduction in fish catch and production of other fish stocks in the Primorsky regions of the Russian Federation for 2022

Рассмотренная выше среднегодовая численность жителей по субъектам РФ имеет определенное отношение к улову рыбы и добыче прочих ВБР в регионах. Эту связь можно рассчитать с помощью коэффициента корреляции, который покажет отсутствие или присутствие взаимосвязи показателей. Нами рассчитаны коэффициенты корреляции между численностью населения и объемом улова рыбы и добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ. Результаты расчетов представлены по материалам за 2005-2022 годы на гистограмме (рисунок 8).

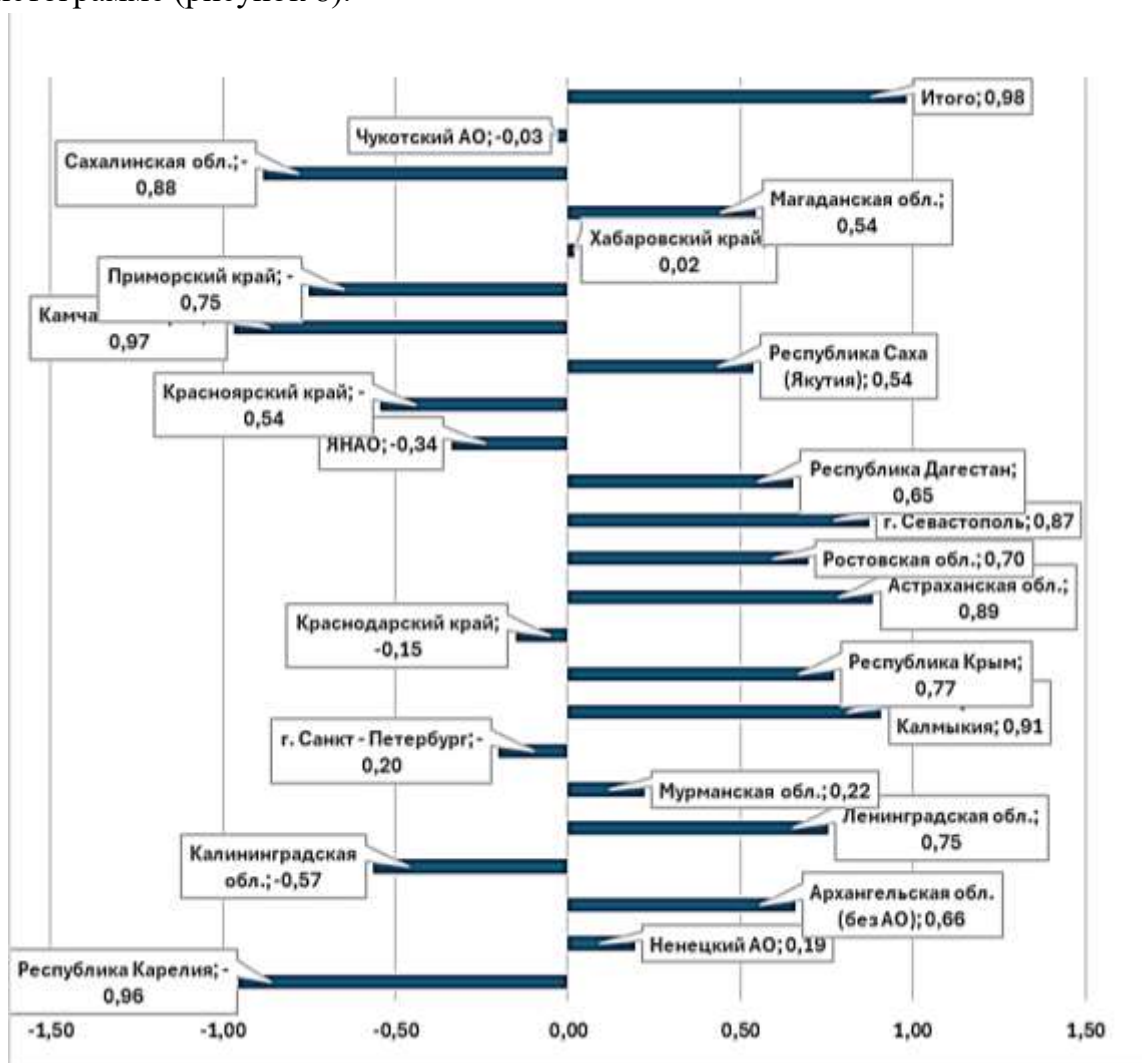

Рисунок 8 – Гистограмма показателей коэффициентов корреляции между численностью населения и уловом рыбы, а также добычей прочих ВБР приморских субъектов РФ

Figure 8 – Histogram of indicators of correlation coefficients between population size and fish catch, as well as production of other VBRs of the primorsky subjects of the Russian Federation

Анализ показывает разноликую палитру связи численности населения с уловом ВБР в приморских субъектах РФ. Как выявили регрессионные расчеты, общая итоговая связь динамики численности населения и вылова ВБР приморских субъектов РФ имеет высокое значение, так как коэффициент

корреляции составляет 0,98. Этот факт характеризует в определенной мере положительную связь роста численности трудовых ресурсов всех приморских регионов с увеличением улова рыбы и вылова прочих ВБР. Но в субъектах РФ картина обобщения связи имеет различную окраску. Десять субъектов РФ имеют отрицательное значение коэффициентов корреляции, что говорит о разнонаправленной динамике изменения исследуемых показателей (численности населения и добычи ВБР). Наибольшая разница – в Камчатском крае (0,97), Республике Карелия (0,96), Сахалинской области (0,88), Приморском крае (0,75). При этом, разница в динамике замечена как в изменении численности населения, так и в изменении добычи ВБР.

В тринадцати субъектах РФ изменение численности населения и улова рыбы, а также добычи прочих ВБР за 2005-2022 годы носило однонаправленный характер. Коэффициенты корреляции имеют положительное значение. Высокой связью характеризовались такие субъекты РФ, как Республика Калмыкия (0,91), Астраханская обл. (0,89), г. Севастополь (0,87), Республика Крым (0,77), Ленинградская обл. (0,75). Низкие коэффициенты корреляции как в одностороннем, так и разностороннем изменении характеризуют практическое отсутствие связи динамики среднегодовой численности населения и добычи ВБР в ряде субъектов РФ (Чукотский АО, Хабаровский край, ЯНАО, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Мурманская обл., Ненецкий АО). Такая низкая связь характеризует многофакторное влияние на добычу ВБР различных других (кроме численности населения) показателей социально-экономического развития территорий. Естественно, только какая-то часть населения напрямую связана с отраслью и задействована в рыбохозяйственной деятельности в стране. Поэтому наиболее точную взаимозависимость численности и размеров уловов, а также добычи прочих ВБР в субъектах РФ следовало бы искать в анализе соотношения занятых непосредственно в рыбохозяйственной деятельности и объемах выловов ВБР. Но учитывая специализацию территорий, естественное наличие морских запасов ВБР и расположение около морей и заливов, численность всего населения приморских территорий оказывает не всегда прямое, но и косвенное опосредованное влияние на деятельность рыбохозяйственного комплекса страны. Особенно широко данное обстоятельство проявляется в отношении к основным рыбодобывающим территориям страны на Дальнем Востоке.

Заключение

Взаимосвязь среднегодовой численности населения и уловов рыбы, а также добычи прочих ВБР по приморским субъектам РФ имеет разнообразный характер, который характеризуется в целом по всем территориям высокой степенью корреляции. Десять субъектов РФ имеют отрицательное значение коэффициентов корреляции (даже при высоком значении), что говорит о разнонаправленной динамике изменения исследуемых показателей (численности населения и добычи ВБР). Это создает необходимость принятия мер по выравниванию связи показателей для улучшения параметров социально-

экономического развития приморских территорий, что требует усиления работы органов власти по оптимизации размещения рабочей силы по территории страны.

Список источников

1. Стратегия развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. Москва: ФГБНУ "Росинформагротех", 2019. 68 с

2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 314 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие рыбохозяйственного комплекса".

3. Распоряжение Правительства РФ от 30.08.2019 г. № 1930-р "О Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 года".

4. Коллегия. Итоги деятельности Федерального агентства по рыболовству в 2023 году и задачи на 2024 год. Материалы к заседанию, апрель 2024 г. <https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2024/03/sbornik-25-03-2024.pdf?ysclid=ly0scxe7upw99126120> (дата обращения: 15.06.2024).

5. Латкин А. П. Рыбная промышленность Дальнего Востока: исследование управленческих аспектов развития в условиях антироссийских санкций // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та. 2023. Т. 15, № 1. С. 7-17.

6. Латкин А. П., Макиевская Ю. Ю. Государственные программы развития Дальнего Востока: оценка их реализации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 2. С. 68-77.

7. Стратегическое управление в рыбной отрасли: учеб. пособие для вузов / Л. И. Сергеев [и др.]. Москва: Изд-во ЮРАЙТ, 2021. 327 с.

8. Рыбохозяйственный комплекс: экономика и развитие: монография / под ред. К. В. Колончина, О. И. Бетина. Москва: ВНИРО, 2022. 368 с

9. Бетин О. И., Труба А. С., Мухамедова Т. О. Рыбохозяйственный комплекс: понятие, определение, структура // Труды ВНИРО. 2022. Т. 188. С. 66-173.

10. Кузин В. И. Финансовые аспекты вклада рыболовства в устойчивое развитие приморских регионов // Балтийский экономический журнал. 2024. № 2(46). С. 90-104.

11. Кохан А. Н., Кузин В. И., Карлов А. М. Взаимосвязь показателей устойчивого развития и продовольственной безопасности на региональном уровне // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4(44). С. 18-34.

12. Современные проблемы и перспективы развития рыбного хозяйства и аквакультуры в регионах // Матер. Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Махачкала, 15 мая 2023 г.). Махачкала, 2023. 417 с.

References

1. Strategy for the development of the fisheries complex of the Russian Federation for the period up to 2030. Moscow: Federal State Budgetary Institution "Rosinformagrotech", 2019. 68 p. (In Russ.).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 04/15/2014 No. 314 "On approval of the State program of the Russian Federation "Development of the fisheries complex". (In Russ.).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.08.2019 No. 1930-r "On the Strategy for the development of maritime activities of the Russian Federation until 2030". (In Russ.).
4. Board. The results of the activities of the Federal Agency for Fisheries in 2023 and the tasks for 2024. Materials for the meeting, April 2024 <https://fish.gov.ru/wp-content/uploads/2024/03/sbornik-25-03-2024.pdf?ysclid=ly0cxe7upw99126120> (date of application: 06/15/2024). (In Russ.).
5. Latkin A. P. The fishing industry of the Far East: a study of managerial aspects of development in the context of anti-Russian sanctions // The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. 2023;15,1:717. (In Russ.).
6. Latkin A. P., Makievskaya Yu. Yu. State programs for the development of the Far East: assessment of their implementation // The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2022;14, 2: 68-77. (In Russ.).
7. Strategic management in the fishing industry. Textbook for universities / L. I. Sergeev [et al.]. Moscow: Publishing House YURAYT, 2021. 327 p. (In Russ.).
8. Fisheries complex: economy and development: monograph / edited by K. V. Kolonchin, O. I. Betin. Moscow: VNIRO, 2022. 368 p. (In Russ.).
9. Betin O. I., Truba A. S., Mukhamedova T. O. Fisheries complex: concept, definition, structure // The works of VNIRO. 2022;188:166-173. (In Russ.).
10. Kuzin V. I. Financial aspects of the contribution of fisheries to the sustainable development of coastal regions // Baltic Economic Journal. 2024;2(46): 90-104. (In Russ.).
11. Kohan A. N., Kuzin V. I., Karlov A.M. Interrelation of indicators of sustainable development and food security at the regional level // Baltic Economic Journal. 2023;4(44):18-34. (In Russ.).
12. Modern problems and prospects for the development of fisheries and aquaculture in the regions // Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference with international participation (Makhachkala, May 15, 2023). Makhachkala, 2023. 417 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Сергеев – доктор экон. наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, зав. кафедрой экономической теории и

инструментальных методов ИНОТЭКУ Калининградского государственного технического университета.

Д. Л. Сергеев – канд. экон. наук, доцент Западного филиала РАНХиГС.

Information about the authors

L. I. Sergeev – Doctor of Economics, Professor. Honored Economist of the Russian Federation, head Department of Economic Theory and Instrumental Methods of INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

D. L. Sergeev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Western Branch of the RANEPА.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 116-134.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3 (47). P. 116-134.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.57

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134

Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море

Александр Геннадьевич Харин

ФГБОУ ВО "Калининградский государственный
технический университет", Калининград, Россия
aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Ухудшение состояния рыбных запасов является одной из основных проблем рыболовства в Балтийском море. Вслед за многими другими исследователями автор статьи полагает, что главной причиной деградации рыбных ресурсов Балтики выступает чрезмерно высокая промысловая активность. Рассматривая вопросы устойчивости регионального рыболовства, используя для этого результаты различных исследований, оценивающих состояние рыбных ресурсов Балтики, и основываясь на социально-экономических показателях рыболовства, мы пришли к выводу, что ключевым недостатком существующей политики регулирования

отрасли является приоритет сиюминутных выгод, поощряющий избыточно высокую промысловую активность. Решением проблемы являются переход к модели эколого-ориентированного рыболовства, наилучшим образом учитывающей специфику экосистемы Балтийского моря, и реализация концепции т. н. “синей экономики”, базирующейся на принципах устойчивости.

Ключевые слова: Балтийское море, рыбные ресурсы, рыболовство, устойчивое развитие

Для цитирования: Харин А. Г. Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(46). С. 116-134. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic sea

Aleksandr G. Kharin

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. The deterioration of fish stocks is one of the main problems of fisheries in the Baltic Sea. Following other researchers, we assume that the main reason for the degradation of fish resources in the Baltic Sea is overfishing. This paper focuses on the sustainability of fisheries in the region. Using the results of various studies on the state of fish resources in the Baltic Sea and based on socio-economic indicators of fisheries, we conclude that the key shortcoming of the current policy is the priority given to short-term benefits, which encourages overfishing. The solution is to move to a sustainable fisheries model and implement the concept of a “blue economy” in the Baltic Sea region based on the principles of sustainability.

Keywords: Baltic Sea, fish resources, fisheries, sustainable development

For citation: Kharin A. G. Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic sea // Baltic Economic Journal. 2024;(3(47)):116-134. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134> (In Russ.).

Введение

В течение последнего десятилетия многими учеными и практиками отмечается заметное ухудшение условий ведения рыбного промысла в Балтийском море. Среди причин часто называется изменение среды обитания, неблагоприятно повлиявшее на биоразнообразие и экологический баланс моря. Уникальная морская экосистема Балтики сформировалась благодаря солоноватой воде, вследствие изолированности моря от Мирового океана и больших объемов пресной воды, поступающей от впадающих рек. Активная хозяйственная деятельность, ведущаяся на берегах моря, обуславливает высокое содержание в речных стоках и водах Балтики питательных веществ (таких как азот, фосфор и др.). Это в условиях мелководности моря, ограниченного притока океанических вод и медленной циркуляции воды способствует процессу

эвтрофикации, интенсивному росту водорослей и других первичных продуцентов. В свою очередь, массовое цветение водорослей в теплое время года часто становится причиной снижения уровня кислорода в морской воде и приводит к образованию гипоксических, или бескислородных зон, негативно отражающихся на состоянии рыбных запасов.

Данные особенности, безусловно, оказывают существенное влияние на продуктивность рыбных ресурсов Балтийского моря, однако не менее важным фактором, не только во многом определяющим тенденцию оскудения рыбных запасов, но и ухудшающим состояние всей экосистемы моря, также является чрезмерно активное рыболовство [1]. Наличие этого фактора обуславливает актуальность применения более строгого подхода к управлению рыбным промыслом, который, помимо прочего, должен предусматривать чрезвычайные меры по восстановлению запасов рыбы, традиционно составляющих основу коммерческого рыболовства на Балтике.

В настоящее время, по сути, единственным действенным инструментом, способным оказывать заметное влияние на текущее и будущее состояние рыбных запасов Балтийского моря, являются квоты (административные ограничения) на вылов рыбы. Политические решения об использовании данного инструмента обычно принимаются на основе устоявшихся, общепризнанных процедур. В упрощенном виде содержание этих процедур состоит в том, что ежегодно Международный совет по исследованию моря (ICES), в состав которого входят ведущие ученые из стран-членов Совета, публикует сведения о состоянии рыбных запасов и рыболовства. Эта информация затем используется для выработки рекомендаций ICES правительствам стран-членов по объемам добычи рыбы. Поскольку коммерческое использование рыбных ресурсов Балтийского моря в настоящее время осуществляется только странами ЕС и Россией, соответствующие решения принимаются органами этих стран, ответственными за политику в области рыболовства (в ЕС на основании решений Совета Европейского Союза, в РФ – постановлений Правительства). Следуя рекомендациям ICES, европейский и российский регуляторы ежегодно устанавливают размер ОДУ на следующий год, руководствуясь не только этими рекомендациями, но и приоритетами и целями своей политики. Такой подход предполагает, что для запасов, по которым имеются достоверные научные знания и точные оценки, разрешенный объем вылова должен устанавливаться на уровне MSY (максимальный устойчивый вылов), в то время как для менее изученных запасов допустимый уровень добычи следует определять исходя из принципа предосторожности. Принято считать, что подобное нормирование рыболовства минимизирует его угрозу воспроизводству и будущей продуктивности запасов. Однако, хотя рекомендации ICES и опираются на наилучшие на текущий момент научные разработки и данные, они являются отражением узкого, сфокусированного только на состоянии рыбных запасов и прибыли рыбаков взгляда на масштабы хозяйственного использования этого

ресурса, сильно упрощающего либо игнорирующего многие другие не менее важные аспекты.

Некоторыми представителями научного сообщества подвергается критике основополагающий принцип, на котором зиждется механизм квотирования рыбодобычи, поскольку сомнительна сама идея использования в качестве главного ориентира для установления пределов эксплуатации рыбных ресурсов столь одностороннего, абстрактного и трудно проверяемого показателя, каким, по сути, является MSY. Теоретически ведение промысла на уровне MSY означает, что эксплуатация ресурса приносит максимально возможную прибыль его непосредственным пользователям и одновременно минимизирует угрозу существованию этого ресурса (что, по мнению авторов концепции MSY, отвечает интересам общества). Однако ряд ученых (в том числе, один из разработчиков этой концепции С. Дж. Холт) придерживается мнения, что более низкие, чем установленные на основе MSY, уровни вылова будут способствовать увеличению прибыльности рыбной отрасли и повышению устойчивости рыбных запасов и экосистем [2]. Существуют также более радикальные взгляды, согласно которым концепция MSY, в принципе, несостоятельна в условиях Балтийского моря, поэтому базирующаяся на данной концепции система регулирования рыболовства посредством установления квот на вылов должна быть кардинально пересмотрена [3]. Проблема неоптимальности управления рыбными ресурсами дополнительно усугубляется тем, что фактически при определении квот на вылов рыбы политиками обычно принимаются во внимание в первую очередь экономические и социальные, а не экологические критерии. В результате в отношении использования рыбных ресурсов Балтийского моря сложилась устойчивая многолетняя практика установления более высоких уровней квот, чем те, которые были рекомендованы на основании MSY [4].

Оставив в стороне теоретические дискуссии, часто избыточные довольно спорными суждениями и неподтвержденными выводами, рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, стороны сложившейся практики использования рыбных ресурсов Балтийского моря, акцентируя внимание на экономических аспектах деятельности российского рыболовства (поскольку они фактически выступают главным аргументом нынешней рыболовной политики). Целью нашего исследования является оценка перспективы устойчивого рыболовства в регионе, политика управления которым должна строиться на учете всей сложности взаимосвязей между состоянием природной среды и неэкологическими факторами и эффектами, обусловленными рыбопромысловой деятельностью. Работа опирается на данные и выводы других отечественных и зарубежных исследований рыбных запасов и рыболовства в Балтийском море, для анализа социально-экономических аспектов деятельности рыболовства используется информация, полученная из общедоступных баз данных и открытых источников.

Материалы и методы

Одной из ключевых составляющих широко используемой для регулирования рыболовства концепции MSY является величина нерестовой биомассы запасов рыб. Данный показатель, характеризующий биологическое состояние ресурса и его способность к самовоспроизводству, рассчитывается на основании как эмпирических, так и оценочных данных. Согласно исследованиям российских научных организаций, "в настоящее время, из суммарного объема нерестовой биомассы запасов рыб, важных для отечественного рыболовства в Балтийском море, около 65 % приходится на шпрот, более 30 % – на сельдь, менее 5 % – на треску и около 1 % – на камбаловые виды рыб" [5]. По оценке ICES, запасы одного из важнейших (по объему добычи и прибыли) ресурсов российского рыболовства – сельди в центральном бассейне Балтийского моря в течение нескольких последних лет находятся на очень низком уровне и даже при полном отсутствии промысла не смогут восстановиться в ближайшие годы [6]. Основываясь на этом заключении, Комиссия ЕС предложила в 2024 году продолжить запрет на промысел западно- и центрально-балтийской сельди (с учетом прилова в других промыслах) [7]. Однако данное предложение вызвало негативную реакцию рыболовного бизнеса, который не только категорически возражал против закрытия промысла, но и, напротив, требовал увеличения квот на вылов сельди и шпрота. Под влиянием отраслевого лобби чиновники, представляющие регулирующие органы государств-членов ЕС, отклонили предложение Комиссии о запрете на вылов сельди в центральной части Балтики, взамен введя лишь ограничения на ее траловый промысел в отдельные периоды времени в качестве так называемой "меры по исправлению положения", призванной улучшить состояние рыбных запасов. Кроме того, Еврокомиссия внесла изменения в ряд союзных документов, регламентирующих вопросы использования рыбных ресурсов, чтобы устранить возникшие в связи с их новой трактовкой противоречия. Принимая эти решения, чиновники ЕС ссылались на "потенциально серьезные социально-экономические последствия", возникающие в результате лимитирования рыболовства, имея в виду, прежде всего, краткосрочное воздействие ограничительных мер на рыбаков и перерабатывающую промышленность. Подобные доводы традиционно используются в качестве главных аргументов для обоснования более высоких уровней квот, чем те, которые предлагают ученые и эксперты. Во многом аналогичные мотивы служат основанием для принятия решений об установлении ОДУ и другим участникам промысловой деятельности на Балтике – Россией. Руководствуясь сиюминутными выгодами, отчасти ориентируясь на результаты неполных знаний и несовершенных методов оценки, регуляторы склонны игнорировать вполне реальные (подтверждаемые мировым опытом) угрозы, вызванные перманентной истощенностью рыбных запасов, в предельном случае грозящие их коллапсом и крахом рыболовства.

Для того чтобы оценить, как обозначенная проблема влияет на состояние и перспективы российского сегмента рыболовства на Балтике, необходимо привести некоторые данные, качественно и количественно характеризующие его деятельность.

Хотя площадь акватории, на которой ведут промысел российские рыбаки (26-й и 32-й подрайоны ICES, включая Куршский и Калининградский заливы), не превышает 6 % от всей площади Балтийского моря, на ее воды приходится заметно более высокая доля в пространственном распределении рыбных запасов Балтики. В частности, по оценке отечественных ученых, здесь сосредоточено до 15 % от общего объема биомассы восточно-балтийской трески и не менее 12 % сельди и шпрота [8]. Сырьевую основу российского рыболовства на Балтике составляет самый массовый рыбный ресурс – мелкосельдевые виды рыб (шпрот и сельдь балтийская), на долю которых в последние годы приходилось около 90 % всего объема добычи. На рисунке 1 приведены данные об объемах вылова российскими рыбаками основных промысловых рыб Балтийского моря (по данным Росрыболовства).

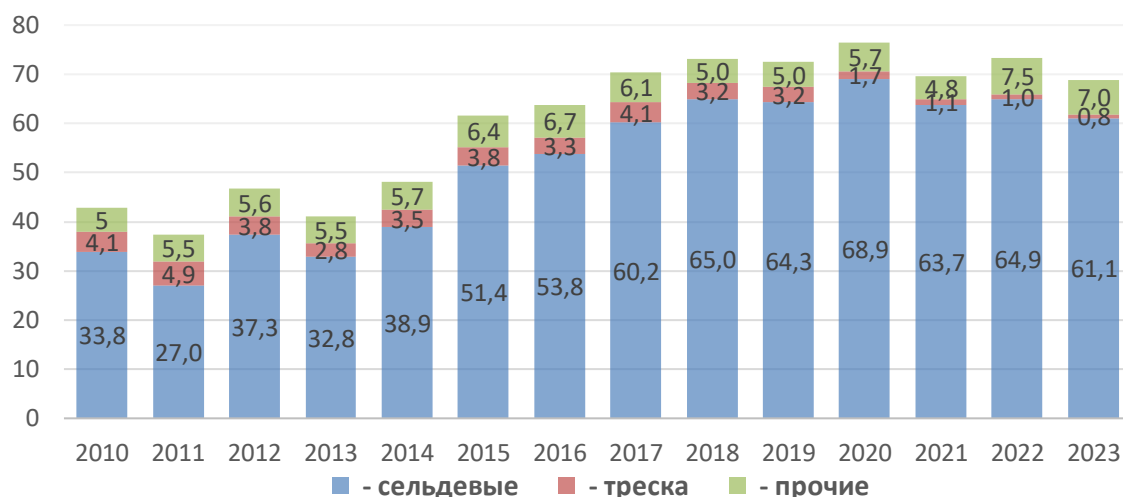

Рисунок 1 – Объемы вылова основных видов промысловых рыб российскими рыбаками в Балтийском море, тыс. тонн

Figure1 – Volumes of catch of the main types of commercial fish by Russian fishermen in the Baltic Sea, thousand tons

Источник: Росрыболовство.

Нетрудно заметить существенное увеличение общего объема добычи рыбы после 2015 года, которое было обеспечено, в основном, за счет роста промысловой нагрузки на запасы мелкосельдевых рыб. Так, если среднегодовой вылов мелкосельдевых в 2010-2014 гг. составлял 34 тыс. тонн, то на "пике" добычи в 2020 году этот показатель вырос в 2 раза и достиг 69 тыс. тонн. В среднем за последние несколько лет российские рыбаки ежегодно добывали от 23 до 25 тыс. тонн балтийской сельди и около 40 тыс. тонн шпрота. На долю России приходится 15-17 % от общего вылова шпрота и центрально-балтийской сельди, причем в последние годы, на фоне последовательного сокращения

промысла странами ЕС, этот показатель достиг максимальных значений. Вклад отечественного рыболовства в использование рыбных ресурсов Балтики еще более весом, если рассматривать только основную зону российского промысла. Так, в 2020 году доля вылова российскими рыбаками шпрота в 26-м подрайоне ICES превысила 50 % от общего вылова, а соответствующий показатель по сельди центрального запаса в 26-м и 32-м подрайонах ICES составлял 38 и 41 %, соответственно [8]. После запрета на промысел ранее наиболее коммерчески привлекательной рыбы Балтийского моря – трески, введенного странами ЕС в 2020 году, ее добыча (правда, в исчезающе малых размерах) осуществляется только российскими рыбаками.

Вслед за увеличением объемов вылова в последние годы существенно выросла и промысловая нагрузка на рыбные запасы в российской зоне Балтийского моря. Так, если в 2004-2011 гг. освоение национальных квот по шпроту и салаке отечественными рыбопользователями в среднем составляло около 70 %, то в 2020 году данный показатель достиг максимальных 98 % и 90 %, соответственно. Существуют разные объяснения причин этого роста, в основном, непосредственно не связанные с состоянием рыбных запасов. Так, среди факторов, обусловивших низкий уровень освоения квот на вылов пелагических рыб в начале 2000-х годов, эксперты часто выделяют неблагоприятную ценовую конъюнктуру, значительный физический и функциональный износ промыслового флота и береговых мощностей [8], а также распространенную в то время практику теневого ("неучтенного") промысла [9]. Называются и другие причины, например, такие как колебания потребительских предпочтений, конкурентное давление со стороны импортной продукции, административные барьеры, неблагоприятные погодные условия, всплески военной активности и др., хотя и вызывавшие сильную волатильность добычи в отдельные годы, однако в силу своей переменчивости неспособные оказывать долгосрочное влияние на уровень освоения квот. Начиная с 2012 года, ситуация в российском промысле мелкосельдевых рыб на Балтике кардинально изменилась, что выразилось в скачкообразном росте уровня освоения квот отечественными рыбаками. По мнению экспертов, этому способствовало, прежде всего, общее оживление экономической конъюнктуры, вызвавшее повышение закупочных цен на шпроты и сельдь, поддержка со стороны областного бюджета, расширившего практику софинансирования проектов обновления производственных мощностей местной рыбной промышленности [8], а также налаживание системы контроля над промысловой деятельностью. Под воздействием указанных факторов в середине второго десятилетия XXI века российские рыбаки смогли достичь максимального (вероятно, предельно возможного на текущий момент) уровня эксплуатации основных "коммерческих" запасов рыб Балтийского моря.

Однако ограниченные и крайне уязвимые рыбные ресурсы, являющиеся частью хрупкой экосистемы Балтийского моря, оказались не в состоянии

длительно поддерживать высокие объемы добычи. Первой "жертвой" избыточного промыслового давления стали запасы балтийской трески, по многим параметрам сейчас вполне соответствующие ситуации, характеризуемой термином "коллапс". Более многочисленные и, вероятно, жизнеспособные запасы шпрота и сельди смогли выдерживать интенсивную эксплуатацию несколько дольше, однако и они к настоящему времени приблизились либо уже перешли в категорию "переловленных". Все большим числом экспертов высказываются опасения относительно перспектив их дальнейшего, столь же активного использования. Так, если еще в начале 2023 года в пресс-релизе Атлантического филиала ВНИРО оптимистично сообщалось, что запас сельди Центральной Балтики находится на довольно стабильном уровне (отмечалось лишь некоторое снижение величины нерестового запаса), что давало основания для прогнозирования сохранения объемов добычи этой рыбы на достигнутом уровне, то в уже в конце того же года специалистами ВНИРО состояние запаса центрально-балтийской сельди было признано критическим, и "в ближайшее время следует ожидать снижения объёмов её добычи" [10].

Во многом аналогичная ситуация сложилась и в зарубежном сегменте балтийского промысла мелкосельдевых рыб. В частности, рекордные уловы сельди европейскими рыбаками (на протяжении 2010-х годов они превышали 100 тыс. т в год, а в 2020 г. достигли 177 тыс. т [11]), получаемые благодаря завышенным квотам на вылов и практически полному их освоению, привели к обвальному сокращению нерестовой биомассы этой рыбы в Балтийском море. По оценке ICES, в результате хищнического использования к началу 2020-х годов величина запасов сельди в центральной части Балтийского моря сократилась на 40 % [12]. Осознание того, что запасы сельди достигли критического уровня, побудило Европейскую комиссию предложить установить нулевую квоту на вылов этой рыбы европейскими рыбаками [13] (напомним, что под давлением отраслевого лобби это предложение было, в конечном счете, отвергнуто). Эксперты также отмечают, что последний крупный запас шпрота в Балтийском море демонстрирует заметные признаки ослабления – его величина из-за высокой промысловой нагрузки резко сокращается, а пополнение является самым низким за все время наблюдений [14].

В силу того, что, как отмечалось выше, экологические аспекты являются далеко не основным критерием при установлении уровня интенсивности эксплуатации рыбных ресурсов, важным является изучение других мотивов, движущих рыболовной политикой всех стран Балтийского моря. Это, тем более, важно, поскольку ухудшение состояния запасов основных промысловых рыб не могло не привести к снижению объемов и качества уловов и, соответственно, к ряду существенных социально-экономических последствий (например, таких как сокращение занятости и доходов рыбаков, разрушение самодостаточных локальных цепочек производства продуктов питания, монополизация отрасли, утрата местных традиций и самобытности и др.).

Результаты и обсуждение

Первые тревожные признаки надвигающихся проблем появились еще в середине 2010-х годов, когда рыбаки, ведущие промысел сельди на восточном побережье Швеции, стали все чаще сообщать о "нулевом" улове. Чтобы компенсировать последствия массового сокращения прибрежного промысла, в основном, ведущегося малым бизнесом, шведское правительство было вынуждено расширить практику субсидирования рыболовства, увеличив тем самым нагрузку на и без того перенасыщенные обязательствами общественные бюджеты. Но сокращение уловов стало не единственным следствием проблемы истощения рыбных запасов. Заметно ухудшилось качество рыбы, размеры которой перестали соответствовать пищевым стандартам и не позволяли использовать ее для производства большинства традиционных рыбопродуктов. По оценке, в настоящее время более 90 % шведского и финского улова сельди используется как техническое сырье и перерабатывается в рыбную муку, идущую на изготовление кормов для звероводства, птицеводства и рыбных ферм. При этом 80 % рыбы, используемой в пищу в Финляндии, импортируется из других стран [15].

Другим, не менее важным следствием тотального перелома рыбных ресурсов Балтийского моря стало ухудшение экономических показателей регионального рыболовства. Согласно недавнему отчету STECF (Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries) [16], в течение ряда лет, как минимум, начиная с 2018 года, европейский рыболовный флот, оперирующий в Балтийском море, демонстрирует тенденцию снижения реальной (очищенной от инфляции) выручки и добавленной стоимости, а некоторые его национальные сегменты уже несколько лет хронически убыточны. Так, по данным вышеупомянутого отчета, в 2020 году балтийское рыболовство ЕС в целом принесло чистый убыток в размере 18,9 млн. евро, а в 2021 году – 9,9 млн. евро. Соответственно, рентабельность по чистой прибыли, хотя и несколько улучшилась (-24 % в 2021 г. по сравнению с -43 % в 2020 г.), тем не менее, остается сильно отрицательной. Среди стран Балтийского моря особенно высокие убытки генерируют региональные рыболовные флоты Германии, Дании и Швеции. Продолжает сокращаться количество рыбаков, занятых на промысле на Балтике, особенно в сегменте SSCF (малый флот прибрежного лова), на долю которого в 2021 году приходилось 92 % судов, в то время как в этом сегменте балтийского рыболовства было занято только 62 % от общего числа работников. Это, по мнению авторов отчета STECF, указывает на преимущественно неполный характер занятости и является явным признаком проблем в отрасли. В 2021 году штатная численность рыбаков продолжила тенденцию к сокращению (-10 % к предыдущему году) и достигла минимального уровня с 2008 года. Всего же с 2013 по 2021 г. общая занятость в балтийском рыболовстве ЕС уменьшилась на 25 %. В то же время, сокращение числа работников не переломило существующую в течение нескольких последних лет негативную

тенденцию снижения уровня финансовой отдачи от их труда. Показатель производительности труда в 2021 году, по сравнению с 2020 годом, уменьшился на 26 % в сегменте SSCF и на 21 % в сегменте LSF балтийского рыболовства ЕС [16].

Устойчивое ухудшение экономических показателей рыболовства является причиной роста общественных издержек и негативно отражается на благосостоянии населения стран Балтийского моря. Так, по оценке шведских ученых, деятельность национального промышленного рыболовства на Балтике приводит к чистым общественным затратам в размере 626 млн. шведских крон в год. Эта сумма складывается из предоставленных рыбакам субсидий, различного рода административных расходов, а также недополученных налогов вследствие нерационального использования общественных и частных финансовых ресурсов. Расчеты показали, что только за счет сокращения субсидий на рыболовство станет возможным высвободить и перераспределить на другие, более важные для общества нужды от 70 до 165 млн. шведских крон в год [17]. Следует отметить, что данное исследование не принимало в расчет увеличение экономической ценности различных неявных благ, обусловленных улучшением состояния окружающей среды, частью которой являются рыбные ресурсы, эффекты от них выражаются как в росте выгод от других видов экономической деятельности, в частности, туризма и рекреации, так и в иных непосредственно не монетизируемых формах, например, в улучшении здоровья и повышении качества жизни людей [18]. Очевидно, что учет этих скрытых эффектов приведет к увеличению издержек, которые вынуждено платить общество, продолжая поддерживать практику чрезмерного рыболовства.

Российское рыболовство на Балтике, хотя и демонстрирует лучшие, по сравнению с европейским региональным рыболовством, показатели, тем не менее, также испытывает на себе возрастающее влияние фактора ограниченности сырьевой базы¹. К сожалению, в открытом доступе отсутствует полноценный набор данных и аналитической информации, характеризующих производственно-финансовые и социальные результаты деятельности рыболовства в РФ, аналогичный материалам, содержащимся в отчетах STECF. Поэтому, чтобы оценить весь комплекс социально-экономических последствий от фактического и ожидаемого сокращения сырьевой базы российского рыболовства в регионе Балтийского моря, необходимо выполнить довольно трудоемкую и сложную работу по сбору, обработке, верификации, согласованию и анализу информации, полученной из разных первичных источников. Такими источниками, в случае предварительной оценки, могут служить общедоступные базы данных Федеральной налоговой службы, Росстата и Росрыболовства, содержащие информацию об имущественном состоянии и финансовых

¹ До последнего времени угнетающее действие этого фактора довольно успешно нивелировалось разными административными мерами, прямо и косвенно стимулирующими добычу.

результатах деятельности предприятий–рыбопользователей, а также предоставляющие сведения, дающие представление о некоторых производственно-экономических аспектах работы отрасли.

Согласно данным территориального органа Росстата по Калининградской области, в последние годы рыбным промыслом в Балтийском море, Калининградском и Куршском заливах занимались около 30 малых предприятий (в 2023 г. – 26), на которых было занято от 450 до 540 работников (рисунок 2). Оборот этих предприятий по виду деятельности "Рыболовство, рыбоводство" в фактических ценах за 2017–2023 гг. вырос почти в 2 раза и достиг 2,7 млрд. руб. Хотя и не столь внушительно, но также выросла и реальная выручка предприятий (в 1,7 раза)¹ (рисунок 3). Сопоставление динамики этого показателя с объемами добычи (рисунок 1) подтверждает вывод, сделанный в наших предыдущих исследованиях, о том, что данный рост был во многом обеспечен довольно резким (на фоне стагнации 2016-2020 гг.) скачком цен на все виды рыбопродуктов в регионе в 2021–2022 гг. [19].

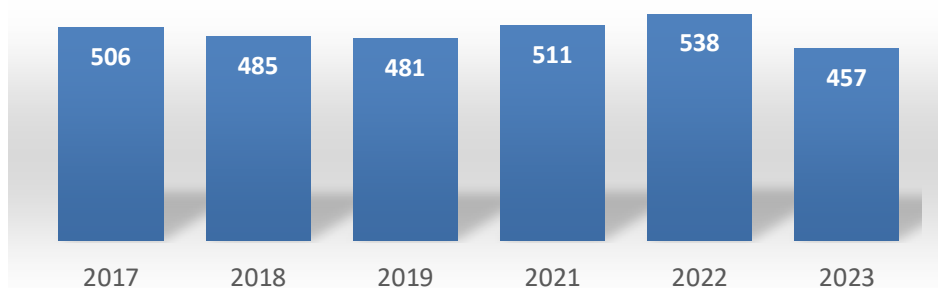

Рисунок 2 – Средняя численность работников калининградских предприятий, ведущих промысел в Балтийском море и заливах, чел.

Figure 2 – Average number of employees of Kaliningrad enterprises engaged in fishing in the Baltic Sea and bays, people

Источник: Калининградстат.

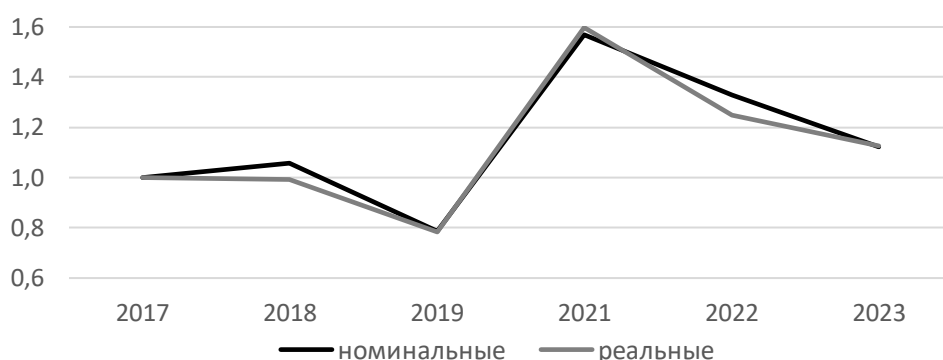

Рисунок 3 – Темпы роста оборота малых предприятий Калининградской области по виду экономической деятельности "Рыболовство, рыбоводство"

Figure 3 – Growth rates of turnover of small enterprises of the Kaliningrad region by type of economic activity "Fishing, fish farming"

Рассчитано по: Калининградстат.

¹ В качестве индекса-дефлятора при расчете реальной выручки использованы годовые значения индекса цен производителей сельскохозяйственной продукции в Калининградской области.

Высокая волатильность выручки и численности работников обусловила сильные колебания уровня производительности труда¹ (рисунок 4) на фоне его роста за период с 2017 по 2023 г. на 11 %. При этом изменение данного показателя носило запаздывающий (с лагом в 1–2 года) по отношению к изменению выручки характер и, вероятно, в основном было обусловлено гибкой кадровой политикой рыболовцевских предприятий, оперативно реагирующих на изменение рыночной конъюнктуры и условия ведения бизнеса².

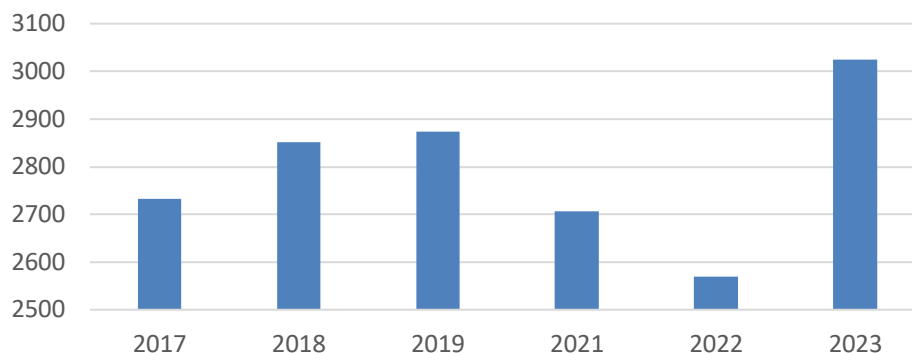

Рисунок 4 – Производительность труда в калининградском малом бизнесе по виду деятельности "Рыболовство, рыбоводство", тыс. руб./чел.

Figure 4 – Labor productivity in Kaliningrad small businesses by type of activity "Fishing, fish farming", thousand rubles/person

Рассчитано по: Калининградстат.

Общедоступными стандартными индикаторами экономической эффективности деятельности коммерческих предприятий являются показатели рентабельности продаж и активов. Значения этих показателей для различных сегментов регионального рыболовства в РФ раскрываются Росстатом (сайт ЕМИСС). В частности, ведомством предлагаются соответствующие показатели для вылова рыбы и водных биоресурсов в открытых районах Мирового океана и внутренних морских водах сельскохозяйственными товаропроизводителями за 2004–2015 гг., а также для морского промышленного и прибрежного рыболовства за 2020–2023 гг. в региональном разрезе, позволяющие приблизительно оценить успешность работы российского сегмента балтийского рыболовства. Согласно этим данным, рентабельность продаж рыболовцевских предприятий–сельхозпроизводителей в Калининградской области в 2010–2015 гг. составляла 8 % в среднем в год, рентабельность активов – 13 %. Эти же показатели за 2020–2023 гг. по виду деятельности "Морское промышленное рыболовство" у калининградских предприятий составляли 35 % и 22 %, соответственно, а по виду деятельности "Морское прибрежное рыболовство" – 0 % и 12 % [20].

¹В данном случае используется стоимостной эквивалент показателя, величина которого рассчитывается как отношение годового оборота к среднегодовой численности работников.

² Отметим, что данное утверждение требует дополнительной проверки.

Некоторые сомнения вызывает чрезвычайно высокая волатильность значений показателей рентабельности, раскрываемых органом Госстатистики. Для проверки была выполнена их альтернативная оценка на основе данных финансовой отчетности ведущих российских компаний, занимающихся промышленным рыболовством мелкосельдевых рыб в Балтийском море. В проверочных расчетах использована информация за 2018–2023 гг., содержащаяся в общедоступной базе данных ФНС (Государственный информационный ресурс финансовой (бухгалтерской) отчетности) об активах и деятельности компаний ООО "За Родину-Балтика", ООО "Марфиш", ООО "Морская фирма "Сталактит", ООО "Петротрал", СПК "Петротрал 2", на долю которых приходилось 67 % российских квот на вылов сельди и 69 % квот на вылов шпрота в акваториях Балтийского моря и заливов в 2023 году.

Результаты проверки в целом подтверждают информацию Росстата. Так, рентабельность продаж ведущих калининградских рыбопромысловых компаний на Балтике в 2018–2023 гг. в среднем составляла 18 % в год, рентабельность активов – 13 % в год. Аналогичные показатели двух основных региональных рыбодобывающих предприятий из Ленинградской области в среднем за 5 лет составляли 35 % и 15 % в год, соответственно. На рисунке 5 приведены агрегированные данные о рентабельности пяти ведущих российских предприятий, занимающихся промыслом мелкосельдевых рыб в Балтийском море.

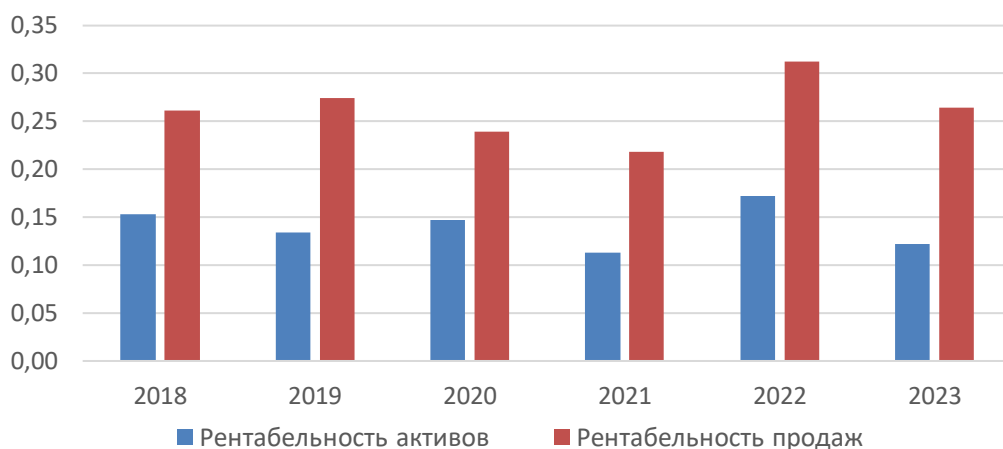

Рисунок 5 – Показатели рентабельности продаж и рентабельности активов, средние расчетные значения по 5 основным компаниям, ведущим промысел в Балтийском море

Figure 5 – Return on sales and return on assets indicators, average calculated values for 5 main companies operating in the Baltic Sea

Рассчитано по: ФНС России [21].

На рисунке 5 прослеживается тенденция некоторого снижения рентабельности, нарушенная в 2022 году, но затем восстановившаяся. Эта тенденция особенно заметна в деятельности предприятий Ленинградской области, которые, в отличие от своих калининградских коллег, в последние годы активно инвестировали в обновление рыбопромыслового флота (показатель

рентабельности активов у них в 2023 году уменьшился по сравнению с 2018 годом в 4 раза, в то время как у мало инвестирующих калининградских компаний, напротив, вырос в 7 раз). Однако главной, на наш взгляд, причиной снижения рентабельности является сокращение промышленной базы, во многом обусловившее уменьшение прибыли рыбодобывающих предприятий. Так, судя по данным ФНС, средние за 2018–2023 гг. темпы роста чистой прибыли пяти ведущих российских рыбопромышленных компаний на Балтике не превышали 0,3 % в год, причем в 2023 году, по сравнению с предыдущим годом, совокупная прибыль этих компаний сократилась почти в 2 раза.

Особенно проблематичная ситуация складывается в Центральной Балтике – зоне промысла компаний, базирующихся в портах Калининградской области. По данным Западно-Балтийского территориального управления Росрыболовства, выделенные калининградским рыбакам на 2023 год квоты на вылов рыбы в целом были освоены только на 78 %, причем по отдельным видам рыб (треска, салака) уровень освоения квот составил 53-63 %. Очевидно, что столь сильное снижение добычи не могло не отразиться на финансовых показателях и неизбежно негативно повлияло на цены и другие показатели доступности продукции отрасли. Хотя некоторые эксперты считают, что основаниями текущего спада добычи стали издержки таможенного законодательства, препятствующего использованию судов, зарегистрированных в Калининградской ОЭЗ на промысле за пределами территориальных вод РФ, а также другие события и причины, не связанные с состоянием рыбных ресурсов [22], эти факторы сами по себе не способны оказывать устойчивое влияние на производственно-финансовые показатели отрасли. Как отмечалось выше, стагнация, а затем и падение добычи отечественными рыбаками обуславливается комплексом причин, среди которых ведущую роль играет ухудшение состояния рыбных запасов в регионе Центральной Балтики. Признание данного факта должно стать предпосылкой для фундаментального пересмотра существующей политики управления рыболовством, наиболее вероятным исходом которой, в случае ее продолжения, станет уничтожение последних оставшихся в Балтийском море относительно крупных популяций рыбы.

Заключение

Деградация рыбных ресурсов Балтийского моря, оказывающая существенное влияние на региональное рыболовство, имеет многогранные причины. Среди них немаловажную роль играют серьезные изъяны в сложившейся практике установления допустимых размеров вылова рыбы, приводящие к чрезмерно высокой нагрузке на рыбные ресурсы. Несмотря на многолетнюю историю применения механизма квотирования, многие его составляющие по-прежнему далеки от совершенства. В частности, предваряющая принятие решений об установлении квот научная оценка запасов

часто базируется на неполных и неточных данных о состоянии рыбных ресурсов и деятельности рыболовства и, как правило, опирается на узкоотраслевой подход (концепция MSY), не способный учитывать многие важные аспекты и последствия. Кроме того, итоговое политическое решение о допустимых объемах добычи обычно принимается не на основании хотя и несовершенных, но, тем не менее, имеющих некое научное обоснование выводов и рекомендаций, а, главным образом, исходя из субъективных, конъюнктурных и сиюминутных интересов отдельных, наиболее влиятельных на текущий момент стейкхолдеров. Результатом такой политики становится хронический перелов рыбы, приводящий к катастрофическому сокращению ее запасов и, в конечном итоге, к необратимым изменениям в природной среде. Доминирование в рыболовной политике краткосрочных производственных, экономических или социальных целей, для достижения которых используются все доступные на текущий момент ресурсы, вступает в явное противоречие с принципами устойчивого развития, наиболее полно отражающими долгосрочные интересы общества.

Единственно разумной альтернативой существующей политике является переход всех стран, ведущих рыбный промысел в Балтийском море, к модели эколого-ориентированного рыболовства, в максимальной степени учитывающей специфику региона. В основе этой модели лежит предосторожный подход к хозяйственному использованию всех без исключения природных ресурсов, а ее жизнеспособность подтверждается мировой практикой рыболовства, в которой имеется ряд успешных примеров восстановления и последующей стабилизации рыбных запасов после введения строгих ограничений на вылов, вплоть до временного полного запрета (такими примерами, в частности, могут служить решения по управлению промыслом трески на севере Норвегии и у восточного побережья Канады, хека у побережья Южной Африки, результатами которых стало повышение устойчивости регионального рыболовства). В рамках предлагаемого подхода кратковременную потерю рыбаками и потребителями выгод из-за вынужденного сокращения уловов следует интерпретировать как инвестиции в увеличение запасов и последующий рост добычи, доходов, а также получение других позитивных эффектов. Мы также полагаем, что ключом к решению многих проблем балтийского рыболовства может стать полноценная реализация концепции т. н. "синей экономики", означающей переход от традиционного узкоотраслевого подхода управления к экосистемному, опирающемуся на консолидацию усилий всех стран региона Балтийского моря, путем скоординированного использования таких инструментов эколого-ориентированной экономической политики как интегрированное управление прибрежными зонами, морское пространственное планирование, создание защищенных морских территорий, в том числе, носящих трансграничный характер. Ясное понимание и учет всей совокупности сложных взаимосвязей между экономической активностью, ее антропогенным воздействием,

процессами изменения климата и состоянием экосистем имеет решающее значение для обеспечения устойчивого использования прибрежных и морских ресурсов Балтики в интересах нынешнего и будущих поколений населяющих ее берега народов.

Список источников

1. Almesjö L., Limén H. Fiskpopulatio neris venskavatten Hurrpåver kasdeavfiske, övergödning ochmiljögifter? Riksdagstryckeriet, Stockholm, 2008. 86 p.
2. Selected Writings of Sidney J. Holt: Documenting A Lifelong Pursuit of Sustainable and Profitable Fishing. Edited by E. Anderson and M. Earle. AFS. 650 p.
3. Baltic Sea Brief 56: Major risks when deciding on fishing quotas. BalticWaters. 9 May 2023. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/en/baltic-sea-letter-56/>
4. Vetens kapligarek ommendation erochbeslutade kvoter. Baltic Waters. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/faktabanken/vetenskapliga-rekommendationer-och-beslutade-kvoter/>
5. Бандурин К. В., Амосова В. М., Голубкова Т. А., Архипов А. Г. Состояние и эксплуатация запасов промысловых видов рыб российской части Балтийского моря, Куршского, Калининградского и Финского заливов // Труды ВНИРО. 2024. Т. 195. С. 24–34.
6. ICES Advice 2023Collection. ICES. 2023.
7. Fishing opportunities for 2024 in the Baltic Sea. Brussels, 28.08.2023. Доступно по адресу: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_23_4287/IP_23_4287_EN.pdf
8. Карпушевский И. В., Голубкова Т. А., Архипов А. Г. Сырьевые ресурсы Балтийского моря и его заливов // Вопросы рыболовства. 2015. Т. 16, № 3. С. 278–292.
9. Харин А. Г., Усанов А. Н. Исследование факторов инвестиционной активности в российском рыбном хозяйстве // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, вып. 2. С. 322–346.
10. Квоты на вылов балтийской сельди предлагают сократить вдвое // Корабел.ру. 09.06.2023. Доступно по адресу: <https://www.korabel.ru/news/comments/>
11. Report of the Baltic fisheries assessment working group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2021. 3:53. 717 p. DOI: 10.17895/ices.pub.8187.
12. Forskare om kvotförslaget: Fisketbordes tängashelt. Stockholms universitets Östersjöcentrum. 01.06.2023. Доступно по адресу: <https://www.su.se/stockholms-universitets-ostersjocentrum/nyheter/forskare-om-kvotf%C3%B6rslaget-fisket-bordest%C3%A4ngas-helt-1.659073>

13. Commission proposal fishing opportunities Baltic Sea 2024. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/qanda_23_4288/QANDA_23_4288_EN.pdf
14. Baltic Fisheries Assessment Working Group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2022;4(44):659.
15. Saarni K., Setälä J., Niukko J. Kalamark kinakatsaus 2023 (Обзор рыбного рынка - 2023). Luke. Luonnonvara – ja biotalouden tutkimus 43/2023. Доступно по адресу: https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/553302/Luke-luobio_43_2023.pdf?sequence=1&isAllowed=y
16. Prellezo R., Sabatella E., Virtanen J., Tardy Martorell M., Guillen J. The Annual Economic Report on the EU Fishing Fleet (STECF 23-07). Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023.
17. Fölster S., Humborg C., Larsson P., Svedäng H. En vision för Östersjöns fiske. Baltic Sea 2020. Доступно по адресу: https://balticsea2020.org/images/Bilagor/bs2020_vision_for_ostersjons_fiske_screen_2020.pdf
18. Харин А. Г. Исследование предпосылок и возможностей для формирования единого ценностно-ориентированного подхода к управлению бизнесом // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 42 (297). С. 26–32.
19. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Исследование доступности рыбопродуктов в Калининградской области: ценовой аспект // Вестник Керченского гос. морского технол. ун-та. 2023. № 1. С. 173–185.
20. Показатели, характеризующие имущественное и финансовое положение организаций. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <https://www.fedstat.ru/organizations/>
21. Государственный информационный ресурс финансовой (бухгалтерской) отчетности. ФНС России. Доступно по адресу: <https://bo.nalog.ru/>
22. Гонтарь Д. Почему в минувшем году калининградские рыбаки не выбрали квоты на вылов рыбы // Российская газета – Экономика Северо-Запада. 2024. № 31(9273).

Refereces

1. Almesjö L., Limén H. Fisk population erisvenskavatten Hur påverkas de av fiske, övergödning och miljögifter? Riksdags tryckeriet, Stockholm, 2008. 86 p.
2. Selected Writings of Sidney J. Holt: Documenting A Lifelong Pursuit of Sustainable and Profitable Fishing. Edited by E. Anderson and M. Earle. AFS. 650 p.

3. Baltic Sea Brief 56: Major risks when deciding on fishing quotas. BalticWaters. 9 May 2023. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/en/baltic-sea-letter-56/>
4. Vetenskapligare commendation eroch beslutade kvoter. Baltic Waters. URL: <https://balticwaters.org/faktabanken/vetenskapliga-rekommendationer-och-beslutade-kvoter/>
5. Bandurin K. V., Amosova V. M., Golubkova T. A., Arkhipov A. G. Status and exploitation of commercial fish stocks in the Russian part of the Baltic Sea, the Curonian, Kaliningrad and Finnish Gulfs // Trudy VNIRO. 2024;195:24-34. (In Russ.).
6. ICES Advice 2023 Collection. ICES. 2023.
7. Fishing opportunities for 2024 in the Baltic Sea. Brussels, 28.08.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_23_4287/IP_23_4287_EN.pdf
8. Karpushevskiy I. V., Golubkova T. A., Arkhipov A. G. Raw materials resources of the Baltic Sea and its bays. // Fishery issues. 2015;16,3:278-292. (In Russ.).
9. Kharin A. G., Usanov A. N. Study of investment activity factors in the Russian fisheries industry // Finance and Credit. 2022;28,2:322-346. (In Russ.).
10. It is proposed to halve the quotas for catching Baltic herring. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/kvoty_na_vylov_baltiyskoy_seldi_predlagayut_sokratit_vdvoe.html
11. Report of the Baltic fisheries assessment working group (WGBFAS). 2021. ICES Scientific Reports. 3:53. 717 p.
12. Forskare om kvotförslaget: Fisketbordes tängas helt. Stockholms universitets Östersjöcentrum. 01.06.2023. URL: <https://www.su.se/stockholms-universitets-ostersjocentrum/nyheter/forskare-om-kvotf%C3%B6rslaget-fisket-bordest%C3%A4ngas-helt-1.659073>
13. Commission proposal fishing opportunities Baltic Sea 2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/qanda_23_4288/QANDA_23_4288_EN.pdf
14. Baltic Fisheries Assessment Working Group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2022. No. 4 (44). 659 pp. DOI: 10.17895/ices.pub.19793014
15. Saarni K., Setälä J., Niukko J. Kalamark kinakatsaus 2023. Luke. Luonnonvara - ja biota loudentut kimus 43/2023. URL: https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/553302/Luke-luobio_43_2023.pdf?sequence=1&isAllowed=y
16. Prellezo R., Sabatella E., Virtanen J., Tardy Martorell M., Guillen J. The 2023 Annual Economic Report on the EU Fishing Fleet (STECF 23-07). Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023.

17. Fölster S., Humborg C., Larsson P., Svedäng H. En vision för Östersjönsfiske. Baltic Sea 2020. URL: https://balticsea2020.org/images/Bilagor/BS2020_VISION_FOR_OSTERSJONS_FISKE_SCREEN_2020.pdf

18. Kharin A. G. Research of prerequisites and possibilities for formation of a unified value-oriented approach to business management // Economic analysis: theory and practice. 2012;42(297):26-32. (In Russ.).

19. Mnatsakanyan A. G., Kharin A. G. Study of availability of fish products in Kaliningrad region: price aspect // Bulletin of Kerch State Marine Technological University. 2023;1:173-185. (In Russ.).

20. Indicators characterizing the property and financial position of organizations. EMISS [Electronic resource]. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/>

21. State information resource of financial (accounting) reporting. Federal Tax Service of Russia. URL: <https://bo.nalog.ru/> (In Russ.).

22. Gontar D. Why last year Kaliningrad fishermen did not choose quotas for fishing // Rossiyskaya Gazeta – Economy of the North-West]. 2024;31(9273). URL: <https://rg.ru/2024/02/13/reg-szfo/pochemu-v-minuvshem-godu-kaliningradskie-rybaki-ne-vybrali-kvoty-na-vylov-ryby.html> (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

Information about the author

A. G. Harin – Candidate of economic sciences, Associate professor of INOTECU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 16.08.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 16.08.2024.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 135-151.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3(47). P. 135-151.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 334.021

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-135-151

Инновационное развитие стран Африки в контексте сотрудничества с Россией

Виктория Вячеславовна Дорофеева

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

viktoriya.dorofeeva@klgtu.ru

Аннотация. В статье определены значение и важность инновационного развития для устойчивого экономического роста и социального прогресса стран Африки. На основе исследования Глобального инновационного индекса сделан вывод о существовании системных проблем в инновационном развитии африканских стран. Показано, что глобальный инновационный ландшафт меняется, но отставание Африки от других регионов мира налицо. Между тем, страны Африки имеют значительный потенциал для реализации инноваций, который может быть раскрыт посредством партнерства с Россией. Сотрудничество России и стран Африки в инновационной сфере представлено в ракурсе исторической ретроспективы.

Проанализированы актуальные направления инновационного развития стран Африки. Представлены примеры отдельных проектов и программ в области науки, технологий и инноваций, реализуемых Россией совместно со странами Африки в настоящее время. Сделан вывод о том, что сотрудничество предоставляет уникальные возможности для обмена опытом, передачи знаний и внедрения новых технологий. Указано, что для дальнейшего прогресса необходимо развитие сотрудничества в области инноваций и создание новых проектов, основанных на передовых технологиях и научном подходе.

Выделены проблемы и вызовы для инновационного сотрудничества между Россией и странами Африканского континента. Определены перспективы и сформулированы рекомендации по дальнейшему взаимодействию между Россией и странами Африки в инновационной сфере. Сделан вывод о том, что у российско-африканского партнерства в сфере инновационного сотрудничества есть хорошие перспективы.

Ключевые слова: Африка, Россия, инновации, сотрудничество, инновационное развитие, Глобальный инновационный индекс

Для цитирования: Дорофеева В. В. Инновационное развитие стран Африки в контексте сотрудничества с Россией // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 135-151. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-135-151>

Innovative development of African countries in the context of cooperation with Russia

Viktoriya V. Dorofeeva

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

viktoriya.dorofeeva@klgtu.ru

Abstract. The article defines the importance and importance of innovative development for sustainable economic growth and social progress in African countries. Based on the study of the Global Innovation Index, it is concluded that there are systemic problems in the innovative development of African countries. It is shown that the global innovation landscape is changing, but Africa is lagging behind other regions of the world. Meanwhile, African countries have significant potential for innovation, which can be unlocked through partnership with Russia. Cooperation between Russia and African countries in the field of innovation is presented from the perspective of a historical retrospective.

The current directions of innovative development of African countries are analyzed. The examples of individual projects and programs in the field of science, technology and innovation currently being implemented by Russia together with African countries are presented. It is concluded that cooperation provides unique opportunities for the exchange of experience, knowledge transfer and the introduction of new technologies. It is indicated that further progress requires the development of cooperation in the field of innovation and the creation of new projects based on advanced technologies and a scientific approach.

The problems and challenges for innovative cooperation between Russia and the countries of the African continent are highlighted. Prospects have been identified and recommendations have been formulated for further cooperation between Russia and African countries in the field of innovation. It is concluded that the Russian-African partnership in the field of innovative cooperation has good prospects.

Keywords: Africa, Russia, innovation, cooperation, innovative development, Global Innovation Index

For citation: Dorofeeva V. V. Innovative development of African countries in the context of cooperation with Russia // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):135-151. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-135-151> (In Russ.).

Введение в проблематику

Африка представляет собой континент с существенным потенциалом для инновационного развития. В последние годы страны Африки активно стремятся к привлечению инвестиций, технологическим и научным разработкам для улучшения состояния экономики и повышения уровня жизни населения. В этом процессе Россия выступала и выступает важным партнером и поставщиком инновационных решений.

Африка обладает значительными природными ресурсами, а также огромным потенциалом в области человеческого капитала. Страны континента располагают богатыми запасами нефти, газа, минеральных руд и других ценных

материалов, что создает благоприятную основу для развития инноваций в области добычи и переработки природных ресурсов. Кроме того, по оценкам CAPMAS, на Африканском континенте проживает молодая и динамичная популяция, которая к 2050 году увеличится на 1,1 млрд. человек и достигнет четверти мирового населения. По прогнозу Форума стран-экспортеров газа, к 2050 г. доля городского населения Африки возрастет более чем вдвое (до 60 %), что является важным фактором для развития информационных технологий и коммуникаций [1].

В последние годы страны Африки проявляют все больший интерес к инновациям, осознавая всю значимость инновационного развития для устойчивого экономического роста и социального прогресса. До недавнего времени Африка ассоциировалась скорее с такими проблемами, как бедность, неразвитая инфраструктура и политическая нестабильность. Однако, благодаря активным усилиям правительств и международных организаций, на континенте начался процесс трансформации, открывающий новые возможности для инновационного развития.

Согласно данным Всемирного банка за 2022 год, совокупный ВВП стран Африки достиг 2,7 трлн. долл. Однако большая часть ВВП приходится на сырьевую сферу – добычу нефти, газа и минеральных ресурсов [2]. Именно поэтому инновационное развитие стало особенно актуальной задачей для правительств стран Африки, осознающих чрезвычайно важную роль инноваций как средства содействия экономическому росту и конкурентоспособности.

Материалы и методы

Цель данного исследования состоит в анализе и осмыслении возможных направлений и способов интенсификации взаимовыгодного сотрудничества России со странами Африки в инновационной сфере. Основные выводы и рекомендации были получены на основе использования научных методов анализа и синтеза, обобщения, исторической методологии, структурного функционализма.

Рассуждая в целом об уровне инновационного развития стран, предельно важным представляется исследование показателей такого развития. При этом стоит обратиться к Глобальному инновационному индексу (ГИИ) – ежегодному рейтингу стран по их способности к инновациям и успеху в них, публикуемому Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

Индекс ранжирует 132 экономики по эффективности их инновационных систем и рассчитывается на основе 81 показателя из международных государственных и частных источников [3].

В таблице 1 представлены позиции африканских стран в рейтинге ГИИ-2022.

Таблица 1 – Рейтинг Глобального инновационного индекса-2022 африканских стран

Table 1 – Rating of the Global Innovation Index-2022 African countries

Топ-80	Топ-100	Топ-120	Прочие
45 Маврикий	86 Ботсвана	103 Объединенная Республика Танзания	121 Камерун
61 ЮАР	88 Кения	105 Руанда	122 Того
	95 Гана	106 Мадагаскар	123 Мозамбик
	96 Намибия	107 Зимбабве	124 Бенин
	99 Сенегал	109 Кот-д'Ивуар	125 Нигер
		114 Нигерия	126 Мали
		117 Эфиопия	127 Ангола
		118 Замбия	128 Йемен
		119 Уганда	129 Мавритания
	120 Буркина-Фасо	130 Бурунди	
	132 Гвинея		

Источник: база данных Глобального инновационного индекса, ВОИС, 2022 г. [3].

В число 80 ведущих инновационных экономик Африки вошли только Маврикий (45-е место) и ЮАР (61-е место). Еще пять экономик региона в этом году оказались среди 100 лидеров: это Ботсвана (86-е место), Кения (88-е место), Гана (95-е место), Намибия (96-е место) и Сенегал (99-е место). В рейтинге поднялись 16 стран: самых значительных улучшений добились Маврикий, Ботсвана, Гана, Сенегал, Зимбабве (107-е место), Эфиопия (117-е место) и Ангола (127-е место). В 2022 году благодаря повышению доступности данных, в рейтинге вновь присутствует Бурунди (130-е место), в 2019 году страна занимала в ГИИ 128-е место. Мавритания фигурирует в ГИИ впервые, на 129-м месте. Маврикий занял лучшие позиции в регионе по позициям "институты" (22-е место), "инфраструктура" (70-е место), "уровень развития рынка" (16-е место) и "результаты творческой деятельности" (31-е место). Страна является мировым лидером в категории "венчурные сделки" (1-е место) и демонстрирует очень хорошие результаты по показателям "товарные знаки" (15-е место), "импорт услуг ИКТ" (20-е место) и "новые предприятия" (20-е место). Ботсвана доминирует по позиции "человеческий капитал и исследования" (51-е место) и преуспевает в категориях "расходы на образование" (2-е место), "новые предприятия" (4-е место), "займы в микрофинансовых учреждениях" (15-е место) и "платежи за интеллектуальную собственность" (22-е место). Намибия является мировым лидером по расходам на образование (1-е место), и ее результаты по позиции "человеческий капитал и исследования" значительно опережают средние по региону. ЮАР возглавляет регион по уровню развития бизнеса (63-е место) и результатам в области знаний и технологий (56-е место) [3].

Столь скромные позиции стран Африки в рейтинге ГИИ свидетельствуют о существовании системных проблем в инновационном развитии. Особенно

остро проявляются данные проблемы в группе странах с низким уровнем дохода (таблица 2).

Таблица 2 – Глобальный инновационный индекс-2022 десяти африканских стран-лидеров в группе экономик с низким уровнем дохода
Table 2 – The Global Innovation Index-2022 of the ten leading African countries in the group of low-income economies

№ п/п	Страна	Рейтинг
1	Руанда	105
2	Мадагаскар	106
3	Эфиопия	117
4	Уганда	119
5	Буркина-Фасо	120
6	Того	122
7	Мозамбик	123
8	Нигер	125
9	Мали	126
10	Йемен	128

Источник: база данных Глобального инновационного индекса, ВОИС, 2022 г. [3].

Одним из показателей инновационного развития является уровень вложений в научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Его величина отражает количество денежных средств, выделяемых государством и частными компаниями на поддержку НИОКР. В этом контексте можно отметить, что многие африканские страны испытывают недостаток финансирования для осуществления инноваций. По данным Статистического института ЮНЕСКО, общий объем государственных расходов на НИОКР в подавляющем большинстве африканских стран составляет менее 1 % от ВВП, тогда как в развитых странах этот показатель превышает 2 % [4]. Важным показателем инновационного развития является также количество патентов, выданных в стране. Согласно отчету Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в целом, африканские страны имеют низкий уровень патентной активности, по сравнению с другими регионами мира. Например, в 2019 году на всей территории Африки было зарегистрировано всего около 1 % от общего числа патентов, полученных в мире [5].

Отдельно стоит выделить уровень использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По данным Международного союза электросвязи (МСЭ), в 2019 году Африка имела самый низкий уровень покрытия широкополосным Интернетом (менее 30 %), по сравнению с другими регионами мира. Однако в последние годы происходит быстрый рост использования мобильных телефонов и сетей передачи данных, что создает новые возможности для развития ИКТ-инноваций [6].

Кроме того, следует учитывать уровень сотрудничества между университетами, научными институтами и предприятиями. Эффективное

взаимодействие между этими субъектами способствует передаче знаний и технологий, а также коммерциализации научных разработок. Важно отметить, что некоторые африканские страны уже достигли определенных результатов в этой области. Например, Руанда очень активно развивает свою инновационную экосистему, поощряя сотрудничество между государством, бизнесом и академическим сообществом [7].

Еще одним значимым показателем является уровень доступа к финансированию для инноваций. Очевидно, что финансовые ресурсы играют ключевую роль в деле поддержки инноваций и коммерциализации научных разработок. Однако многие африканские страны сталкиваются с проблемой доступа к необходимым финансовым ресурсам для развития своих инновационных проектов. Исследования ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) свидетельствуют, что доступ к финансированию остается одной из главных преград для роста инноваций в Африке [8].

Между тем, африканские экономики обладают уникальными активами для устранения дефицита устойчивого финансирования континента:

- По существующим прогнозам, реальный рост ВВП составит 3,8 % в 2024 году и 4,2 % в 2025 году, что является вторым по величине показателем в мире после развивающихся стран Азии (5 %). Рост оценивается в 4,9 % в Восточной Африке, 4,3 % в Центральной Африке, 4 % в Северной Африке, 3,8 % в Западной Африке и 1,4 % в Южной Африке [9].

- Доля африканской молодежи, получающей высшее образование, может достичь 34 % к 2040 году, по сравнению с 23 % в 2020 году и 18 % в 2010 году [10].

В Африке проживает самое молодое население в мире, средний возраст которого составляет 19 лет, по сравнению с 30-ю годами в Латинской Америке и Карибском бассейне, 31 год в развивающейся Азии и 42 года в Европе.

- Природные ресурсы представляют собой ключевые активы для экономики африканских стран. На природный капитал приходится 19 % от общего богатства Африки, по сравнению с 7 % в Латинской Америке и Карибском бассейне и 3 % в развивающейся Азии [11].

- Внутренние финансовые ресурсы Африки обладают большим потенциалом для устойчивого инновационного развития. Активы африканских институциональных инвесторов составили 1,8 трлн. долл. США в 2021 году [12].

Вместе с тем, несмотря на существенный потенциал, глобальные кризисы влияют на инвестиции в Африке сильнее, чем в других регионах. Средний уровень инфляции на континенте достиг 15,5 % в 2023 году – самого высокого уровня за 27 лет, с пиками выше 15 % в 11 африканских странах [13].

По состоянию на июль 2023 года 8 африканских стран находились в тяжелом долговом положении (из 9 стран мира), а 13 подвергались высокому риску долгового кризиса (из 27 стран мира). Доля Африки в глобальных прямых

иностранных инвестициях в инновационные проекты в последние годы имеет тенденцию к сокращению до 6 % в 2021–2022 годах (самая низкая доля за 17 лет).

Стоимость капитала в Африке выше, чем в других регионах мира, что вытесняет правительства некоторых африканских стран с рынков облигаций и препятствует инвестициям в трансформационные секторы, такие, как, например, возобновляемые источники энергии. В 2021 году средняя стоимость капитала для энергетических проектов в Африке была примерно в семь раз выше, чем в Европе и Северной Америке [14].

Хотя опытные инвесторы получают более высокую среднюю доходность в Африке, чем в других регионах мира, отсутствие надежной информации является также важным препятствием для новых инвестиций.

Важно отметить, что глобальный инновационный ландшафт меняется, но отставание Африки от других регионов мира налицо. Краткосрочное и долгосрочное воздействие текущей геополитической нестабильности, ужесточение денежно-кредитной политики, а также последствия потрясений в глобальных цепочках поставок и инновационных сетях для зарождающихся инновационных систем требует от правительств африканских стран неотложного внимания.

Чтобы повысить устойчивость к внешним потрясениям и укрепить доверие инвесторов, африканским политикам необходимо налаживание тесного сотрудничества с международными партнерами, в том числе с Российской Федерацией.

История сотрудничества России и стран Африки в инновационной сфере

Сотрудничество России и стран Африки в инновационной сфере имеет славную историю, начавшуюся еще со времен Советского Союза. После получения многими африканскими странами независимости наша страна активно поддерживала их развитие. Советский Союз наладил широкие связи с 35-ю африканскими странами. Основными партнерами СССР на континенте были Ангола, Гвинея, Египет, Марокко, Ливия, Эфиопия, Нигерия.

В рамках программы технической помощи были созданы многочисленные научно-исследовательские центры, предназначенные для разработки новых технологий и научных достижений. Отечественные специалисты предоставляли консультации и образовательные программы, способствуя повышению квалификации местных ученых. В странах Африки было подготовлено порядка 500 тысяч специалистов и квалифицированных рабочих, создано более 100 учебных заведений. Более 40 тысяч африканцев получили дипломы о высшем и среднем специальном образовании в нашей стране [15].

В течение многих десятилетий наша страна активно поддерживала развитие и реализацию научно-технических проектов в странах Африки, предоставляя финансовую помощь, передавая передовые технологии. В качестве

наиболее ярких примеров можно назвать создание Асуанского гидроэнергетического узла в Египте, мощнейшего металлургического комбината в Аннабе (Алжир), крупнейшего бокситодобывающего комплекса в г. Киндиа (Гвинея).

Особое внимание Россия уделяла сельскому хозяйству и пищевой промышленности Африки. Сотрудничество в этой сфере оказало значительное положительное влияние на экономическое развитие стран континента. Благодаря передаче новейших знаний и технологий, а также организации совместных проектов по разработке новых сортов культур и методам их выращивания, удалось повысить урожайность и эффективность сельского хозяйства.

В 1990-е годы система отношений постсоветской России со многими зарубежными странами, и, прежде всего, странами Африки, начала стремительно разрушаться. Множество совместных проектов было "заморожено" или просто остановлено. Но уже в середине 2000-х годов ряд российских частных и государственных компаний, почувствовав возможность господдержки, начал активную экспансию в Африку. Основная часть проектов (до 80 %) была ориентирована на разведку и разработку минеральных ресурсов, а остальное приходилось на энергетику, создание инфраструктурных объектов, образование, телекоммуникации, рыболовство, туризм, здравоохранение [16].

Важным этапом в развитии инновационного сотрудничества стало создание в 2014 году Российско-Африканского института науки и технологий. Он стал платформой для объединения усилий российских и африканских ученых, инженеров и предпринимателей с целью разработки и внедрения новых инновационных решений в различные отрасли экономики.

События 2014 г. и санкции в отношении России со стороны "коллективного Запада" стали стимулом для активизации связей с Африкой. Рост темпов сотрудничества привёл к запуску в 2016 г. МИД РФ совместно с Институтом Африки РАН и другими партнёрами "Африканской деловой инициативы" как платформы для налаживания связей на деловом уровне и анализа перспективных инновационных проектов на континенте.

В рамках сотрудничества между Россией и странами Африки было реализовано множество проектов и программ, направленных на инновационное развитие. Успешные проекты в области космических технологий были реализованы Роскосмосом в Алжире, Анголе, Египте и ЮАР [17].

В 2018 году было подписано Соглашение о сотрудничестве в области использования искусственных спутников Земли для мониторинга климатических изменений и борьбы с природными катастрофами. Этот проект позволяет странам Африки получать актуальную информацию о состоянии окружающей среды, что помогает принимать эффективные решения по предотвращению экологических проблем.

Еще одним значимым проектом стало создание центров инновационного развития. Так, например, в октябре 2019 было подписано соглашение между

правительствами Российской Федерации и Республики Руанда о сотрудничестве в сооружении Центра ядерной науки и технологий на территории Республики [18], а в 2019 году в Замбии был открыт Центр инноваций и IT-технологий при поддержке российской компании "Ростелеком". Целью этого центра стало повышение уровня компьютерной грамотности, разработка программного обеспечения и подготовка специалистов в области информационных технологий.

Важным направлением сотрудничества является развитие инноваций в аграрном секторе. Например, Россия активно работает над созданием новых высокопродуктивных гибридов зерновых культур, которые могут быть успешно использованы в странах Африки для повышения уровня продуктивности сельского хозяйства. Также проводятся исследования по разработке новых методик борьбы с вредителями и болезнями растений, что позволяет увеличить урожайность и качество сельскохозяйственной продукции.

Кроме того, Россия активно поддерживает молодежные инновационные проекты в странах Африки. В рамках программы "Молодые лидеры" проводятся конкурсы на получение грантов для реализации инновационных идей. Такие проекты способствуют развитию предпринимательского духа и созданию новых рабочих мест.

Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике в развитии инноваций в странах Африки благодаря сотрудничеству с Россией. Например, за последние несколько лет наблюдается увеличение числа стартапов в регионе. По данным аналитической компании Disrupt Africa, только в 2019 году на территории Южной Африки было запущено около 300 стартапов [19]. Это свидетельствует о росте интереса к инновациям и возможности привлечения инвестиций.

Несмотря на значительные достижения, сотрудничество России и стран Африки в инновационной сфере все еще имеет некоторые ограничения. Одной из основных проблем является сложная политическая и/или экономическая ситуация во многих африканских странах.

Потенциал развития инноваций в странах Африки и возможности сотрудничества с Россией

Одним из возможных направлений сотрудничества между странами Африки и Россией является передача технологий и научно-техническое сотрудничество. Россия имеет значительные достижения в области инноваций, особенно в высокотехнологичных отраслях. Страны Африки могут использовать этот опыт для модернизации своих отраслей экономики и разработки собственных инновационных проектов [20].

В РФ в настоящее время создается сеть научных установок класса "мегасайенс", благодаря чему через несколько лет наша страна станет лидером в области исследовательской инфраструктуры. Президент "Курчатовского института" Михаил Ковальчук предложил сформировать совместную исследовательскую инфраструктуру "Россия-Африка", представляющую собой

единое научно-технологическое пространство на базе крупных исследовательских установок. Российские ученые и эксперты могут предоставить свои знания и опыт для поддержки африканских исследований и разработок.

Одной из перспективных областей сотрудничества могут стать информационные технологии. Согласно данным Statista, число пользователей Интернета в Африке в 2022 году увеличилось почти до 602 миллионов, что в шесть раз больше, чем в 2010 году [21]. Это создает благоприятную основу для развития цифровой экономики и инновационных проектов в регионе. Российские IT-компании могут предложить свои продукты и услуги, а также передать свой опыт в области разработки программного обеспечения и создания информационных систем.

Еще одним направлением сотрудничества может стать активный обмен опытом. Так, Центр изучения Африки НИУ ВШЭ совместно с компанией "Иннопрактика" представил программу по обмену знаниями в сфере цифровизации госуправления, которая стартовала в конце 2023 года в Санкт-Петербурге. Образовательная программа предназначена для государственных служащих, представителей руководства органов государственной власти африканских стран, уполномоченных регулировать и развивать цифровое госуправление [22].

Кроме того, сотрудничество может происходить через участие российских компаний в реализации инновационных проектов на континенте. В последние годы наблюдается активное привлечение иностранных инвестиций в африканские страны. Российские компании могут выступить в качестве партнеров для реализации этих проектов, что приведет к созданию новых рабочих мест и развитию местного бизнеса. Уже сейчас в Африке известны "Яндекс", "Касперский", "Геоскан" и некоторые другие высокотехнологичные компании. Есть успешные проекты в области финтех, медицины. Но масштабы таких проектов пока несравнимы с поставками зерна и удобрений.

Перспективной областью сотрудничества может стать развитие инноваций в сельском хозяйстве. В Африке около 60 % населения занято в сельскохозяйственном секторе, но производительность отрасли остается низкой из-за ограниченного доступа к новым технологиям [23]. Российские компании могут предложить свои решения в области автоматизации процессов, улучшения качества почвы и эффективного использования водных ресурсов. Помимо этого, сельскохозяйственное машиностроение является одной из сильных сторон России, и ее опыт может быть полезным для стран Африки.

Стоит отметить потенциал развития энергетических инноваций. Многие страны Африки испытывают дефицит энергии и необходимость модернизации своей энергетической инфраструктуры. Российские компании способны предложить свои разработки в области возобновляемых источников энергии,

энергоэффективности и сетевых технологий. Это может способствовать улучшению доступа к энергии в регионе и созданию новых рабочих мест.

Еще одной важной сферой является научно-образовательное сотрудничество. В последние годы в Африке наблюдается увеличение числа высших учебных заведений и научных центров. Однако они все еще сталкиваются с проблемами доступа к новейшим технологиям и научным данным. Российские ученые и специалисты могут предоставить свои знания и опыт в области науки и инноваций для поддержки развития научной базы в странах Африки.

В августе 2023 года 12 российских университетов и научных центров, имеющих богатый опыт взаимодействия со странами Африканского континента, объединились в консорциум "Российско-Африканский сетевой университет" (РАФУ). Это даст студентам возможность получать дипломы об окончании бакалавриата, специалитета, магистратуры нескольких университетов-членов Консорциума, обучаясь на русском, английском или французском языке [24].

Такое партнерство может стимулировать сотрудничество между университетами и научными институтами, а также создание новых образовательных программ, направленных на подготовку кадров, в том числе, в области инноваций.

Важным аспектом сотрудничества является повышение информированности о возможностях инновационного развития в странах Африки. Международные конференции, форумы и выставки по инновациям могут стать платформой для обмена опытом и налаживания деловых контактов, помогут привлечь внимание российских инвесторов и предпринимателей к потенциалу развития инноваций на континенте. На прошедшем 27-28 июля 2023 года в Санкт-Петербурге втором саммите "Россия – Африка", в котором приняли участие делегации 49 африканских стран, были указаны конкретные сферы, в которых Россия может предложить Африке помощь:

- добыча воды;
- техническое сотрудничество;
- энергетическая инфраструктура;
- защищенные системы связи;
- развитие сельского хозяйства;
- поставка минеральных удобрений;
- развитие атомной энергетики;
- геологоразведка;
- добыча углеводородного сырья;
- добыча и переработка иных полезных ископаемых [25].

Создание инновационной экосистемы является одной из основных задач для стран Африки. Партнерство с Россией может помочь в этом процессе через финансирование стартапов и предоставление доступа к рынкам и сетям связей. Российские компании уже имеют успешный опыт работы с африканскими

стартапами, что способствует развитию новых бизнес-идей и повышению привлекательности региона для инвестиций.

Важной задачей является создание правовой и организационной базы для развития инноваций. Российский опыт в этой области может быть полезным для стран Африки при разработке законодательства, регулирующего инновации, а также создания национальных центров поддержки инновационного предпринимательства.

Наконец, необходимо активизировать культурный обмен между Россией и странами Африки. Взаимопонимание и установление доверительных отношений между людьми являются основой успешного сотрудничества. Организация культурных фестивалей, выставок, студенческих обменов и других мероприятий будет способствовать укреплению связей между другими регионами.

На пути к успешному инновационному сотрудничеству есть и вызовы. Один из них – это различия в экономическом и технологическом развитии России и стран Африки. Вместе с тем, эти различия вполне можно нивелировать, так как Россия может предложить свои уникальные технологические решения, которые могут быть адаптированы к особенностям африканских стран.

Еще одной проблемой является отсутствие финансирования для инноваций в странах Африки. Отсутствие доступного капитала ограничивает возможности для создания и развития инновационных проектов. Здесь партнерство с Россией может быть полезным через предоставление финансовой поддержки, например, через создание специальных инвестиционных фондов или программ поддержки стартапов.

Также необходимо учитывать культурные и языковые различия между Россией и странами Африки. Это может создавать преграды для успешного сотрудничества, поэтому важно проводить обучение персонала и налаживать коммуникацию между партнерами.

Безусловно, при реализации всех направлений сотрудничества есть нюансы, ведь Африка – это не единый монолит, а большое число значительно отличающихся друг от друга стран. На континенте есть страны-лидеры, которые определяют его политический и экономический ландшафт, – ЮАР, Алжир, Египет, Сенегал, Нигерия, Эфиопия. По нашему мнению, именно эти страны могут стать приоритетными партнерами России в сфере инновационного развития.

Почему следует говорить не просто о помощи и безвозмездном вложении средств в Африку, а о взаимовыгодном сотрудничестве России со странами Африки? Потому что это "игра вдолгую", которая гарантирует получение Россией экономических и/или политических дивидендов. У России есть очевидные интересы в Африке, и руководство нашей страны сейчас это четко понимает.

Выводы

Проведенный нами ретроспективный и перспективный анализ показал, что у российско-африканского делового сотрудничества были, есть и будут возможности для инновационного сотрудничества.

Правительства стран Африки все больше осознают важность инноваций в достижении устойчивого развития. В то же время, Россия как технологическая держава имеет богатейший опыт и ресурсы для содействия этому процессу. Освоение передовых технологий, обмен знаниями и финансовая поддержка будут способствовать развитию экономик африканских стран. Немаловажным является и тот факт, что инновационное сотрудничество между Россией и странами Африки имеет большой потенциал к развитию и важно для обеих сторон.

При этом необходимо учитывать вызовы – прежде всего, геополитические проблемы, социокультурные различия и ограничения в доступе к финансированию. Преодоление этих преград позволит создать успешное и взаимовыгодное партнерство.

В преддверии второго саммита "Россия – Африка" Президент В. В. Путин написал статью для читателей ведущих африканских СМИ под названием "Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего", в которой поделился своим видением развития российско-африканских отношений, обозначил приоритетные направления для совместной работы на ближайшее десятилетие и подчеркнул, что Россия "никогда не пыталась навязывать партнерам собственные представления о внутреннем устройстве, формах и методах управления, целях развития и путях их достижения. Неизменным остается наше уважение к суверенитету государств Африки, их традициям и ценностям, желанию самостоятельно определять свою судьбу, свободно выстраивать отношения с партнерами" [26].

Именно поэтому нашу страну приглашают и ждут на Африканском континенте как проверенного временем партнера. Именно поэтому можно утверждать, что у российско-африканского партнерства в сфере инновационного сотрудничества есть большое будущее. При этом, надо четко понимать, что с Африкой нельзя работать ситуативно, т. к. обязательно возникнут риски. Необходимо сотрудничать системно, с государственной, финансовой и политической поддержкой. Тогда велики шансы на успех.

Список источников

1. Журавлева А. Станет ли Африка СПГ-звездой? // Энергетическая политика. 2023. № 4(182).
2. ВВП стран в 2022 году – Всемирный банк. URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения 04.05.2024)

3. The Global Innovation Index – 2022 URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 05.05.2024)
4. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР // Центр гуманитарных технологий, 2006–2022. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure> (дата обращения 05.05.2024)
5. Агапова А. В. Анализ мирового рынка интеллектуальной собственности // БИТ. 2021. № 3(19).
6. Пресс-релиз МСЭ. URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2019-PR19.aspx> (дата обращения 06.05.2024)
7. Руанда: самая амбициозная страна в Африке. URL: https://atomicexpert.com/the_most_ambitious_country_in_africa (дата обращения 06.05.2024)
8. Новое партнерство в интересах развития Африки: эффективность, проблемы и роль ЮНКТАД. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdbex55d3_ru.pdf (дата обращения 06.05.2024)
9. Russia's Activities in Africa's Information Environment. URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/russias_activities_in_africa_nato_stratcom_coe_05-03-2021-1.pdf (дата обращения 07.05.2024)
10. Education Index 2022 – UNESCO Institute for Statistics. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения 07.05.2024)
11. Абрамова И. О. Ресурсный потенциал Африки: структура, параметры, значимость для мировой экономики и внутреннего развития // ПСЭ. 2013. № 3 (47).
12. Tom Collins. Private capital flow into Africa more than doubled from 2020 to 2021. URL: <https://translated.turbopages.org/lifestyle/private-capital-flow-africa-more-103321541.html> (дата обращения 10.05.2024)
13. Saifaddin Galal. Countries with the highest inflation rate in Africa 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1220801/inflation-rate-in-africa-by-country/> (дата обращения 10.05.2024)
14. Шарова А. Ю. Электроэнергетические проекты в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 2(59). С. 17-34.
15. Бурт В. Африка – далёкая и близкая. Сотрудничество с Чёрным континентом проверено временем. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/07/23/afrika-dalyokaya-i-blizkaya.html> (дата обращения 10.05.2024)
16. Крюков Э. Взаимоотношения России и Африки: история, современность, перспективы. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/vzaimootnosheniya-rossii-i-afriki-istoriya-sovremennost-perspektivy> (дата обращения: 10.05.2024)
17. Узбекова А. Страны Африканского региона и Россия готовят соглашение о взаимодействии в космической отрасли. URL:

<https://rg.ru/2023/07/27/delovaia-sviaz-so-sputnikom.html> (дата обращения 10.05.2024)

18. Подписание соглашения о сооружении в Руанде Центра ядерной науки и технологий. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1474138&lang=ru> (дата обращения: 12.05.2024)

19. Жигач А. Куда идти стартапам в Африке? URL: <https://rb.ru/countries/africa/> (дата обращения 12.05.2024)

20. Russell M., Pichon E. Russia in Africa: A new arena for geopolitical competition // European Parliamentary Research Service. Retrieved December 03, 2020.

21. Россия поможет Африке в цифровизации государственных сервисов. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2023/08/11/253361 (дата обращения 12.05.2024)

22. Нуше К. Г. Индустриализация в новой модели экономического развития: альтернативный путь Африки к развитию // Вестник ВУиТ. 2021. № 3 (48).

23. Мост в Африку: создан Российско-Африканский сетевой университет. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/38986/> (дата обращения 12.05.2024)

24. О развитии экономического сотрудничества России и Африки. URL: <https://www.rudn.ru/media/news/international-cooperation/ekspert-ekonomist-rudn--o-razvitii-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-afriki> (дата обращения 12.05.2024)

25. Владимир Путин. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71719> (дата обращения 12.05.2024)

References

1. Zhuravleva A. Will Africa become an LNG star? // Energy policy. 2023;4(182). (In Russ.).

2. Country GDP in 2022. World Bank. Available at: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (accessed 04.05.2024)

3. The Global Innovation Index – 2022. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (accessed 05.05.2024)

4. Rating of countries around the world by level of R&D spending. Center for Humanitarian Technologies, 2006–2022. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure> (accessed 05.05.2024)

5. Agapova A. V. Analysis of the global intellectual property market // ВИТ. 2021;3(19). (In Russ.).

6. ITU Press Release. Available at: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2019-PR19.aspx> (accessed 06.05.2024)
7. Rwanda: the most ambitious country in Africa. Available at: https://atomicexpert.com/the_most_ambitious_country_in_africa (accessed 06.05.2024) (In Russ.).
8. The New Partnership for Africa's Development: Effectiveness, Challenges and the Role of UNCTAD. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tdbex55d3_ru.pdf (accessed: 06.05.2024) (In Russ.).
9. Russia's Activities in Africa's Information Environment. Available at: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/russias_activities_in_africa_nato_stratcom_coe_05-03-2021-1.pdf (accessed 07.05.2024) (In Russ.).
10. Education Index 2022 – UNESCO Institute for Statistics. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (accessed 07.05.2024)
11. Abramova I. O. Resource potential of Africa: structure, parameters, significance for the global economy and internal development// PSE. 2013;3(47). (In Russ.).
12. Tom Collins. Private capital flow into Africa more than doubled from 2020 to 2021. Available at: <https://translated.turbopages.org/lifestyle/private-capital-flow-africa-more-103321541.html> (accessed 10.05.2024)
13. Saifaddin Galal. Countries with the highest inflation rate in Africa 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1220801/inflation-rate-in-africa-by-country/> (accessed 10.05.2024)
14. Sharova A. Yu. Electricity projects in Africa // Scientific notes of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences. 2022;2(59):17-34. (In Russ.).
15. Burt V. Africa – far and near. Cooperation with the Dark Continent has been time-tested. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2023/07/23/afrika-dalyokaya-i-blizkaya.html> (accessed: 10.05.2024)
16. Kryukov E. Relationships between Russia and Africa: history, modernity, prospects. Available at: <https://rossaprimavera.ru/article/vzaimootnosheniya-rossii-i-afriki-istoriya-sovremennost-perspektivy> (accessed 10.05.2024) (In Russ.).
17. Uzbekova A. Countries of the African region and Russia are preparing an agreement on cooperation in the space industry. Available at: <https://rg.ru/2023/07/27/delovaia-sviaz-so-sputnikom.html> (accessed 10.05.2024) (In Russ.).
18. Signing of an agreement on the construction of a Center for Nuclear Science and Technology in Rwanda. Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1474138&lang=ru> (accessed 12.05.2024)
19. Zhigach A. Where should startups go in Africa? Available at: <https://rb.ru/countries/africa/> (accessed: 12.05.2024) (In Russ.).

20. Russell M., Pichon E. Russia in Africa: A new arena for geopolitical competition // European Parliamentary Research Service. Retrieved December 03, 2020.

21. Russia will help Africa in the digitalization of government services. Available at: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2023/08/11/253361 (accessed 12.05.2024) (In Russ.).

22. Nushe K. G. Industrialization in a new model of economic development: Africa's alternative path to development // VU&T Bulletin. 2021;3(48). (In Russ.).

23. Bridge to Africa: the Russian-African Network University was created. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/38986/>(accessed 12.05.2024) (In Russ.).

24. On the development of economic cooperation between Russia and Africa. Available at: <https://www.rudn.ru/media/news/international-cooperation/ekspert-ekonomist-rudn--o-razvittii-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-afriki> (accessed: 12.05.2024) (In Russ.).

25. Vladimir Putin. Russia and Africa: joining forces for peace, progress and a successful future. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71719> (accessed: 12.05.2024) (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Дорофеева – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента Института отраслевой экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет"

Information about the author

V. V. Dorofeeva – Doctor of Economic Sciences, Assistant professor, Head of Department of Management INOTECU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.43, 339.138

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-152-168

Обоснование стратегии развития сельского хозяйства Анголы: маркетинговый подход

Екатерина Сергеевна Енина¹

Элбер Эметерио Куссока Нето²

^{1,2}ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет",
Калининград, Россия

¹ekaterina.enina@klgtu.ru

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы снижения отсталости в аграрной отрасли Анголы за счёт предложения на основе маркетингового исследовательского инструментария стратегии развития сельского хозяйства страны. В работе на основе рассчитанных авторами индикаторов эффективности управления сельским хозяйством Анголы подтверждена технологическая отсталость отрасли, крайняя степень импортозависимости по аграрной продукции, неудовлетворительный уровень продовольственной безопасности на фоне неблагоприятной природно-климатической обстановки и последствий военных действий в стране. Сделан вывод о необходимости государственного вмешательства и крупных инвестиций в сельскохозяйственную отрасль Анголы. В рамках маркетингового подхода к исследованию проведен анализ жизненного цикла аграрной отрасли страны на базе расчётов средних темпов прироста показателей валового сельскохозяйственного продукта, сельскохозяйственного дохода отрасли, конкурентоспособности сельскохозяйственных производителей, прямой поддержки аграриев, численности населения страны и отраслевых предприятий за десятилетний период. Полученные результаты свидетельствуют, что сельское хозяйство современной Анголы наиболее близко к состоянию, соответствующему стадии "рождения", и доказывают целесообразность применения стратегии целевых государственных инвестиций, направленных на повышение производительности труда и технологической оснащённости в отрасли, на борьбу с засухой и разминирование посевных площадей. Предложен механизм финансирования сформулированных в рамках стратегии мероприятий за счёт перераспределения средств от нефтяного, наиболее выгодного в Анголе бизнеса. Отмечено, что в нефтяном секторе Анголы отсутствует прозрачное налогообложение, иностранные нефтяные компании активно лоббируют свои интересы в правительстве и часто добиваются льготного, невыгодного для Анголы

налогообложения. На основе статистических данных о нефтяных доходах страны рассчитана суммарная ставка налогообложения в размере 32 %, что относительно других стран является чересчур низким показателем. Пересмотр системы налогообложения Анголы для иностранных нефтяных компаний позволит получить дополнительный доход, который может стать источником финансирования обоснованной в работе стратегии развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: Ангола, сельское хозяйство, маркетинговый подход, индикаторы эффективности, жизненный цикл отрасли, стратегия, целевые государственные инвестиции, нефтяные доходы

Для цитирования: Енина Е. С., Нето Э. Э. К. Обоснование стратегии развития сельского хозяйства Анголы: маркетинговый подход // Балтийский экономический журнал. 2024, № 3 (47). С. 152-168. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-152-168>

WORLD ECONOMY

Original article

Justification of the agricultural development strategy in Angola: marketing approach

Ekaterina S. Enina¹

Elber E. C. Neto²

^{1,2} Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹ekaterina.enina@klgtu.ru

Abstract. The article is devoted to solving the problem of reducing backwardness in the Angolan agricultural sector by proposing a development strategy based on marketing research tools. Calculated by authors effectiveness indicators for agricultural management in Angola shown the technological backwardness of the industry, the extreme degree of import dependence for agriproducts, the unsatisfactory level of food security against the background of the unfavorable natural and climatic situation and the consequences of military operations. It was concluded that there was a need for state support and major investments in the Angolan agricultural sector. In accordance with the marketing approach an analysis of the agricultural industry's life cycle was carried out. It based on calculation of average growth rates for gross agricultural product, agricultural income, competitiveness of Agri producers and their direct support, population and enterprises number over the ten years. The results obtained indicate that modern Angolan agriculture is most close to the "birth" stage of the industry's life cycle and prove the expediency of target state investment strategy aimed at labor productivities increasing and technological equipment, fighting drought and clearing land. It was proposed the mechanism for financing the formulated measures, it means the redistribution of funds from the Oil Business, the most profitable in Angola. It was noted that there is no transparent taxation in Angolan oil sector, foreign oil companies actively lobby their interests in the Government and often seek preferential, which unprofitable for Angola. On based at open statistic data it was calculated total oil tax rate equal of 32%, and it is too low compared to other countries. The revision of Angola's taxation system for foreign oil companies is going to allow the additional income, which can become a source of financing for the agricultural development strategy.

Keywords: Angola, agriculture, marketing approach, effectiveness indicators, industry's life cycle, strategy, target state investment, oil income

For citation: Enina E. S., Neto E. E. K. Justification of the agricultural development strategy in Angola: marketing approach // *Baltic Economic Journal*. 2024;3(46):152-168. (In Russ.) <https://dx.doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-152-168>

Введение. Наиболее действенными инструментами управления различными экономическими системами в современном мире выступают стратегическое планирование и маркетинг [1]. Становление маркетинга как концепции управления началось за рубежом с производственной сферы, затем развитие переместилось в сферу услуг и другие отрасли хозяйствования. В конце XX века Дж. Дэвисом и Р. Голдбергом был введен термин "маркетинг агробизнеса", и с этого момента можно говорить о стремительном развитии агромаркетинга в США и ряде европейских экономик, где существовали развитые сельскохозяйственные рынки, ставшие более конкурентоспособными, эффективными и производительными благодаря маркетинговому усилению коммерческой составляющей аграрной деятельности [2]. Среди зарубежных научных трудов в аграрной сфере в рамках данного исследования интерес представляют работы, посвященные развитию и жизненному циклу развивающихся отраслей сельского хозяйства, принадлежащие авторству У. Кёстера [3], О. Ровера [4], С. Рувиаро [5], А. Фантини [4], Е. Чеодо [5].

Вопросами агромаркетинга в России отечественные учёные озадачились с 2000-х годов, к их числу относятся такие исследователи, как Л. Абазова [6], О. Брянская [7], М. Кабаненко [8], С. Угримова [8] и др., их работы связаны с определением сущности маркетинговой деятельности в сельском хозяйстве, особенностями и проблемами применения маркетинговых инструментов в аграрной сфере России. Вопросы применения маркетинга в сельском хозяйстве также рассмотрены в работах таких отечественных учёных, как А. Казаров [9], Т. Кружкова [10], О. Мамай [11], Т. Наседкина [12] и др. Их труды освещают такие аспекты современного агромаркетинга как анализ сельскохозяйственной продукции и рынок продукции АПК, инновационная деятельность в агробизнесе, применение информационных технологий, эффективность сельского хозяйства.

Вопросы агромаркетинга применительно к сфере сельского хозяйства Анголы практически не изучены. Исследования сельского хозяйства Анголы в публикациях последних лет проводились в рамках изучения социально-экономического положения и развития страны в целом и сопряжены с вопросами структурных изменений в экономике (в работе М. Гонга [13]), необходимости диверсификации в ней (в работе Т. Гомбо и Р. Мухаметзянова [14]), а также с вопросами вывода экономики Анголы из кризиса (в работе Ж. Алберту и Ж. Висенте [15]). Особо следует отметить интерес в 2024 году к сельскому хозяйству Анголы со стороны всемирно известной исследовательской и консалтинговой компании Mordor Intelligence, которая провела комплексное маркетинговое исследование размера и доли сельскохозяйственного рынка

Анголы, уделяя внимание тенденциям роста и прогнозам развития с 2024 по 2029 годы [16].

Анализ степени проработанности проблематики исследования позволяет заключить следующее:

– работы отечественных учёных связаны с такими аспектами современного агромаркетинга, как анализ сельскохозяйственной продукции и рынок продукции АПК, инновационная деятельность в агробизнесе, применение информационных технологий, эффективность сельского хозяйства, стратегическое планирование;

– работы зарубежных авторов имеют направленность в сторону изучения коммерческой составляющей сельскохозяйственных рынков и конкурентоспособности отдельных фермерских хозяйств;

– большинство работ посвящено проблемам относительно сформировавшихся аграрных рынков, тогда как проблемы регионов, в которых сельское хозяйство не в состоянии обеспечить население достаточным количеством качественного продовольствия, изучены слабо.

В рамках данной работы использован маркетинговый подход для обоснования мер и предложений по совершенствованию развития сельского хозяйства Анголы, имеющего серьёзные проблемы в обеспечении продовольственной безопасности населения страны.

Возможностей самостоятельно возродить некогда процветавшее сельское хозяйство у бизнеса Анголы нет. Требуется меры государственной всесторонней поддержки аграрной отрасли и государственное управление сельским хозяйством. Маркетинговое обоснование стратегии управления аграрной сферой Анголы и предложение механизма её финансирования – это главные вопросы исследования.

Первоначально в целях исследования оценим степень управленческой и технологической отсталости аграрной сферы Анголы и проведем комплексную диагностику современного состояния отрасли, воспользовавшись результатами апробации маркетинговой модели оценки эффективности управления первичного сектора экономики [17]. Представленные ниже оценки индикаторов эффективности функционирования отрасли выполнены на материалах, предоставленных Национальным институтом статистики (НИС) Анголы, а также на основе аналитического обзора AGROEXPORT [18, 19].

В таблице 1 представлены индикаторы, соответствующие факторам влияния макро-внешней маркетинговой среды на сельское хозяйство Анголы.

Данные таблицы 1 подтверждают факт экономической и технологической отсталости сельского хозяйства Анголы. Кроме того, выявлены негативные тенденции, связанные с участвовавшими за последние 5 лет засухами. Практически все индикаторы имеют значения, соответствующие низкой эффективности управления аграрной сферой Анголы.

Таблица 1 – Индикаторы эффективности управления сельским хозяйством Анголы по факторам влияния внешней макросреды на 01.01.2023 г.

Table 1 – Management effectiveness indicators for Angola agriculture through macrofactors on 01.01.2023

Факторы результативности	Индикатор	Оценка индикатора	Эффективность (Н – низкая, С – средняя, В – высокая)
1. Экономические	1.1. Соотношение импорт/экспорт продукции АПК	23/1	Н
	1.2. Процент инвестиций в с/х от общего объема инвестиций	0,7 %	Н
	1.3. Средний годовой рост/падение производства в растениеводстве	0,96	Н
	1.4. Средний годовой рост/падение производства в животноводстве	1,01	Н
2. Политические	2.1. Процент государственной поддержки с/х в национальном бюджете	0,6 %	Н
	2.2. Индекс голода как показатель продовольственной безопасности (по Global Hunger Index)	32,0 %	Н
3. Социальные	3.1. Процент жителей, страдающих от недоедания	21,0 %	Н
	3.2. Процент жителей, живущих в условиях ограниченного доступа к пище	50,0 %	Н
	3.3. Процент жителей, занятых в с/х	50,2 %	С
	3.4. Средний процент мужчин среди занятых в с/х	70,0 %	В
	3.5. Процент занятых в с/х с низкой квалификацией	100,0 %	Н
4. Технологические	4.1. Процент хозяйств, применяющих по большей части ручной труд	100,0 %	Н
	4.2. Процент хозяйств, применяющих тракторы	57,2 %	Н
5. Экологические	5.1. Процент хозяйств, применяющих пестициды	96,2 %	Н
	5.2. Площадь лесов, вырубленных для расширения с/х угодий в последние 10 лет	3,8 млн. га, или 10 % от всех лесов	Н
6. Природные	6.1. Сокращение урожая кукурузы в результате засухи	20 %	Н
	6.2. Процент населения, имеющего ограниченный доступ к воде для питья в результате засухи	50 %	Н
	6.3. Процент населения, имеющего ограниченный доступ к воде для орошения в результате засухи	80 %	Н

Источник: составлена авторами на основе источников [18, 19].

В таблице 2 отражены индикаторы, соответствующие факторам влияния микро-внешней маркетинговой среды на аграрный сектор Анголы.

Таблица 2 – Индикаторы эффективности управления сельским хозяйством Анголы по факторам влияния внешней среды на 01.01.2023 г.

Table 2 – Management effectiveness indicators for Angola agriculture through microfactors on 01.01.2023

Факторы результативности	Индикатор	Оценка индикатора	Эффективность (Н - низкая, С – средняя, В - высокая)
1. Конкурентные	1.1. Показатель динамики количества местных производителей	падение на 10 %	Н
	1.2. Степень доступа к кредитным ресурсам для аграриев	4 %	Н
2. Потребительские	2.1. Отношение к товарам местных производителей на рынках	как к более натуральным	В
	2.2. Отношение к импортным продуктам питания	как к дорогим, менее натуральным	В
3. Связанные с поставщиками	3.1. Воспринимаемое качество семян у местных поставщиков	высокое	В
	3.2. Воспринимаемое качество кормов	высокое	В

Источник: составлена авторами на основе источников [18, 19].

Данные таблицы 2 позволяют говорить о слабом управлении конкуренцией в аграрной сфере Анголы, однако положительное отношение к местным производителям и поставщикам показывает высокую степень управления общественным мнением и активное продвижение идеи поддержки национальных производителей и их продукции.

В таблице 3 представлены индикаторы, соответствующие факторам влияния элементов комплекса маркетинга на сельское хозяйство Анголы.

Информация, отраженная в таблице 3, указывает на низкую эффективность управления маркетингом в региональной аграрной сфере, исключение составляет высокая эффективность управления в распределительной системе сельского хозяйства Анголы.

Таблица 3 – Индикаторы эффективности управления сельским хозяйством Анголы по факторам влияния комплекса маркетинга на 01.01.2023

Table 3 – Management effectiveness indicators for Angola agriculture through marketing-mix on 01.01.2023

Факторы результативности	Индикатор	Оценка индикатора	Эффективность (Н - низкая, С – средняя, В - высокая)
1	2	3	4
1. Продуктовые	1.1. Средний уровень самообеспечения продукцией растениеводства	ок. 5 %	Н
	1.2. Средний уровень самообеспечения продукцией животноводства и рыболовства и аквакультуры	~44 %	С

1	2	3	4
2. Сбытовые	2.1. Годовой прирост объёма розничной торговли продуктами питания	10 %	В
	2.2. Годовой прирост объёма рынка общественного питания	47 %	В
3. Коммуникационные	3.1. Узнаваемость местных брендов	высокая	В
	3.2. Использование электронной торговли	низкое	Н
4. Ценовые	4.1. Уровень цен на продукцию	высокий	Н

Источник: составлена авторами на основе источников [18, 19].

Таким образом, все рассчитанные индикаторы подтверждают управленческую и технологическую отсталость аграрной сферы Анголы, доказывая необходимость включения вопроса осуществления государственной сельскохозяйственной политики в перечень приоритетных задач для правительства Анголы в краткосрочном и долгосрочном периодах. Понимание того, какая стратегия наилучшим образом позволит решить проблемы, с которыми столкнулось сельское хозяйство Анголы, – это верный шаг в направлении совершенствования управления аграрной сферой региона.

Материалы и методы. Для обоснования выбора стратегии была использована модель жизненного цикла отрасли (ЖЦО). По аналогии с жизненным циклом товара в маркетинге, модель предполагает возможность нахождения отрасли на одной из стадий развития, таких как зарождение, рост, зрелость и старение (или кризис). Знание позиций отрасли на кривой ЖЦО позволяет выработать стратегию ее развития в рамках стратегии общего социально-экономического развития территории, определить подход (экстенсивный или интенсивный), который целесообразно использовать для достижения стратегических целей мезоуровня (т. е. отраслевых), и требуемый для этого объём инвестиций. Кроме того, от стадии ЖЦО зависят её потенциальные возможности, т. е. возможности активизации различных отраслевых ресурсов – материальных, финансовых, производственных, человеческих и др. [20].

Авторству М. Портера принадлежит один из наиболее часто применяемых видов анализа жизненного цикла отрасли [20, 21]. Каждой стадии ЖЦО присваиваются определенные структурные характеристики, включающие число и размер фирм, уровень технологической и стратегической неопределенности, издержки, цены, покупателей, характеристики конкурентов и интенсивность конкуренции. Важной характеристикой стадий ЖЦО выступают, с точки зрения Портера, барьеры входа и выхода, свойственные отрасли.

В рамках данного исследования предложенный М. Портером перечень показателей, характеризующих состояние отрасли, был модифицирован с учётом аграрной специфики Анголы, формы предоставления статистической информации по конкретной отрасли органами статистики, уровня сезонности

отрасли, степени взаимодействия с другими отраслями и направления воздействия факторов макроокружения.

Для применения модели жизненного цикла отрасли к аграрной сфере Анголы были использованы показатели развития сельскохозяйственной отрасли, ежегодно рассчитываемые НИС Анголы, а также показатели, которые традиционно используются в Анголе для оценки интенсивности отраслевой конкуренции [18]. Этими показателями выступают: темп прироста валового сельскохозяйственного продукта в постоянных и текущих ценах; темпы прироста сельскохозяйственного дохода сектора целиком; темпы прироста дохода производителей сельскохозяйственной продукции; конкурентоспособность сельскохозяйственных производителей; прямая поддержка сельскохозяйственных производителей в рамках экономической сельскохозяйственной политики Анголы; численность населения Анголы; численность предприятий в сельском хозяйстве Анголы.

Для анализа показателей темпов прироста валового сельскохозяйственного продукта и дохода сектора целиком обратимся к данным таблицы 4.

Таблица 4 – Динамика сельскохозяйственной продукции и доходов Анголы, 2012-2022 гг.

Table 4 – Dynamics of agricultural production and income of Angola, 2012-2022

Показатели развития отрасли	Темп прироста показателя, %					
	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014	2016/ 2015	2017/ 2016
Валовой сельскохозяйственный продукт:						
в постоянных ценах	-2,0	2,9	0,7	9,2	-10,6	12,4
в текущих ценах	-0,1	17,4	-2,2	11,1	-7,4	13,1
Сельскохозяйственный доход:						
доход сектора	3,9	8,2	-2,5	6,1	6,0	1,7
доход производителей	7,5	14,7	1,2	8,6	8,0	4,2
Показатели развития отрасли	Темп прироста показателя, %					Средний темп прироста за 2012-2022 гг., %
	2018/ 2017	2019/ 2018	2020/ 2019	2021/ 2020	2022/ 2021	
Валовой сельскохозяйственный продукт:						
в постоянных ценах	-4,2	4,2	2,7	2,9	3,6	2,0
в текущих ценах	0,3	4,6	4,0	4,2	4,6	4,5
Сельскохозяйственный доход:						
доход сектора	1,4	4,8	4,7	4,9	5,0	4,0
доход производителей	0,1	5,6	4,6	4,8	5,9	5,9

Источник: составлена авторами на основе источника [18].

Согласно материалам таблицы 4, темп прироста валового сельскохозяйственного продукта в постоянных ценах, измеряемого как валовая добавленная стоимость в постоянных ценах производителей, вырос до 3,6 % в 2022 году, по сравнению с предыдущим годом, что представляет собой

улучшение по сравнению со средним значением за последнее десятилетие (+2,0 %). Рост валового с/х продукта в текущих ценах за последний год увеличился до 4,6 % и в сравнении со средним значением за 10 лет показывает опережение на 0,1 %. Доходы сектора показывают медленную положительную динамику, и за последний год значение достигло 5 %, что на 1 % выше среднего роста за 10 лет. Доходы производителей также выросли и сравнялись со средним приростом за 10 лет.

НИС Анголы для проведения более глубокого анализа предлагает разбивать доход от сельскохозяйственной деятельности на два отдельных показателя: конкурентоспособность сельскохозяйственных производителей и прямая поддержка производителей.

Распространяя эту декомпозицию на данные Экономических счетов сельского хозяйства Анголы за 2022 год, проанализируем среднегодовые темпы изменения показателей, входящих в структуру дохода от сельскохозяйственной деятельности (таблица 5) [18].

Таблица 5 – Динамика доходов сельскохозяйственных производителей и соответствующей конкурентоспособности, прямой поддержки, производительности и рабочей силы за последнее десятилетие в Анголе

Table 5 – Dynamics of agricultural income and related competitiveness, direct support, productivity and labor force over the past decade in Angola

Показатели доходов сельхозпроизводителей	Темп прироста показателя, %					
	2012/2011	2013/2012	2014/2013	2015/2014	2016/2015	2017/2016
Урожайность сельхозпродукции	7,5	14	1,2	8,6	8	4,2
Конкурентоспособность сельхозпроизводителей	2,5	31,4	0,9	16,7	-10,4	20,8
Прямая поддержка	15,3	-9,1	1,7	-7,8	55,3	-20,3
Продуктивность:						
фактора работы	-1,0	8,2	6,9	12,1	-8,0	17,6
промежуточных факторов капитала	-1,4	2,8	-3,9	6,7	-12,5	9,7
объёма сельскохозяйственного труда	-1,0	-5,0	-5,8	-2,6	-2,8	-4,4
Показатели доходов сельхозпроизводителей	Темп прироста показателя, %					Средняя 10-летняя вариация за 2012-2022 гг., %
	2018/2017	2019/2018	2020/2019	2021/2020	2022/2021	
Урожайность сельхозпродукции	0,1	5,6	5,3	4,9	4,6	5,8
Конкурентоспособность сельхозпроизводителей	-1,6	5,5	5,7	5,4	7,74	7,7
Прямая поддержка	3,7	5,7	6,2	6,0	6,3	5,7
Продуктивность:						
фактора работы	-3,5	6,1	4,5	4,9	4,2	4,7
промежуточных факторов капитала	-4,0	2,5	-0,5	1,5	2,7	0,3
объёма сельскохозяйственного труда	0,7	-0,4	-1,5	-0,7	0,2	-2,1

Источник: составлена авторами на основе источника [18].

Данные таблицы 5 характеризуются крайней неравномерностью и скачками по всем показателям. Обращает на себя внимание общая нисходящая тенденция, которая замедлилась за последние три года.

Следующим показателем, влияющим на определение жизненного цикла аграрной отрасли Анголы, является численность населения (рисунок).

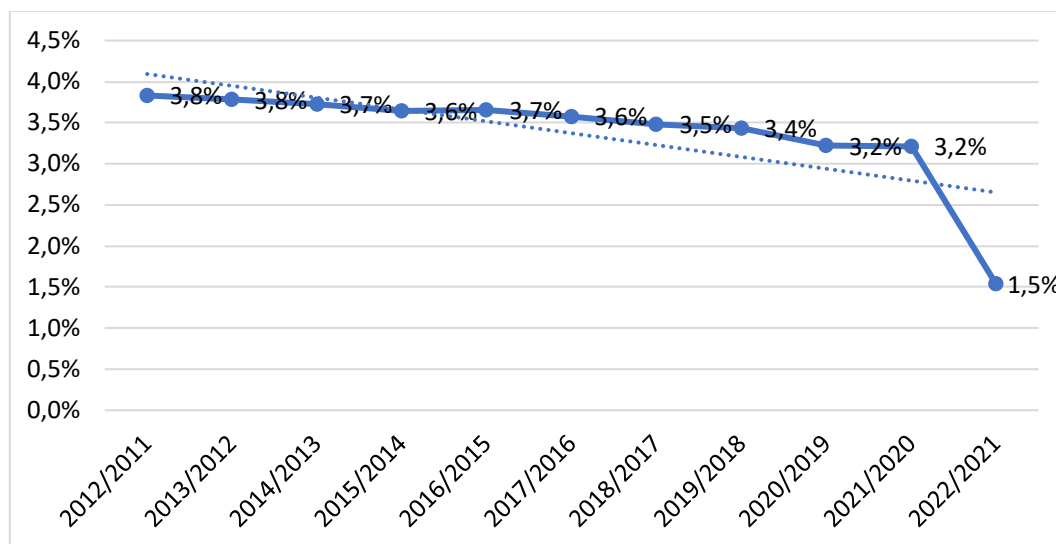

Рисунок – Динамика (прирост) численности населения Анголы в 2012-2022 гг., %
Figure – Dynamics (growth) of the population of Angola in 2012-2022, %

Данные рисунка свидетельствуют, что, несмотря на ежегодный рост населения, скорость прироста медленно падает, а резкое падение за последний год специалисты расценивают как последствия пандемии.

Касательно числа предприятий в сельском хозяйстве Анголы, можно заключить следующее: на сегодняшний день функционируют 18 предприятий, из которых ранее 2005 г. были созданы 4 предприятия, в 2005 г. – 2, в 2006 г. – 2, в 2007 г. – 2, в 2008 г. – 0, в 2009 г. – 2, в 2010 г. – 3, в 2011 г. – 1, в 2012 г. – 1, затем 4 года предприятий не создавалось, и только в 2017 г. появилось 1 новое предприятие. С учетом возрастающей численности населения и падающей динамики появления новых предприятий в аграрной сфере Анголы можно говорить об очень низкой интенсивности конкуренции.

Результаты. Сельское хозяйство Анголы в португальский период развития страны имело ряд успехов, на тот период приходится полный цикл развития аграрного сектора, но последующие войны и социальная напряженность в Анголе, непригодность обширных сельскохозяйственных территорий в результате их минирования на долгие годы погрузили отрасль в полный упадок. Анализ показателей развития сельскохозяйственной отрасли, отраженный в данной работе, позволяет сделать вывод о попытках за последние 5 лет возродить сектор. Однако все положительные тенденции в развитии аграрной сферы Анголы на чаше весов сельскохозяйственной экономической политики Анголы уравниваются серьёзными проблемами в плане продуктивности использования факторов промежуточного капитала и в

интенсивности конкуренции на рынке. Можно констатировать экстенсивный способ ведения деятельности в сельском хозяйстве Анголы. В период роста ангольской экономики за счет нефтяных доходов (после окончания гражданской войны в 2002 г.) развитие сельского хозяйства было печально известным – в большинстве городов царил голод и мор, продукты импортировались и были доступны, в основном, той малочисленной части населения, которая получала нефтяные доходы. Затем правительство приняло меры по расширению за счет субсидий сельскохозяйственных земель для производства собственной сельскохозяйственной продукции. Но с 2016 года, когда цены на нефть резко упали, на Анголу обрушился экономический кризис, и программы экстенсивного развития сельского хозяйства, разработанные правительством Анголы, перестали быть эффективными.

В таблице 6 представлено обоснование стадии жизненного цикла сельскохозяйственной отрасли Анголы на основе рекомендаций НИС Анголы и результатов проведенного в данной работе анализа основных показателей функционирования аграрной сферы рассматриваемой территории.

Таблица 6 – Распределение значений основных показателей, характеризующих сельскохозяйственную сферу Анголы, в соответствии со стадиями жизненного цикла отрасли

Table 6 – Angolan agricultural indicators distribution in accordance with the industry life cycle's stages

Фактор	Рождение	Рост	Зрелость	Старость
1	2	3	4	5
Темп прироста валового сельскохозяйственного продукта в постоянных ценах	Темпы прироста выше средних за 10 лет	Темпы прироста выше 5 %, устойчивая положительная динамика	Темпы прироста высокие, но имеют нисходящую динамику	Темпы прироста ниже +5 %, ожидание отрицательной динамики
Темпы прироста сельскохозяйственного дохода сектора целиком	Темпы прироста выше средних за 10 лет	Темпы прироста выше 5 %, устойчивая положительная динамика	Темпы прироста высокие, но имеют нисходящую динамику	Темпы прироста ниже +5 %, ожидание отрицательной динамики
Темпы прироста дохода производителей сельскохозяйственной продукции	Темпы прироста выше средних за 10 лет	Темпы прироста выше 5 %, устойчивая положительная динамика	Темпы прироста высокие, но имеют нисходящую динамику	Темпы прироста ниже +5 %, ожидание отрицательной динамики
Конкурентоспособность сельскохозяйственных производителей	Темпы прироста выше средних за 10 лет	Темпы прироста выше 5 %, устойчивая положительная динамика	Темпы прироста высокие, но имеется ряд негативных ожиданий (низкая эффективность использования факторов труда)	Темпы прироста ниже +5 %, ожидание отрицательной динамики

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5
Прямая поддержка с/х производителей в рамках экономической с/х политики Анголы	Темпы прироста выше средних за 10 лет	Темпы прироста выше 5 %, устойчивая положительная динамика	Темпы прироста высоки, негативные ожидания, спад гос. поддержки	Темпы прироста ниже +5 %, ожидание отрицательной динамики
Численность населения Анголы	Рост	Рост	Замедляющийся рост	Темпы прироста наравне или выше темпов прироста новых предприятий
Численность предприятий в сельском хозяйстве Анголы	Возрастающая динамика появления новых предприятий	Возрастающая динамика появления новых предприятий	Стабильное число предприятий на рынке	Падающая динамика появления новых предприятий

Примечание: серым цветом выделены значения, соответствующие состоянию аграрной сферы Анголы по результатам анализа

На основании данных таблицы 6 можно сделать обоснованный вывод о том, что состояние сельскохозяйственной отрасли Анголы ближе всего к стадии "рождения".

Стадии зарождения сельскохозяйственной отрасли Анголы соответствует маркетинговая стратегия целевых государственных инвестиций, предполагающая направленность на производство качественных и конкурентоспособных продуктов питания, удовлетворяющих запросам населения, решающих проблемы продовольственной безопасности и активное распространение продукции местных производителей на внутреннем рынке [21]. Кроме того, целевое финансирование отдельно взятых фермеров и сельскохозяйственных компаний будет способствовать повышению производительности труда, технологической оснащенности отрасли, проведению мелиоративных работ и работ по разминированию посевных площадей, закупке качественных семян, применению экологических способов удобрения.

Заключение. Для финансирования мер государственной поддержки управления аграрной сферой Анголы требуются существенные инвестиции. В качестве источников финансирования целесообразным видится применение доходов от нефтяного, наиболее прибыльного в Анголе сектора. Для этого необходимо проанализировать состояние нефтяного сектора, с тем чтобы выявить возможности для перераспределения средств от нефтебизнеса на сельское хозяйство Анголы.

Добыча нефти осуществляется в месторождениях, которые называются блоками и имеют соответствующую нумерацию или название географического места. По состоянию на 2023 год, в Анголе действующими являются 26 блоков [22]. Добыча нефти в каждом блоке ведется на основании нефтяного контракта, заключенного с нефтяными компаниями.

Основными иностранными игроками в сфере добычи нефти в Анголе являются Exxon Mobil Corporation, Total Energies SE, EniSpA, BPPlc, Chevron Corporation. Кроме того, существует основная ангольская нефтяная компания (государственная) Sonangol, которой принадлежат права разработки каждого месторождения. Иностранные нефтяные компании платят Sonangol за право пользования блоками, и такие выплаты носят название "концессионной выручки" (или "дилерской выручки") [23].

Согласно законодательству Анголы, налог на прибыль для нефтедобывающих компаний может составлять от 30 до 50 %. Кроме того, действует налог на добавленную стоимость (НДС) в размере 14 %, налог на добычу ресурсов (royalty) в размере 10 % для нефти и 3 % для газа, а также другие налоги и сборы. Однако налоговые ставки могут меняться в зависимости от политической и экономической ситуации в регионе Анголы и договоренностей с правительством.

В нефтяном секторе Анголы можно говорить об отсутствии прозрачного налогообложения. Иностранные нефтяные компании активно лоббируют свои интересы в правительстве и часто добиваются льготного, невыгодного для Анголы налогообложения.

Общий экспорт нефти в Анголе за 2022-2023 гг. составил 7 680 659 095,34 долл. В переводе на местную валюту кванза получаем сумму 4 800 411 934 587,5 кванз. Налоговые и концессионные доходы Анголы в размере 1 359 626 274 642 кванзы составляют примерно 32 % от общей добычи нефти в регионе. Получается, что за 2022/23 год суммарная ставка налогообложения нефтяных доходов в Анголе составила 32 %.

Суммарная ставка налогообложения нефтяных доходов в Норвегии составляет 78 %, Австралии – 58 %, Англии – 40 %, Бразилии – 60 %, России – ок. 60 %. То есть, относительно других стран, в Анголе применяют чересчур низкую налоговую ставку в 32 %, выгодную иностранным нефтедобывающим компаниям [24].

Пересмотр системы налогообложения для иностранных нефтяных компаний позволит увеличить нефтяные доходы Анголы. Дополнительный перераспределенный доход может стать источником финансирования для реализации обоснованной в работе стратегии развития аграрной сферы региона Анголы.

Список источников

1. Региональная экономика: учеб. / под ред. В. И. Видякина, М. В. Степанова. Москва: ИНФРА-М, 2005. 666 с.
2. Жигулина Н. С., Ефимова Л. А. Агротаркетинг: сущность, особенности и направления развития // Молодой ученый. 2019. № 46(284). С. 376-380.

3. Кёстер У. Основы анализа аграрного рынка: учеб. пособие / пер. с нем. под ред. Е. В. Серовой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 360 с.

4. Fantini A., Rover O. J., Chiodo E., Assing L. Agroturismo e Circuitos Curtos de Comercialização de Alimentos Orgânicos // Biológicos na Associação “Acolhidana Colônia” SC/Brasil. RESR. 2018;6(3):517-534.

5. Life cycle assessment in Brazilian agriculture facing worldwide trends / C. F. Ruviaro [et all.] // Journal of Cleaner Production. 2012;28:19-24.

6. Абазова Л. Х. Особенности маркетинга и его становления в аграрном секторе экономики России // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 55-1.

7. Брянская О. Л. Особенности маркетинга сельскохозяйственной продукции // Наука без границ. 2018. № 1(18).

8. Кабаненко М. Н., Угримова С. Н., Кабаненко А. Е. Особенности маркетинговой деятельности сельскохозяйственных предприятий // Креативная экономика. 2020. Том 14, № 12. С. 3367-3380

9. Казарова А. Я., Айдинова А. Т., Косинова Е. А. Развитие и формирование рынков сельскохозяйственной продукции: учеб. пособие. Ставрополь: Ставропольский гос. аграр. ун-т (СтГАУ), 2021. 77 с.

10. Менеджмент в агропромышленном комплексе: учеб. пособие для бакалавров / Т. И. Кружкова, Е. М. Кот, А. В. Ручкин [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2020. 308 с.

11. Мамай О. В., Мамай И. Н. Совершенствование системы инновационного развития аграрного сектора региональной экономики: монография. Кинель: РИО Самарского ГАУ, 2019. 176 с.

12. Наседкина Т. И., Черных А. И., Гончаренко О. В. Повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции: монография. Белгород: ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ, 2022. 103 с.

13. Мокута Серафим Гонга, Ангола: современное социально-экономическое положение и тенденции развития // УЭкС. 2015. № 10(82).

14. Гомбо Т. Ф., Мухаметзянов Р. Р. Современная экономика Анголы: углеводороды, сельское хозяйство, продовольственная безопасность // Актуальные вопросы развития современного общества, экономики и профессионального образования: матер. XIX Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23 марта 2022 г. Екатеринбург: РГППУ, 2022. С. 68-72

15. Алберту Ж. Д., Висенте Ж. Д. Развитие экономики Анголы // Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 6-10.

16. Анализ размера и доли сельскохозяйственного рынка Анголы – тенденции роста и прогнозы (2024-2029 гг.). Отчет Mordor Intelligence. URL:

<https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/agriculture-in-angola> (дата обращения: 30.08.2024).

17. Енина Е. С. Модель оценки эффективности управления аграрной сферой региона в разрезе современного маркетинга // Образование и наука: современный вектор развития: сб. трудов по матер. II Нац. науч.-практ. конф. (Керчь, 16-17 июня 2023 г.). Керчь, КГМТУ, 2023. 323 с.

18. Национальный Институт статистики Анголы (Instituto Nacional de Estatística). Официальный сайт. Режим доступа на 10.05.2023: https://www.ine.gov.ao/Arquivos/arquivosCarregados//Carregados/Publicacao_638097190203119643.pdf

19. "Обзор ВЭД: Ангола": аналитический обзор. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России AGROEXPORT. Режим доступа на 10.11.2023: <https://aemcx.ru/reviews/обзор-вэд-ангола-2/>

20. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран / пер. с англ. Москва: Альбина Паблишер, 2016. 740 с.

21. Life cycle assessment in Brazilian agriculture facing worldwide trends / C. F. Ruviaro, M. Gianezini, F. S. Brandão [et all.] // Journal of Cleaner Production 2012;28:9-24.

22. Energy Capital & Power. The leading Africa-focused global energy investment platform. URL: <https://energycapitalpower.com/> (10.11.2023).

23. Sonangol E. P. URL: <https://www.sonangol.co.ao/> (10.11.2023).

24. Налоги в нефтедобыче: реформа 2020. Исследование "ВЫГОН Консалтинг". Режим доступа на 10.11.2023: https://vygon-consulting.ru/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf

Reference

1. Regional Economics: Textbook / edited by V. I. Vidyakin, M. V. Stepanov. Moscow: INFRA-M, 2005. 666 p. (In Russ.).

2. Zhigulina N. S., Efimova L. A. Agromarketing: the essence, features and directions of development. // Young scientist. 2019;6(284):376-380. (In Russ.).

3. Kester U. Fundamentals of agricultural market analysis: textbook /trans. from it. edited by E. V. Serova. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 360 p.

4. Fantini A., Rover O. J., Chiodo E., Assing L. Agroturismo e Circuitos Curtos de Comercialização de Alimentos Orgânicos // Biológicos na Associação “Acolhidana Colônia” – SC/Brasil. RESR, 2018;56(3):517-534.

5. Life cycle assessment in Brazilian agriculture facing worldwide trends / C. F. Ruviaro [et all.] // Journal of Cleaner Production. 2012;28:9-24.

6. Abazova L. H. Features of marketing and its formation in the agricultural sector of the Russian economy // Actual issues of economic sciences. 2016;55-1. (In Russ.).

7. Bryanskaya O. L. Features of marketing of agricultural products // Science without borders. 2018;118. (In Russ.).
8. Kabanenko M. N., Ugrimova S. N., Kabanenko A. E. Features of marketing activities of agricultural enterprises // Creative economics. 2020;14,12:3367-3380. (In Russ.).
9. Kazarova A. Ya., Aydinova A. T. Kosinova, E. A Development and formation of agricultural products markets. Stavropol: Stavropol State Agrarian University (StGAU), 2021. 77 p. (In Russ.).
10. Management in the agro-industrial complex: a textbook for bachelors / T. I. Kruzhkova, E. M. Kot, A. V. Ruchkin [et all]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Agrarian University, 2020. 308 p. (In Russ.).
11. Mamai O. V., Mamai I. N. Improvement of the system of innovative development of the agricultural sector of the regional economy: monograph. Kinel: RIO Samara State Agrarian University, 2019. 176 p. (In Russ.).
12. Nasedkina T. I., Chernykh A. I., Goncharenko O. V. Improving the competitiveness of agricultural products: monograph. Belgorod: Belgorod State Agrarian University, 2022. 103 p. (In Russ.).
13. Mokuta Serafim Gongu. Angola: the current socio-economic situation and development trends // UEX. 2015;10(82).
14. Gombo T. F., Mukhametzyanov R. R. The modern economy of Angola: hydrocarbons, agriculture, food security // Of the development of modern society, economics and vocational education: materials of the XIX International Youth Scientific and Practical Conference. Ministry of Education of the Russian Federation. Yekaterinburg, 2022. P. 68-72. (In Russ.).
15. Alberto J. D., Vicente J. D. The development of the Angolan economy // Strategic development of socio-economic systems in the region: an innovative approach: materials of the V International scientific and practical conference. Yekaterinburg, 2019. P. 6-10. (In Russ.).
16. Analysis of the size and share of the Angolan agricultural market – growth trends and forecasts (2024-2029). The Mordor Intelligence report. URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/agriculture-in-angola> (date of application: 30.08.2024).
17. Enina E. S. Model for assessing the effectiveness of regional agricultural management in the context of modern marketing // Education and science: modern vector of development: collection of works based on materials from the II National Scientific and Practical Conference (Kerch, June 16-17, 2023). Kerch, KSMTU, 2023. 323 p. (In Russ.).
18. National Statistics Institute of Angola (Instituto Nacional de Estatística). Official site. URL: https://www.ine.gov.ao/Arquivos/arquivosCarregados//Carregados/Publicacao_638097190203119643.pdf (accessed May,10, 2023).
19. "Review of foreign trade activities: Angola", analytical review. Federal Center of Agro-Industrial Products Export Development by the Russia Agricultural

Ministry AGROEXPORT. URL: <https://aemcx.ru/reviews/обзор-вэд-ангола-2/> (accessed November, 10, 2023). (In Russ.).

20. Porter M. International competition: Competitive advantages of countries. Moscow: Albina Publisher, 2016. 740 p.

21. Life cycle assessment in Brazilian agriculture facing worldwide trends / C. F. Ruviaro, M. Gianezini, F. S. Brandão [et all.] // Journal of Cleaner Production. 2012;28:9-24.

22. Energy Capital & Power. The leading Africa-focused global energy investment platform. URL: <https://energycapitalpower.com/> (accessed November, 10, 2023).

23. Sonangol E.P. URL: <https://www.sonangol.co.ao/> (accessed November, 10, 2023).

24. Tax in Oil: reform 2020. Research by "VYGON Consulting"; URL: https://vygon-consulting.ru/upload/iblock/0b6/vygon_consulting_tax_reform_2020.pdf (accessed November, 10, 2023).

Информация об авторах

Е. С. Енина – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ".

Элбер Эметери Куссока Нето – выпускник магистратуры ФГБОУ ВО "КГТУ".

Information about the authors

E. S. Enina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Kaliningrad State Technical University,

Elber E. K. Neto – Graduated Magistrate of Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 27.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 658.5(075.8)

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-169-187

Сравнительные оценки экономического развития стран ЕС 14

Николай Александрович Сберегаев

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

valentina.schennikova@klgtu.ru

Аннотация. Исследование проводилось с целью определения и анализа уровней и динамики экономического развития стран ЕС 14 (14 стран, ставших членами Европейского союза (ЕС) до мая 2004 г.), в том числе стран ЕС 6, стран Бенилюкс, стран ЕС 8, в 2010 г., 2016 г., 2022 г. В исследовании использовалась существенно дополненная и усовершенствованная методика сравнительного анализа уровня и изменения уровня, динамики и изменения динамики экономического развития стран. Расчет и анализ сравнительных оценок уровня и изменения уровня, динамики и изменения динамики экономического развития стран позволили оценить результаты экономического развития исследуемых стран, определить среди них страны-лидеры и страны-аутсайдеры по уровню и динамике их экономического развития. Расчет и анализ отношений max и min значений сравнительных оценок уровня и изменения уровня, динамики и изменения динамики и изменения динамики экономического развития исследуемых стран позволили оценить разрывы в уровне и динамике экономического развития этих стран, определить группы стран ЕС 14 по наименьшим и наибольшим разрывам. По результатам проведенного исследования сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), страны ЕС 14, страны ЕС 6, страны Бенилюкс, страны ЕС 8, уровень экономического развития страны, динамика экономического развития страны, показатели динамики экономического развития страны, индексы показателей динамики экономического развития страны, сравнительные оценки экономического развития стран, зависимые и независимые оценки экономического развития стран, страны-лидеры, страны-аутсайдеры.

Для цитирования: Сберегаев Н. А. Сравнительные оценки экономического развития стран ЕС 14 // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 169-187. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-169-187>

Comparative assessments of the EU 14 countries economic development

Nikolaj A. Sberegaev

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

valentina.schennikova@klgtu.ru

Abstract. The study was conducted in order to determine and analyze the levels and dynamics of economic development of the EU 14 countries (14 countries that became members of the European Union (EU) before May 2004), including the EU 6 countries, Benelux countries, EU 8 countries in 2010, 2016, 2022.. The study used a significantly expanded and improved methodology for comparative analysis of the level and changes in the level, dynamics and changes in the dynamics of economic development of countries. The calculation and analysis of comparative assessments of the level and changes in the level, dynamics and changes in the dynamics of economic development of countries made it possible to assess the results of economic development of the studied countries, identify among them the leader countries and outsider countries in terms of the level and dynamics of their economic development. Calculation and analysis of the ratio of max and min values of comparative estimates of the level and changes in the level, dynamics and changes in the dynamics and changes in the dynamics of economic development of the studied countries made it possible to assess the gaps in the level and dynamics of economic development of these countries, to identify groups of EU 14 countries by the smallest and largest gaps in the level and dynamics of economic development, based on the results of the study, the following conclusions were made relevant conclusions.

Keywords: The European Union (EU), EU 14 countries, EU 6 countries, Benelux countries, EU 8 countries, the level of economic development of the country, the dynamics of economic development of the country, indicators of the dynamics of economic development of the country, indices of indicators of the dynamics of economic development of the country, comparative assessments of economic development of countries, dependent and independent assessments of economic development of countries, leader countries, outsider countries

For citation: Sberegaev N. A. Comparative assessments of the U 14 countries economic development // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):169-187. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-169-187>

В статье излагаются результаты исследования экономического развития 14 стран, ставших членами Европейского союза (ЕС) до мая 2004 г. (страны ЕС 14). Среди них выделены 6 стран-основателей Европейского экономического сообщества (ЕЭС), преобразованного в ЕС с 1 января 1973 г.(страны ЕС 6): Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, а среди стран ЕС 6 выделены страны Бенилюкс (Бенилюкс): Бельгия, Люксембург, Нидерланды. Страны ЕС 8 – Австрия, Греция, Ирландия, Испания, Дания, Португалия, Финляндия, Швеция, ставшие членами ЕС до мая 2004 г., но позже 6 стран – основателей ЕЭС.

Целью исследования были определение и анализ уровней и динамики экономического развития, разрывов в уровне и динамике экономического развития вышеуказанных стран в 2010 г., 2016 г., 2022 г.

Исследование проводилось с использованием существенно дополненной и усовершенствованной методики сравнительного анализа уровня и изменения уровня, динамики и изменения динамики экономического развития стран [1, 2].

Для достижения цели данного исследования были решены следующие задачи:

1. Определение значений 8 показателей динамики экономического развития стран ЕС 14 за 2010 г., 2016 г., 2022 г.

2. Расчет и анализ сравнительных оценок уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕС 14 в 2010 г., 2016 г., 2022 г.

3. Расчет и анализ сравнительных оценок динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 14 в 2010-2016 гг., 2016-2022 гг.

4. Расчет и анализ отношений max и min значений сравнительных оценок уровня и изменения уровня экономического развития, динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 14 за 2010-2022 гг.

Номера, наименования, значения показателей динамики экономического развития всех стран ЕС 14 за 2010 г., 2016 г., 2022 г. указаны в таблицах 1÷4.

В таблице 1 приведены данные о показателях ВВП (по ППС), ВВП на душу населения (по ППС), необходимые для оценки и анализа размеров экономик и уровней экономик стран ЕС 14 за 2010 г., 2016 г., 2022 г. [3, 4].

Таблица 1 – ВВП (по ППС), ВВП на душу населения (по ППС) стран ЕС 14

Table 1 – GDP(by PPP), GDP per capita (by PPP) of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:					
		1			2		
		ВВП страны (по ППС), млрд. долл. США (место страны)			ВВП на душу населения страны (по ППС), долл. США (место страны)		
		2010 г.	2016 г.	2022 г.	2010 г.	2016 г.	2022 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Страны ЕС 6:						
1.1	Германия	3219,5 (1)	4164,7 (1)	5347,4 (1)	40101 (8)	50574 (6)	63816 (7)
1.2	Италия	2114,0 (3)	2420,4 (3)	3058,0 (3)	35416 (11)	40231 (11)	51847 (11)
1.3	Франция	2344,0 (2)	2863,8 (2)	3704,2 (2)	37358 (10)	44422 (10)	56426 (10)
1.4	Страны Бенилюкс:						
1.4.1	Бельгия	435,4 (6)	550,6 (6)	732,7 (6)	40162 (7)	48680 (8)	63070 (8)
1.4.2	Люксембург	47,5 (14)	66,0 (14)	89,2 (14)	94560 (1)	114497 (1)	138193 (1)
1.4.3	Нидерланды	750,4 (5)	890,4 (5)	1230,7 (5)	45274 (2)	52441 (4)	69963 (4)

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
2.	Страны ЕС 8:						
2.1	Австрия	355,1 (8)	460,2 (8)	604,5 (9)	42466 (6)	52660 (3)	66984 (5)
2.2	Греция	310,8 (9)	296,4 (12)	392,5 (12)	27489 (14)	27489 (14)	36909 (14)
2.3	Дания	239,1 (11)	297,7 (11)	416,6 (11)	43204 (4)	52160 (5)	70924 (3)
2.4	Ирландия	200,6 (13)	340,2 (9)	686,8 (8)	43919 (3)	71291 (2)	133789 (2)
2.5	Испания	1471,3 (4)	1733,9 (4)	2242,7 (4)	31597 (12)	37329 (12)	47111 (12)
2.6	Португалия	281,6 (10)	326,3 (10)	438,8 (10)	26638 (14)	31604 (13)	42634 (13)
2.7	Финляндия	210,6 (12)	246,9 (13)	325,4 (13)	39357 (9)	44995 (9)	58651 (9)
2.8	Швеция	400,2 (7)	500,4 (7)	689,1 (7)	42499 (5)	50062 (7)	65496 (6)

Примечание: ВВП – валовой внутренний продукт. ППС – паритет покупательной способности.

Как видно из данных таблицы 1, размеры экономик выросли в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 13 стран ЕС 14, за исключением Греции, а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у всех 14 стран, при этом места по данному показателю не менялись все три года у 10 стран, менялись же у 4 стран, в том числе, наиболее заметно у 2 стран: у Ирландии с 13 места в 2010 г. на 8 место в 2022 г. и у Греции с 9 места в 2010 г. на 12 место в 2016 г. и 2022 г. Как видно из данных этой таблицы, уровни экономик выросли в 2016 г., по сравнению с 2010 г., и в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у всех 14 стран ЕС 14, при этом, места по данному показателю не менялись все три года у 5 стран (Италии, Франции, Люксембурга, Испании, Финляндии), повысились места в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 4 стран (Германии, Австрии, Ирландии, Португалии), в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у 2 стран (Дании, Швеции). Наиболее заметно места изменились у Австрии: с 6 места в 2010 г. на 3 место в 2016 г.

В таблице 2 приведены данные о показателях ИЧР, ВНД на душу населения (по ППС), необходимые для оценки и анализа уровней развития населения и уровней доходов на душу населения стран ЕС 14 в 2010 г., 2016 г., 2022 г. [5, 6, 7, 8].

Как видно из данных таблицы 2, уровни развития населения повысились в 2016 г., по сравнению с 2010 г., и в 2022 г., по сравнению с 2016 г., во всех странах ЕС 14, при этом места по данному показателю не менялись все три года только у 2 стран (Бельгии, Португалии), повысились места в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 3 стран (Люксембурга, Австрии, Дании), а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у 4 стран (Ирландии, Испании, Финляндии, Швеции). Наиболее заметно места по данному показателю изменились у Франции – с 5 места в 2010 г. на 11 место в 2022 г., у Люксембурга с 12 места в 2010 г. на

6 место в 2016 г., у Дании с 8 места в 2010 г. на 1 место в 2016 г. и 2022 г. Очень высокий уровень развития населения (ИЧР>0,900) в 2016 г. был у 5 стран (Германии, Нидерландов, Дании, Ирландии, Швеции), в 2022 г. к этим странам добавились еще 6 стран (Франция, Бельгия, Люксембург, Австрия, Испания, Финляндия), у остальных стран в 2010 г., 2016 г., 2022 г. был высокий уровень развития населения (ИЧР 0,800÷0,900). Как видно из данных таблицы 2, уровни доходов на душу населения повысились в 2016 г., по сравнению с 2010 г., и в 2022 г., по сравнению с 2016 г., во всех странах ЕС 14, при этом, места по данному показателю не менялись все три года у 4 стран (Италии, Люксембурга, Дании, Испании), места повысились в 2016 г. по сравнению с 2010 г., у 4 стран (Германии, Австрии, Ирландии, Португалии); в 2022 г., по сравнению с 2016 г., только у Швеции (с 7 места на 5 место). Наиболее заметно места по данному показателю изменились у 2 стран: у Ирландии с 10 места в 2010 г. на 2 место в 2016 г. и 2022 г., у Нидерландов со 2 места в 2010 г. на 6 место в 2016 г. и 2022 г.

Таблица 2 – ИЧР, ВНД на душу населения (по ППС) стран ЕС 14

Table 2 – HDI, GNI per capita (by PPP) of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:					
		3			4		
		ИЧР страны (место страны)			ВНД на душу населения страны (по ППС), долл. США (место страны)		
		2010 г.	2016 г.	2022 г.	2010 г.	2016 г.	2022 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Страны ЕС 6:						
1.1	Германия	0,885 (3)	0,916 (3)	0,942 (4)	39730 (7)	51830 (5)	65300 (7)
1.2	Италия	0,854 (11)	0,873 (12)	0,895 (12)	35080 (11)	40040 (11)	52470 (11)
1.3	Франция	0,872 (5)	0,888 (8)	0,903 (11)	36730 (9)	43830 (10)	57090 (10)
1.4	Страны Бенилюкс:						
1.4.1	Бельгия	0,867 (7)	0,890 (7)	0,937 (7)	40450 (6)	49060 (8)	60020 (8)
1.4.2	Люксембург	0,852 (12)	0,892 (6)	0,930 (8)	61410 (1)	75120 (1)	97750 (1)
1.4.3	Нидерланды	0,890 (2)	0,922 (2)	0,941 (5)	44640 (2)	51020 (6)	66750 (6)
2.	Страны ЕС 8:						
2.1	Австрия	0,851 (13)	0,885 (9)	0,916 (9)	42360 (5)	52680 (4)	68170 (4)
2.2	Греция	0,855 (10)	0,865 (13)	0,887 (13)	27290 (13)	27380 (14)	36660 (14)
2.3	Дания	0,866 (8)	0,923 (1)	0,948 (1)	43700 (3)	53250 (3)	76810 (3)
2.4	Ирландия	0,895 (1)	0,916 (4)	0,945 (3)	36320 (10)	58340 (2)	91950 (2)
2.5	Испания	0,863 (9)	0,876 (11)	0,905 (10)	31220 (12)	37400 (12)	45950 (12)

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
2.6	Португалия	0,795 (14)	0,830 (14)	0,866 (14)	26390 (14)	30840 (13)	40870 (13)
2.7	Финляндия	0,871 (6)	0,883 (10)	0,940 (6)	39460 (8)	45140 (9)	58950 (9)
2.8	Швеция	0,885 (4)	0,907 (5)	0,947 (2)	43370 (4)	50740 (7)	67040 (5)

Примечание: ИЧР – Индекс человеческого развития; ВНД – валовой национальный доход.

В таблице 3 приведены данные по показателям "экономически активное население" и "государственный долг", необходимые для оценки и анализа трудоспособного населения и государственных заимствований стран ЕС 14 в 2010 г., 2016 г., 2022 г. [9].

Таблица 3 – Экономически активное население, государственный долг стран ЕС 14

Table 3 – Economically active population, government debt of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:					
		5			6		
		Экономически активное население страны, доля трудоспособного населения среди всего населения, % (место страны)			Государственный долг страны, % к ВВП страны (место страны)		
		2010 г.	2016 г.	2022 г.	2010 г.	2016 г.	2022 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Страны ЕС 6:						
1.1	Германия	55,2 (5)	58,5 (3)	59,5 (3)	73,2 (7)	69,0 (6)	66,5 (6)
1.2	Италия	44,2 (14)	43,7 (13)	44,3 (13)	119,2 (13)	134,8 (13)	144,7 (13)
1.3	Франция	51,0 (10)	50,3 (10)	51,1 (10)	81,8 (8)	96,1 (9)	111,1 (10)
1.4	Страны Бенилюкс:						
1.4.1	Бельгия	49,6 (11)	49,0 (11)	51,1 (11)	100,3 (12)	105,0 (11)	105,3 (9)
1.4.2	Люксембург	55,2 (6)	55,2 (7)	59,0 (5)	19,1 (1)	19,6 (1)	24,3 (1)
1.4.3	Нидерланды	61,2 (2)	60,2 (2)	64,2 (1)	59,3 (5)	61,9 (4)	48,5 (5)
2.	Страны ЕС 8:						
2.1	Австрия	57,3 (4)	57,4 (5)	57,3 (7)	82,4 (9)	82,5 (8)	77,8 (8)
2.2	Греция	46,3 (13)	39,5 (14)	43,1 (14)	127,8 (14)	183,7 (14)	177,4 (14)
2.3	Дания	58,6 (3)	58,0 (4)	59,5 (4)	42,6 (3)	37,2 (2)	29,7 (2)
2.4	Ирландия	54,7 (8)	57,0 (6)	58,5 (6)	86,2 (10)	74,3 (7)	45,2 (4)
2.5	Испания	47,8 (12)	47,0 (12)	49,3 (12)	60,5 (6)	102,7 (10)	112,0 (11)

1	2	3	4	5	6	7	8
2.6	Португалия	54,6 (9)	52,0 (9)	54,7 (9)	100,2 (11)	131,5 (12)	116,0 (12)
2.7	Финляндия	54,9 (7)	53,4 (8)	55,7 (8)	50,1 (4)	68,0 (5)	74,8 (7)
2.8	Швеция	64,5 (1)	67,1 (1)	59,7 (2)	38,1 (2)	42,3 (3)	31,7 (3)

Как видно из данных таблицы 3, доля трудоспособного населения среди всего населения повысилась в 2016 г., по сравнению с 2010 г., в 4 странах (Германии, Австрии, Ирландии, Швеции), а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., в 12 странах, за исключением Австрии, Швеции, при этом места по данному показателю не менялись все три года у 4 стран (Франции, Бельгии, Испании, Португалии), места повысились в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 3 стран (Германии, Италии, Ирландии), а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у 2 стран (Люксембурга, Нидерландов). При анализе государственного долга стран ЕС 14 необходимо помнить, что в Договоре о Европейском Союзе, заключенном 7 февраля 1992 г., указаны 5 обязательных для стран-членов ЕС критериев, в том числе, в отношении государственного долга страны: государственный долг должен быть менее 60 % ВВП страны. Как видно из данных таблицы 3, это обязательное требование все три года выполняли только 3 страны (Люксембург, Дания, Швеция), а также Финляндия (в 2010 г.), Нидерланды (в 2010 г., 2022 г.), Ирландия (в 2022 г.). Государственный долг понизился в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 3 стран (Германии, Дании, Ирландии), в 2022 г., по сравнению с 2016 г., к этим странам добавились еще 5 стран (Нидерланды, Австрия, Греция, Португалия, Швеция). Места по данному показателю не менялись три года у 3 стран (Италии, Люксембурга, Греции), места повысились в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 6 стран (Германии, Бельгии, Нидерландов, Австрии, Дании, Ирландии), а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., только у 2 стран (Бельгии, Ирландии). Наиболее заметно места по данному показателю изменились у 2 стран: у Ирландии с 10 места в 2010 г. на 4 место в 2022 г., у Испании с 6 места в 2010 г. на 11 место в 2022 г.

В таблице 4 приведены данные по показателям "коэффициент Джини" и "численность населения", необходимые для оценки и анализа степени расслоения населения по доходам и емкости внутреннего рынка товаров и услуг стран ЕС 14 в 2010 г., 2016 г., 2022 г. [10, 11].

Как видно из данных таблицы 4, наиболее благополучными по степени расслоения населения по доходам (коэффициент Джини < 30 %) в 2010 г. были 9 стран (Германия, Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Австрия, Дания, Финляндия, Швеция), в 2016 г. и 2022 г. к ним добавилась Ирландия. Остальные страны ЕС 14 в эти годы были по этому показателю достаточно благополучными (коэффициент Джини 30÷35 %). Как известно, чем меньше значение этого коэффициента, тем меньше расслоение население по уровню

доходов. Степень расслоения населения по доходам уменьшилась в 2016 г., по сравнению с 2010 г., в 4 странах (Франции, Бельгии, Австрии, Ирландии), не изменилась в Финляндии; в 2022 г., по сравнению с 2016 г., уменьшилась в 9 странах (Германии, Италии, Бельгии, Люксембурге, Нидерландах, Греции, Ирландии, Испании, Португалии), не изменилась в Дании, Швеции. Места по этому показателю не менялись все три года только у Германии, повысились в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у 4 стран (Франции, Бельгии, Австрии, Португалии), а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у 7 стран (Бельгии, Нидерландов, Дании, Ирландии, Испании, Португалии, Швеции). Наиболее заметно места по этому показателю изменились (изменения на 3 места) у 5 стран: повысились у Бельгии с 4 места в 2010 г на 1 место в 2022 г., у Ирландии с 10 места в 2010 г., 2016 г. на 7 место в 2022 г., у Португалии с 14 места в 2010 г. на 11 место в 2022 г., понизились у Италии с 11 места в 2010 г., 2016 г. на 14 место в 2022 г., у Люксембурга с 6 места в 2010 г. на 9 место в 2016 г., 2022 г. Как видно из данных таблицы 4, численность населения увеличилась в 2016 г., по сравнению с 2010 г., в 11 странах, исключение Греция, Испания, Португалия; в 2022 г., по сравнению с 2016 г., также в 11 странах, исключение Италия, Греция, Португалия. Места по этому показателю не менялись все три года у 10 стран, изменились места в 2016 г., по сравнению с 2010 г., у Бельгии и Греции, а в 2022 г., по сравнению с 2016 г., у Португалии и Швеции.

Таблица 4 – Коэффициент Джини, численность населения стран ЕС 14
Table 4 – Gini coefficient, Number of population of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:					
		7			8		
		Коэффициент Джини страны, % (место страны)			Численность населения страны, млн. чел. (место страны)		
		2010 г.	2016 г.	2022 г.	2010 г.	2016 г.	2022 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Страны ЕС 6:						
1.1	Германия	29,3 (8)	29,5 (8)	28,8 (8)	80,285 (1)	82,349 (1)	83,794 (1)
1.2	Италия	31,7 (11)	33,1 (11)	32,7 (14)	59,690 (3)	60,164 (3)	58,980 (3)
1.3	Франция	29,8 (9)	29,3 (7)	29,8 (10)	62,765 (2)	64,469 (2)	65,647 (2)
1.4	Страны Бенилюкс:						
1.4.1	Бельгия	26,6 (4)	26,3 (2)	24,9 (1)	10,840 (7)	11,311 (6)	11,618 (6)
1.4.2	Люксембург	27,9 (6)	29,6 (9)	29,1 (9)	0,502 (14)	0,576 (14)	0,645 (14)
1.4.3	Нидерланды	25,5 (2)	26,9 (3)	26,3 (2)	16,575 (5)	16,979 (5)	17,591 (5)

1	2	3	4	5	6	7	8
2	Страны ЕС 8:						
2.1	Австрия	28,3 (7)	27,2 (4)	27,8 (6)	8,361 (10)	8,740 (10)	9,025 (10)
2.2	Греция	32,9 (12)	34,3 (13)	31,4 (13)	11,119 (6)	10,784 (7)	10,635 (7)
2.3	Дания	26,9 (5)	27,7 (6)	27,7 (5)	5,535 (11)	5,707 (11)	5,873 (11)
2.4	Ирландия	30,7 (10)	29,6 (10)	27,9 (7)	4,568 (13)	4,771 (13)	5,134 (13)
2.5	Испания	33,5 (13)	34,5 (14)	32,0 (12)	46,562 (4)	46,450 (4)	47,603 (4)
2.6	Португалия	33,7 (14)	33,9 (12)	32,0 (11)	10,573 (8)	10,326 (8)	10,092 (9)
2.7	Финляндия	25,4 (1)	25,4 (1)	26,6 (3)	5,351 (12)	5,487 (12)	5,548 (12)
2.8	Швеция	25,5 (3)	27,6 (5)	27,6 (4)	9,416 (9)	9,995 (9)	10,522 (8)

В таблицах 1÷4 указаны места каждой страны ЕС 14 по ее значениям 8 показателей динамики экономического развития в 2010 г., 2016 г., 2022 г. Эти данные, вместе с ранее предложенной и успешно апробированной балльной системой [2], позволили рассчитать сравнительные оценки уровня экономического развития стран ЕС 14 S^1 , S^2 , S^3 , которые являются обобщенными количественными оценками уровня экономического развития этих стран. В расчете использовалась следующая шкала оценок в баллах: 1 место – 14 баллов, 2 место – 13 баллов, 3 место – 12 баллов, 4 место – 11 баллов, 5 место – 10 баллов, 6 место – 9 баллов, 7 место – 8 баллов, 8 место – 7 баллов, 9 место – 6 баллов, 10 место – 5 баллов, 11 место – 4 балла, 12 место – 3 балла, 13 место – 2 балла, 14 место – 1 балл. Оценки S^1 , S^2 , S^3 каждой страны ЕС 14 – это суммы баллов за места по значениям 8 показателей динамики экономического развития этой страны ЕС 14 соответственно в 2010 г., 2016 г., 2022 г. Полученные таким образом зависимые сравнительные оценки уровня экономического развития стран ЕС 14 позволили рассчитать зависимые сравнительные оценки изменения уровня экономического развития этих стран в 2010-2016 гг. ($S^2:S^1 \times 100\%$), 2016-2022 гг. ($S^3:S^2 \times 100\%$), представленные в таблице 5.

К сожалению, подробно изложить результаты анализа данных таблицы 5, так же как и последующих таблиц, нет возможности, поэтому коротко и на примере отдельных стран ЕС 14. По данным таблицы 5, Нидерланды по S^1 , S^2 , S^3 были на 1 месте. Почему? Как видно из данных таблиц 1÷4, Нидерланды были в тройке лидеров в 2010 г. по 5 показателям динамики экономического развития (номера показателей 2, 3, 4, 5, 6), в 2016 г. по 3 таким показателям (номера показателей 3, 5, 7), в 2022 г. по 2 таким показателям (номера показателей 5, 7), в тройке аутсайдеров Нидерландов не было все три года. При этом $S^2=90 < S^1=95$, соответственно, изменение уровня экономического развития Нидерландов в

2010-2016 гг. $S^2:S^1 \times 100 \% = 94,737 \%$ (9 место), $S^3=87 < S^2=90$, соответственно, изменение уровня экономического развития Нидерландов в 2016-2022 гг. $S^3:S^2 \times 100 \% = 96,667 \%$ (9 место). Таким образом, с одной стороны, Нидерланды по уровню экономического развития все три года были на 1 месте, но, с другой стороны, уровень их экономического развития относительно уровня развития других стран ЕС 14 снизился в 2016 г., по сравнению с 2010 г., и в 2022 г., по сравнению с 2016 г. Это тревожная для страны тенденция ее экономического развития.

Таблица 5 – Сравнительные оценки уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕС 14

Table 5 – Comparative estimates of the level and changes in the level of economic development of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Зависимые оценки:				
		уровня экономического развития страны (суммарные оценки)			изменения уровня экономического развития страны	
		страна (баллы):			страна (%):	
		S ¹	S ²	S ³	S ² : S ¹ ×100%	S ³ : S ² ×100%
1.	Страны ЕС 6:					
1.1	Германия	80(3)	87(2)	82(2÷3)	108,750(4)	95,402(10)
1.2	Италия	43(12)	43(11)	40(12)	100,000(8)	93,023(11)
1.3	Франция	75(4)	62(8)	55(9)	82,667(13)	88,710(13)
1.4	Страны Бенилюкс:					
1.4.1	Бельгия	60(8)	61(9)	64(7)	101,667(7)	104,918(3)
1.4.2	Люксембург	65(6)	67(6÷7)	67(6)	103,077(6)	100,000(6÷8)
1.4.3	Нидерланды	95(1)	90(1)	87(1)	94,737(9)	96,667(9)
2.	Страны ЕС 8:					
2.1	Австрия	58(9)	69(5)	62(8)	118,966(2)	89,667(12)
2.2	Греция	30(13)	19(14)	19(14)	63,333(14)	100,000(6÷8)
2.3	Дания	72(5)	77(3)	80(4)	106,944(5)	103,896(5)
2.4	Ирландия	52(10)	67(6÷7)	77(5)	128,845(1)	114,925(1)
2.5	Испания	48(11)	41(12)	43(10÷11)	85,417(12)	104,878(4)
2.6	Португалия	26(14)	29(13)	29(13)	111,538(3)	100,000(6÷8)
2.7	Финляндия	61(7)	53(10)	43(10÷11)	86,885(11)	81,132(14)
2.8	Швеция	85(2)	76(4)	83(2÷3)	89,412(10)	109,211(2)

По данным таблицы 5, Греция была по S¹ в 2010 г. на 13 месте, по S², S³ в 2016 г., 2022 г. на 14 месте. Почему? Как видно из данных таблиц 1÷4, Греция была в тройке аутсайдеров в 2010 г. по 5 показателям динамики экономического развития (номера показателей 2, 4, 5, 6, 7), в 2016 г. и 2022 г. по 7 таким показателям (номера показателей 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), в тройке лидеров Греции не было все три года. При этом $S^2=19 < S^1=30$, соответственно, изменение уровня экономического развития Греции в 2010-2016 гг. $S^2:S^1 \times 100 \% = 63,333 \%$ (14 место); а $S^3 = 19 = S^2 = 19$, соответственно, изменение уровня экономического развития Греции в 2016-2022 гг. $S^3:S^2 \times 100 \% = 100,000 \%$ (6÷8 места). Таким образом, с одной стороны, Греция по уровню экономического развития была

среди стран ЕС 14 все три года очевидным аутсайдером, с другой стороны, после снижения в 2016 г., по сравнению с 2010 г., уровня экономического развития страны в последующие 2016-2022 гг. наступила его стабилизация относительно развития других стран ЕС 14.

Данные таблиц 1÷5 позволяют проанализировать уровни и изменения уровней экономического развития всех стран ЕС 14. Повышение уровня экономического развития ($S^3:S^2 \times 100 \% > S^2:S^1 \times 100 \%$) произошло в 6 странах (Франции, Бельгии, Нидерландах, Греции, Испании, Швеции), а понижение ($S^3:S^2 \times 100 \% < S^2:S^1 \times 100 \%$) – у остальных 8 стран ЕС 14.

По данным таблиц 1÷4 были рассчитаны индексы показателей динамики экономического развития I_n , $n = \overline{1,8}$, а затем индексы динамики экономического развития $I_{гр}$ стран ЕС 14. Это позволило определить количественные оценки динамики, изменения динамики экономического развития этих стран, представленные тремя группами оценок:

1) если индексы показателей 1, 2, 3, 4, 5, 8 < 1, а индексы показателей 6, 7 > 1, $I_{гр} < 1$, – это количественные оценки отрицательной динамики (понижения уровня) экономического развития страны;

2) если индексы показателей 1, 2, 3, 4, 5, 8 > 1, а индексы показателей 6, 7 < 1, $I_{гр} > 1$, – это количественные оценки положительной динамики (повышения уровня) экономического развития страны;

3) если индексы показателей 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 = 1, $I_{гр} = 1$ – это количественные оценки нулевой динамики (неизменности уровня) экономического развития страны.

Расчет $I_{гр}$ производился по формуле:

$$I_{гр} = I_1 \times I_2 \times I_3 \times I_4 \times I_5 : I_6 : I_7 \times I_8.$$

Таблица 6 – Индексы показателей динамики экономического развития стран ЕС 14 (2010-2016 гг.)

Table 6 – Indices of indicators of the dynamic economic development of the EU 14 countries (2010-2016)

№ п/п	Страна	Индексы показателей динамики экономического развития страны (место страны)								
		I_1^1	I_2^1	I_3^1	I_4^1	I_5^1	I_6^1	I_7^1	I_8^1	$I_{гр}^1$
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	Страны ЕС 6:									
1.1	Германия	1,294 (4)	1,261 (2)	1,035 (2)	1,305 (2)	1,060 (1)	0,943 (2)	1,007 (1)	1,026 (8)	2,524 (2)
1.2	Италия	1,145 (13)	1,136 (13)	1,022 (10)	1,141 (13)	0,989 (7)	1,131 (9)	1,044 (11)	1,008 (11)	1,281 (10)
1.3	Франция	1,222 (8)	1,189 (7)	1,018 (11)	1,193 (8)	0,986 (9)	1,175 (10)	0,983 (3)	1,027 (7)	1,547 (8)
1.4	Страны Бенилюкс:									
1.4.1	Бельгия	1,265 (5)	1,212 (5)	1,027 (7)	1,213 (6)	0,988 (8)	1,047 (7)	0,989 (4)	1,043 (5)	1,885 (6)
1.4.2	Люксембург	1,389 (2)	1,211 (5)	1,047 (2)	1,223 (4)	1,000 (5)	1,026 (5)	1,061 (13)	1,148 (1)	2,271 (3)

Окончание таблицы 6

<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
1.4.3	Нидерланды	1,187 (9)	1,158 (11)	1,036 (5)	1,143 (12)	0,977 (11)	1,044 (6)	1,055 (12)	,024 (10)	1,478 (9)
2.	Страны ЕС 8:									
2.1	Австрия	1,296 (3)	1,240 (3)	1,040 (4)	1,244 (3)	1,002 (4)	1,001 (4)	0,961 (1)	1,045 (3)	2,263 (4)
2.2	Греция	0,954 (14)	0,983 (14)	1,012 (14)	1,003 (14)	0,853 (14)	1,437 (13)	1,043 (10)	0,970 (14)	0,525 (14)
2.3	Дания	1,245 (7)	1,207 (6)	1,066 (1)	1,219 (5)	0,990 (6)	0,873 (2)	1,030 (8)	1,031 (6)	2,217 (5)
2.4	Ирландия	1,696 (1)	1,623 (1)	1,023 (9)	1,606 (1)	1,042 (2)	0,862 (1)	0,964 (2)	1,044 (4)	4,096 (1)
2.5	Испания	1,178 (10)	1,181 (9)	1,015 (12)	1,198 (7)	0,983 (10)	1,698 (14)	1,030 (9)	0,998 (12)	0,949 (13)
2.6	Португалия	1,159 (12)	1,186 (8)	1,044 (3)	1,169 (10)	0,952 (13)	1,312 (11)	1,006 (6)	0,977 (13)	1,182 (11)
2.7	Финляндия	1,172 (11)	1,143 (12)	1,014 (13)	1,144 (11)	0,973 (12)	1357 (12)	1,000 (5)	1,025 (9)	1,142 (12)
2.8	Швеция	1,250 (6)	1,178 (10)	1,025 (8)	1,170 (9)	1,040 (3)	1,110 (8)	1,082 (14)	1,061 (2)	1,622 (7)

Индексы $I_{n, n}^1$, $n = \overline{1,8}$, представленные в таблице 6, рассчитывались как отношение значений соответствующего показателя определенной страны ЕС 14 в 2016 г. и 2010 г., индексы $I_{n, n}^2$, $n = \overline{1,8}$, представленные в таблице 7, рассчитывались как отношение значений соответствующего показателя определенной страны ЕС 14 в 2022 г. и 2016 г. Рассчитанные для стран ЕС 14 $I_{гэр}^1$ (2010-2016 гг.) и $I_{гэр}^2$ (2016-2022 гг.) представлены соответственно в таблицах 6 и 7.

Таблица 7 – Индексы показателей динамики экономического развития стран ЕС 14 (2016-2022 гг.)

Table 7 – Indices of indicators of the dynamic economic development of the EU 14 countries (2016-2022)

№ п/п	Страна	Индексы показателей динамики экономического развития страны (место страны)								
		I_1^2	I_2^2	I_3^2	I_4^2	I_5^2	I_6^2	I_7^2	I_8^2	$I_{гэр}^2$
<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
1.	Страны ЕС 6:									
1.1	Германия	1,284 (13)	1,262 (12)	1,028 (9)	1,260 (12)	1,017 (10)	0,964 (7)	0,976 (6)	1,018 (9)	2,310 (9)
1.2	Италия	1,263 (14)	1,289 (9)	1,025 (12)	1,310 (6)	1,014 (12)	1,073 (10)	0,988 (9)	0,980 (13)	2,049 (13)
1.3	Франция	1,293 (11)	1,270 (11)	1,017 (14)	1,303 (9)	1,016 (11)	1,156 (13)	1,017 (12)	1,018 (10)	1,914 (14)
1.4	Страны Бенилюкс:									
1.4.1	Бельгия	1,331 (7)	1,296 (8)	1,053 (2)	1,223 (14)	1,043 (6)	1,003 (9)	0,947 (5)	1,027 (7)	2,505 (7)
1.4.2	Люксембург	1,352 (5)	1,207 (14)	1,043 (4)	1,301 (10)	1,069 (2)	1,240 (14)	0,983 (8)	1,120 (1)	2,175 (12)

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.4.3	Нидерланды	1,382 (3)	1,334 (5)	1,021 (13)	1,308 (7)	1,066 (3)	0,784 (3)	0,978 (7)	1,036 (4)	3,546 (3)
2.	Страны ЕС 8:									
2.1	Австрия	1,314 (10)	1,272 (10)	1,035 (6)	1,294 (11)	0,998 (13)	0,943 (6)	1,033 (13)	1,033 (5)	2,369 (8)
2.2	Греция	1,324 (8)	1,343 (4)	1,025 (11)	1,339 (3)	1,091 (1)	0,966 (8)	0,915 (1)	0,986 (12)	2,970 (6)
2.3	Дания	1,399 (2)	1,360 (2)	1,027 (10)	1,442 (2)	1,026 (9)	0,798 (4)	1,000 (10)	1,029 (6)	3,728 (2)
2.4	Ирландия	2,019 (1)	1,877 (1)	1,032 (8)	1,576 (1)	1,026 (8)	0,608 (1)	0,943 (3)	1,076 (2)	11,868 (1)
2.5	Испания	1,293 (12)	1,262 (13)	1,033 (7)	1,229 (13)	1,049 (5)	1,091 (11)	0,928 (2)	1,025 (8)	2,200 (10)
2.6	Португалия	1,345 (6)	1,349 (3)	1,043 (5)	1,325 (4)	1,052 (4)	0,882 (5)	0,944 (4)	0,977 (14)	3,095 (5)
2.7	Финляндия	1,318 (9)	1,304 (7)	1,065 (1)	1,306 (8)	1,043 (7)	1,100 (12)	1,047 (14)	1,011 (11)	2,189 (11)
2.8	Швеция	1,377 (4)	1,308 (6)	1,044 (3)	1,321 (5)	0,890 (14)	0,749 (2)	1,000 (11)	1,053 (3)	3,108 (4)

Как уже отмечалось ранее [2], $I_{гэр}^1$ и $I_{гэр}^2$ – это независимые оценки динамики экономического развития исследуемых стран, позволяющие рассчитать для них независимые оценки изменения динамики экономического развития. Эти сравнительные оценки представлены в таблице 8, а $I_{гэр}^1$ и $I_{гэр}^2$ еще соответственно в таблицах 6 и 7.

Как видно из данных таблицы 6, динамика экономического развития 12 стран ЕС 14 была положительной ($I_{гэр}^1 > 1$), 2 стран (Греции, Испании) отрицательной ($I_{гэр}^1 < 1$). Наиболее успешно в 2010-2016 гг. среди стран ЕС 14 развивалась Ирландия: все восемь значений I_n^1 – оценки положительной динамики экономического развития, по $I_{гэр}^1$ Ирландия на 1 месте. Весьма успешно развивалась Германия: семь индексов I_n^1 (номера показателей 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8) $I_1^1, I_2^1, I_3^1, I_4^1, I_5^1, I_6^1, I_8^1$ – оценки положительной динамики экономического развития, по $I_{гэр}^1$ Германия на 2 месте. Весьма трудным этот период был по экономическому развитию у Греции: шесть индексов I_n^1 (номера показателей 1, 2, 5, 6, 7, 8) – оценки отрицательной динамики экономического развития, $I_{гэр}^1 < 1$, и по этому показателю страна на 14 месте. В 2016-2022 гг. у всех стран ЕС 14, как это видно из данных таблицы 7, $I_{гэр}^2 > 1$, более того, у 12 стран $I_{гэр}^2 > I_{гэр}^1$, исключение Германия и Люксембург. У 3 стран ЕС 14 (Германии, Нидерландов, Ирландии) все 8 индексов I_n^2 , $n = \overline{1,8}$ – оценки положительной динамики экономического развития; у 6 стран 7 индексов I_n^2 – оценки положительной динамики экономического развития: у Бельгии, Люксембурга, Испании (кроме I_6^2), Дании (исключение I_7^2), Греции, Португалии (исключение I_8^2); у 5 остальных стран 6 индексов I_6^2 – оценки положительной динамики экономического развития. Ранее [2] было доказано, что для более

полного и глубокого анализа динамики и изменения динамики экономического развития стран необходимо рассчитывать и анализировать не только независимые оценки динамики экономического развития ($I_{гэр}$), но и зависимые (суммарные) оценки (оценки c). Для расчета зависимых (суммарных) оценок динамики экономического развития стран ЕС 14 c^1 и c^2 была использована уже упоминавшаяся балльная система с такой же, как и для расчета S^1, S^2, S^3 стран ЕС 14, шкалой оценок в баллах, но при этом количество баллов определялось местом страны за каждый $I_n, n=\overline{1,8}$ среди других стран ЕС 14. Сравнительные зависимые оценки c^1 и c^2 – это суммы баллов за все 8 индексов I_n^1, I_n^2 определенной страны, они зависят как от значений I_n^1, I_n^2 страны, так и от мест по значениям этих индексов страны среди других стран ЕС 14, в этом смысле они – зависимые оценки динамики экономического развития страны. Соответственно, зависимыми являются сравнительные оценки изменения динамики экономического развития страны ($c^2:c^1 \times 100\%$). В таблице 6 указаны места стран ЕС 14 по значениям $I_n^1, n=\overline{1,8}$; в таблице 7 указаны места стран ЕС 14 по значениям $I_n^2, n=\overline{1,8}$. Все это позволило рассчитать для каждой страны ЕС 14 значения c^1 (для 2010-2016 гг.), c^2 (для 2016-2022 гг.), ($c^2:c^1 \times 100\%$) (для 2016-2022 гг., в сравнении с 2010-2016 гг.), указанные в таблице 8.

Таблица 8 – Сравнительные оценки динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 14

Table 8 – Comparative estimates of the dynamics and changes in the dynamics of economic development of the EU 14 countries

№ п/п	Страна	Зависимые оценки			Независимые оценки:		
		динамики экономического развития страны (суммарные оценки)		изменения динамики экономического развития страны	динамики экономического развития страны		изменения динамики экономического развития страны
		страна (баллы):		страна (%):	страна (баллы):		страна (%):
		c^1	c^2	$c^2:c^1 \times 100\%$	$I_{гэр}^1$	$I_{гэр}^2$	$I_{гэр}^2:I_{гэр}^1 \times 100\%$
(место страны)							
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Страны ЕС 6:						
1.1	Германия	87 (3)	42(12)	48,276(14)	2,524(2)	2,310(9)	91,521(14)
1.2	Италия	33(13)	35(13)	106,061(7)	1,281(10)	2,049(13)	159,953(9)
1.3	Франция	57 (8)	29(14)	50,877(12)	1,547(8)	1,914(14)	123,723(11)
1.4	Страны Бенилюкс:						
1.4.1	Бельгия	74(6)	62(7÷8)	83,784(11)	1,885(6)	2,505(7)	132,891(10)
1.4.2	Люксембург	83(4)	62(7÷8)	74,699(10)	2,271(3)	2,175(12)	95,772(13)
1.4.3	Нидерланды	44 (9÷10)	75(2÷4)	170,455(2÷3)	1,478(9)	3,546(3)	239,919(4)
2.	Страны ЕС 8:						
2.1	Австрия	95(2)	46(11)	48,421(13)	2,263(4)	2,369(8)	104,684(12)
2.2	Греция	13(14)	64(6)	492,308(1)	0,525(14)	2,970(6)	565,714(1)
2.3	Дания	79(5)	75(2÷4)	94,937(9)	2,217(5)	3,728(2)	168,155(8)

Окончание таблицы 8

1	2	3	4	5	6	7	8
2.4	Ирландия	99(1)	95(1)	95,960(8)	4,096(1)	11,868(1)	289,746(2)
2.5	Испания	37(11)	49(10)	132,432(5)	0,949(13)	2,200(10)	231,823(5)
2.6	Португалия	44 (9÷10)	75(2÷4)	170,455(2÷3)	1,182(11)	3,095(5)	261,844(3)
2.7	Финляндия	35(12)	51(9)	145,714(4)	1,142(12)	2,189(11)	191,681(6)
2.8	Швеция	60(7)	72(5)	120,000(6)	1,622(7)	3,108(4)	191,615(7)

Как видно из данных таблицы 8, Греция по $c^1 = 13$ баллов была в 2010-2016 гг. на 14 месте, по $c^2 = 64$ балла в 2016-2022 гг. на 6 месте, соответственно, по $c^2:c^1 \times 100 \% = 492,308 \%$ на 1 месте. Почему? Как видно из данных таблицы 6, Греция в 2010-2016 гг. была в тройке аутсайдеров по 7 индексам I_n^1 (кроме I_7^1), более того, по 6 из этих индексов (кроме I_6^1) она была на 14 месте, в тройке лидеров Греции не было ни по одному I_n^1 , в 2016-2022 гг. она, как это видно из данных таблицы 7, была в тройке лидеров по 3 индексам I_n^2 (номера показателей 4, 5, 7), а в тройке аутсайдеров только по индексу I_8^2 .

Германия по $c^1 = 87$ баллов была в 2010-2016 гг. на 3 месте, а по $c^2 = 42$ балла в 2016-2022 гг. на 12 месте, соответственно, $c^2:c^1 \times 100 \% = 48,276 \%$ (14 место). Почему? Германия, как это видно из данных таблицы 6, в 2010-2016 гг. была в тройке лидеров по 4 индексам I_n^1 (номера показателей 2, 4, 5, 6), в тройке аутсайдеров ее не было ни по одному индексу, а в 2016-2022 гг. она, как это видно из данных таблицы 7, отсутствовала в тройке лидеров, зато в тройке аутсайдеров она была по 3 индексам I_n^2 (номера показателей 1, 2, 4). По данным таблиц 6÷8 можно подобным образом проанализировать динамику и изменение динамики всех стран ЕС 14. Отметим, что у 7 стран ЕС 14 (Италии, Нидерландов, Греции, Испании, Португалии, Финляндии, Швеции) $c^2 > c^1$, а у остальных 7 стран ЕС 14 $c^2 < c^1$. В тройке лидеров и по c^1 , и по c^2 только одна страна (Ирландия) на 1 месте, в тройке аутсайдеров и по c^1 , и по c^2 также только одна страна (Италия) на 13 месте.

Краткий анализ независимых оценок динамики экономического развития стран ЕС 14 $I_{гэр}^1$ и $I_{гэр}^2$ был проведен ранее. Поэтому можно сопоставить результаты анализа динамики и изменения динамики экономического развития исследуемых стран по сравнительным зависимым и независимым оценкам, используя данные таблицы 8. Как видно из данных этой таблицы, в 2010-2016 гг. одинаковые места и по c^1 , и по $I_{гэр}^1$ были у 8 стран (Франции, Бельгии, Нидерландов, Греции, Дании, Ирландии, Финляндии, Швеции), отличие на 1 место по этим оценкам было у 3 стран (Германии, Люксембурга, Португалии), отличие на 2 и более мест было также у 3 стран (Италии, Австрии, Испании): в 2016-2022 гг. одинаковые места по c^2 и по $I_{гэр}^2$ были у 8 стран (Италии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Греции, Дании, Ирландии, Испании),

отличие на 1 место по этим оценкам было только у Швеции, отличие на 2 и более мест было у 5 стран (Германии, Люксембурга, Австрии, Португалии, Финляндии); одинаковые места и по $c^2:c^1 \times 100\%$, и по $I^2_{г\text{гр}}:I^1_{г\text{гр}} \times 100\%$ были у 4 стран (Германии, Греции, Испании, Португалии), отличие на 1 место по этим оценкам было у 5 стран (Франции, Бельгии, Австрии, Дании, Швеции), отличие на 2 и более мест было также у 5 стран (Италии, Люксембурга, Нидерландов, Ирландии, Финляндии). Чтобы оценить и проанализировать разрывы в уровне и динамике экономического развития стран ЕС 14 в 2010 г., 2016 г., 2022 г., были рассчитаны отношения max и min значений сравнительных оценок этих стран, представленные в таблице 9.

Таблица 9 – Отношения max и min значений сравнительных оценок стран ЕС 14

Table 9 – The ratio of max and min values of comparative estimates of the EU 14 countries

№ п/п	Годы	Страны:			
		ЕС 14	ЕС 6	Бенилюкс	ЕС 8
1.	Уровень экономического развития страны (зависимые оценки):				
1.1	2010 г.	654	2,209	1,583	3,269
1.2	2016 г.	4,737	2,093	1,475	4,053
1.3	2022 г.	4,579	2,175	1,359	4,368
2.	Изменение уровня экономического развития страны (зависимые оценки):				
2.1	2016 г. в сравнении с 2010 г.	2,034	1,316	1,088	2,034
2.2	2022 г. в сравнении с 2016 г.	1,417	1,128	1,085	1,417
3.	Динамика экономического развития страны (зависимые оценки):				
3.1	2010-2016 гг.	7,615	2,636	1,886	7,615
3.2	2016-2022 гг.	3,276	2,586	1,210	2,065
4.	Изменение динамики экономического развития страны (зависимые оценки):				
4.1	2016-2022 гг. в сравнении с 2010-2016 гг.	0,198	3,531	2,282	3,520
5.	Динамика экономического развития страны (независимые оценки):				
5.1	2010-2016 гг.	7,802	1,970	1,537	7,802
5.2	2016-2022 гг.	6,201	1,853	1,630	5,422
6.	Изменение динамики экономического развития страны (независимые оценки):				
6.1	2016-2022 гг. в сравнении с 2010-2016 гг.	6,181	2,621	2,479	5,404

Прежде чем анализировать данные этой таблицы, необходимо определиться в вопросе о том, насколько важна для стран ЕС проблема разрыва в уровне и динамике экономического развития этих стран. Совершенно определенный ответ на этот вопрос содержится в Договоре о ЕС, вступившем в силу 1 ноября 1993 г.: "углубление интеграционных процессов предполагает выравнивание уровней социально-экономического развития стран-участников". Кроме того, во 2-й статье этого Договора решение задачи выравнивания уровней

развития стран–участников рассматривается как путь к сплочению и солидарности стран ЕС. Каковы же успехи стран ЕС 14 на этом пути?

Как видно из данных таблицы 9, минимальные разрывы в уровне и изменении уровня, динамике и изменении динамики экономического развития в 2010-2022 гг. среди стран ЕС 14 был у стран Бенилюкс, максимальные разрывы в уровне и изменении уровня экономического развития в 2010-2022 гг. среди стран ЕС 14 были у стран ЕС 8. Максимальный разрыв в динамике и изменении динамики экономического развития (по независимым оценкам) в 2010-2022 гг. среди стран ЕС 14 также был у стран ЕС 8. Максимальный разрыв в динамике экономического развития (по зависимым оценкам) в 2010-2016 гг. среди стран ЕС 14 был у стран ЕС 8, а в 2016-2022 гг. у стран ЕС 6, и у них же был максимальный разрыв в изменении динамики экономического развития (по зависимым оценкам). Почему именно у стран Бенилюкс наименьшие среди стран ЕС 14 разрывы в уровне и изменении уровня, в динамике и изменении динамики экономического развития? Страны Бенилюкс в своем развитии используют не только доступные всем странам ЕС возможности этого союза, но и возможности своего союза. Это позволяет Бельгии, Люксембургу, Нидерландам на протяжении уже многих лет весьма успешно реализовывать стремление к очень высокой интеграции своих стран в различных областях, в том числе в экономике.

Выводы:

1. Расчет и анализ сравнительных оценок уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕС14 позволили оценить и сравнить уровни экономического развития каждой из этих стран в 2010 г., 2016 г., 2022 г., сравнить уровни и изменения уровней экономического развития стран ЕС 6, стран Бенилюкс, стран ЕС 8 в эти годы, определить среди исследованных стран страны-лидеры и страны–аутсайдеры.

2. Расчет и анализ сравнительных оценок (зависимых и независимых) динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 14 позволили оценить и сравнить динамики и изменения динамики экономического развития каждой из этих стран в 2010-2016 гг., 2016-2022 гг., сравнить динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 6, стран Бенилюкс, стран ЕС 8 в эти периоды времени, определить среди исследованных стран страны–лидеры и страны–аутсайдеры.

3. Расчет и анализ отношений \max и \min значений сравнительных оценок уровня и изменения уровня, динамики и изменения динамики экономического развития стран ЕС 14 позволили оценить разрывы в уровне и изменении уровня, в динамике и изменении динамики стран ЕС 14, в том числе стран ЕС 6, стран Бенилюкс, стран ЕС 8 в 2010-2016 гг., 2016-2022 гг., определить, что все эти годы наименьшие разрывы в экономическом развитии были у стран Бенилюкс; наибольшие разрывы в экономическом развитии (по независимым оценкам)

были у стран ЕС 8; наибольшие разрывы в динамике экономического развития в 2010-2016 гг. (по зависимым оценкам) были у стран ЕС 8, а в 2016-2022 гг. у стран ЕС 6; наибольшие разрывы в изменении динамики экономического развития в 2016-2022 гг., в сравнении с 2010-2016 гг. (по зависимым оценкам), были у стран ЕС 6.

Список источников

1. Сберегаев Н. А. Динамика экономического развития стран Евразийского экономического союза //Балтийский экономический журнал. 2022. № 3(39). С. 76-85.
2. Сберегаев Н. А. Сравнительные оценки экономического развития стран бывшего СССР//Балтийский экономический журнал. 2024. № 1(45). С. 80-94
3. Валовой внутренний продукт стран в 1980–2023 гг. svspb.net/danmark/vvp-stran.php
4. Рейтинг стран по размеру ВВП на душу населения в 1980–2023 гг. svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php.
5. Индекс развития человеческого потенциала и его компоненты. Доклад о развитии человека 2010 г. Статистическое приложение. un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_indicators.pdf.
6. Индекс человеческого развития (ИЧР) / Отчеты hdr 2020–2015 гг. nonews.co/directory/list/countries/index-human.
7. Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития. gtmarket.ru/ratings/human-development-index
8. Рейтинг стран по размеру ВНД на душу населения 1990-2022 гг. svspb.net/danmark/vnd-stran-na-dushu-naselenija.php.
9. svspb.net/danmark/gosudarstvennyj-dolgstran.php.
10. Социальная демография. Индекс Джини. countryeconomy.com/demography/gini-index.
11. Численность населения стран в 1980-2023 гг. svspb.net/danmark/naselenie-stran.php.

References

1. Sberegaev N. A. Dynamics of Economic development of the countries of the Eurasian Economic Union //Baltic Economic Journal. 2022;3(39):76-85. (In Russ.).
2. Sberegaev N. A. Comparative estimates of the economic development of the former USSR countries // Baltic Economic Journal. 2024;1(45):80-94 (In Russ.).
3. svspb.net/danmark/vvp-stran.php.
4. svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php.
5. un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_indicators.pdf.

6. nonews.co/directory/list/countries/index-human.
7. gtmarket.ru/ratings/human-development-index.
8. svspb.net/danmark/vnd-stran-na-dushu-naselenija.php.
9. svspb.net/danmark/gosudarstvennyj-dolgstran.php.
10. countryeconomy.com/demography/gini-index.
11. svspb.net/danmark/naselenie-stran.php.

Информация об авторе

Н. А. Сберегаев – канд. экон. наук, профессор ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет"

Information about the author

N. A. Sberegaev – Candidate of Economical Sciences, Professor of INOTEKU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 18.08.2024.

The article was submitted 13.08.2024; approved after reviewing 16.08.2024; accepted for publication 18.08.2024.

Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"

К публикации принимаются авторские материалы, удовлетворяющие следующим требованиям.

В редакцию журнала должны быть направлены в электронном виде авторский оригинал статьи на русском языке; заголовок статьи на русском и английском языках; краткая аннотация статьи на русском и английском языках, раскрывающая постановку задачи и основные полученные результаты и выводы, объем – не менее 10 строк; список источников на русском и английском языках; сведения об авторах на русском и английском языках, включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, место работы, должность, E-mail, адрес.

Объем авторского оригинала статьи должен быть 8-16 страниц компьютерного текста формата А4, напечатанного через интервал множитель 1,1; шрифт Times New Roman; размер шрифта (кегель) – 13, абзацный отступ 1,25; поля – 2,5 см со всех сторон.

Все рисунки и таблицы должны иметь заголовки на русском и английском языках и упоминаться в тексте в виде ссылок. Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки и таблицы.

Таблицы набираются тем же шрифтом, что и основной текст, но меньшего размера (кегель 12, если много данных, допускает кегль 9). Если цифровые данные в таблице выражены в одной единице, ее наименование приводится в заголовке таблицы через запятую (масса, кг; длина, см). Если же эти данные выражены в разных единицах, их указывают в заголовке каждой графы.

Таблицы слева, справа и снизу, как правило, ограничиваются линиями. Головка таблицы должна быть отделена линией от остальной части таблицы. Если цифровые данные в некоторых графах таблицы не приводятся, то в графе ставится прочерк.

В качестве иллюстративного материала можно использовать графики. Оси абсцисс и ординат графика должны иметь условные обозначения и размерность применяемых величин. Иллюстрации следует располагать так, чтобы их было удобно рассматривать без поворота работы или с поворотом по часовой стрелке.

Статья должна иметь УДК, список использованной литературы не менее 10 названий (оформляется строго по ГОСТ 7.0.5-2011), ее заглавие должно быть кратким и адекватным содержанию. На все источники должны быть ссылки в тексте по мере упоминания. В список источников рекомендуется включать ссылки на статьи по соответствующей тематике, ранее опубликованные в "Балтийском экономическом журнале".

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья

УДК 347.736

doi: (далее вписывает редакция)

Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке

Иван Иванович Иванов

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

ivan.ivanov@klgtu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные направления возрастающего влияния информационной экономики и информационных технологий на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке ... (не менее 10 строк).

Ключевые слова: доля рынка, гибкость предприятия, предприятия с признаками виртуальности, конкуренция, конкурентоспособность

Для цитирования: Иванов И. И.. Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке // Балтийский экономический журнал (далее вписывает редакция)

Original article

Ecology and regional energy conservation policy

Ivan I. Ivanov

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

ivan.ivanov@klgtu.ru

Abstracts. In this article the author regarded the basic directions of ongoing influence of information economy and information technologies upon the appearance of new possibilities for market share expansion ... (не менее 10 строк).

Keywords: market share, enterprise flexibility, enterprises with the properties of virtuality, competition, competitiveness

For citation: Ivanov I. I. The influence of information economy upon the appearance of new possibilities for market share expansion // (далее вписывает редакция).

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторе

И. И. Иванов – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук

Information about the author

I. I. Ivanov – Doctor of Science (Economy), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию _____.2024; одобрена после рецензирования _____.2024; принята к публикации _____.2024 (дату вписывает редакция)

The article was submitted _____.2024; approved after reviewing _____.2024; accepted for publication _____.2024. (дату вписывает редакция)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1 – Расчет вероятности банкротства ПАО "Транснефть" в 2018–2020 гг. по методике В. Ю. Жданова

Table 11 – Calculation of the probability of bankruptcy of Transneft in 2018-2020 according to the method of V. Yu. Zhdanov

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение	Темп прироста, %
Коэффициент рентабельности оборотных активов (X_1)	0,05	0,3	0,23	0,18	360
Коэффициент самофинансирования (X_2)	4,47	4,92	6,64	2,17	48,55
X_3	3,53	3,27	2,74	-0,79	-22,38
Коэффициент оборачиваемости активов (X_4)	0,91	0,93	0,08	-0,83	-91,21
Коэффициент текущей ликвидности (X_5)	0,8	0,89	0,82	0,02	2,50
Количественная оценка	0,19	0,29	0,21	0,02	10,53

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ РИСУНКА

Рисунок 5 – Динамика изменения цен на рыбную продукцию (на конец месяца, декабрь к декабрю), составлено по материалам [6]

Figure 5 – Dynamics of changes in prices for fish products (at the end of the month, December to December)

Статьи, подготовленные аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются при наличии сведений о научном руководителе и его письменной рекомендации по публикации статьи.

Авторские материалы, представленные с нарушением указанных требований, к публикации не принимаются.

Присланные статьи обязательно должны иметь рецензии, заключение экспертной комиссии о возможности публикации статьи в открытой печати. Публикуются при их рекомендации к публикации редакционной коллегией "Балтийского экономического журнала".

Публикация статей в "Балтийском экономическом журнале" осуществляется бесплатно. Авторские экземпляры либо высылаются по электронной почте, либо автор получает их по подписке.

Материалы направляются по адресу: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1. E-mail: elina.kruglova@klgtu.ru

Справки по телефону: (4012) 69-01-01 (телефон/факс), 69-01-52.

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**Научно-практический журнал
№ 3(47) сентябрь 2024 г.**

Редактор выпуска Э. С. Круглова

Свид. о регистрации ПИ №ФС77-62617 от 31.07.2015 г.
Подписано в печать 26.06.2024. Выход в свет 28.06.2024.
Бумага для множительных аппаратов.
Формат 60 x 90/8. Гарнитура Таймс. Ризограф.
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 13,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 69

Цена 250 руб.

Типография ФГБОУ ВО "Калининградский государственный
технический университет"
236022, г. Калининград, Советский пр. 1